

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН

ИСПОВЕДЬ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Исповедь

Свт. Августин Аврелий

Аннотация
Августин Аврелий. Исповедь
Книга первая
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX

Глава XX
Книга вторая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Книга третья
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Книга четвертая

Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Книга пятая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX

Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Книга шестая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Книга седьмая
Глава I
Глава II
Глава III

Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Книга восьмая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII

Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Книга девятая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Книга десятая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI

Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII
Глава XXVIII
Глава XXIX
Глава XXX
Глава XXXI
Глава XXXII

Глава XXXIII
Глава XXXIV
Глава XXXV
Глава XXXVI
Глава XXXVII
Глава XXXVIII
Глава XXXIX
Глава XL
Глава XLI
Глава XLII
Глава XLIII
Книга одиннадцатая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV

Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII
Глава XXVIII
Глава XXIX
Глава XXX
Глава XXXI
Книга двенадцатая
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII

Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII
Глава XXVIII
Глава XXIX
Глава XXX
Глава XXXI
Глава XXXII
Книга тринадцатая
Глава I

Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII

Глава XXVIII
Глава XXIX
Глава XXX
Глава XXXI
Глава XXXII
Глава XXXIII
Глава XXXIV
Глава XXXV
Глава XXXVI
Глава XXXVII
Глава XXXVIII

Аннотация

Аврелий Августин – христианский богослов и философ, влиятельнейший проповедник, епископ Гиппонский, один из Отцов христианской церкви.

«Исповедь» – общее название 13 автобиографических сочинений Августина Блаженного, написанных около 397–398 года н. э. и рассказывающих о его жизни и обращении в христианство.

Эта первая развернутая автобиография в европейской литературе содержит ценнейшие сведения о христианизации позднего античного мира во время его заката, о поисках Бога в себе и вне себя.

Августин Аврелий
Исповедь

* * *

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Книга первая

Глава I

«Велик Господь и достохвален; и велика крепость Его, и разум Его неизмерим» (Пс. CXLIV, 3; CXLVI, 5). И вот человек, ничтожная частица творения Твоего, хочет восхвалять Тебя, — человек, носящий в себе свою смертность и являющий повсюду свидетельство греховности своей и того, что Ты «противишься гордым» (Иак. IV, 6; I Петр. V, 5); и этот человек, столь незначительное звено в созданном Тобою, дерзает воспевать Тебе хвалу. Но Ты сам возбуждаешь его к тому, чтобы он находил блаженство в прославлении Тебя, ибо Ты создал нас для Себя, и душа наша дотоле томится и не находит себе покоя, доколе не успокоится в Тебе. Дай же мне, Господи, уразуметь, должен ли я прежде призывать Тебя, а затем славословить, или вначале познать Тебя, а потом — призывать? Ибо кто может призвать Тебя, не зная Тебя? Или же надлежит призвать Тебя, дабы познать? «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? Как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего?» (Рим. X, 14). И восхвалят Господа взыскующие Его. Ибо только ищущие могут обрести Его и обретающие — славосло-

вить Его. Итак, взыскую Тебя, Господи, призывая Тебя, и призываю Тебя, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Призывает Тебя, Господи, вера моя, дарованная Тобою, которую Ты вдохнул в меня человеколюбием Сына Твоего, служением Исповедника Твоего.

Глава II

И как призвать мне Бога моего, Бога и Господа моего? Взывая к Нему, призову Его в себя самого. Но где же то место во мне, куда призвал бы я Бога моего? Где вселится в меня Бог, сотворивший небо и землю? Есть ли, Господи, что-либо такое во мне, что могло бы вместить Тебя? И само ли небо и земля, созданные Тобою, вместе с которыми Ты создал и меня, — вмещают ли Тебя? Но если все сущее не было бы сущим без Тебя, то, выходит, Ты присущ всему сущему и ничто не может быть чуждо Тебя. А раз и я существую в ряду творений Твоих, то зачем домогаюсь, чтобы ты взошел в храмину души моей и водворился в ней, коль скоро я не был бы сущим, не будь Тебя во мне? Ведь не в аду же я, хотя Ты и там: «сойду ли в преисподнюю и там Ты» (Пс. CXXXVIII, 8). Не было бы меня, Боже, не было бы совсем, если бы Ты не был во мне; или, точнее, я не был бы, если бы не был в Тебе, ибо «все из Него, Им и к Нему» (Рим. XI, 36). Истинно, Господи, так! Куда же я зову Тебя, когда я сам — в Тебе? Или откуда Ты приидешь ко мне? И куда деваться мне с неба и земли, чтобы оттуда мог снизойти ко мне Бог, сказавший: «Не

наполняю ли Я небо и землю» (Иер. XXIII, 24)?

Глава III

Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или, наполняя их, остаешься невместимым, ибо они не всего Тебя вмещают? Но куда изливаешь Ты то, что остается от Тебя, наполняющего небо и землю? Или Тебе, содержащему все, нет нужды содержаться в чем-либо, поскольку то, что Ты наполняешь, Ты и содержишь, Сам же не содержишься тем, что наполняешь? Ведь не сосуды же, наполняемые Тобою, делают Тебя неизменным и непреложным: сами они разбиваются и сокрушаются. Ты же Сам в Себе не терпишь от этого ущерба, ибо нисколько от них не зависишь. И когда изливаешься на нас свыше, то нас восполняешь, а Сам не оскудеваешь; не ниспадаешь, а восстанавливаешь; не расточаешь Себя, а собираешь нас. Но, наполняя Собою все, всем ли Собою наполняешь? И если твари не могут вмещать Тебя, Творца всего, целиком, то не вмещают ли они Тебя по частям? И притом одинаково ли все, или по-разному, например, большие (твари) — больше, а меньшие — меньше? И значит ли это, что в Тебе могут быть части, большие и меньшие? Или Ты

везде весь, но ничто не вмещает Тебя всецело?

Глава IV

Кто же Ты, Господи мой? Кто или что, как не Господь Бог. «Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего?» (Пс. XVII, 32). Высочайший, совершеннейший, всемогущий, всеблагой и всемилосердный, в высшей степени правосудный и справедливый, недоступный и всем присущий, истинная красота и необоримая сила, неизменный, но изменяющий все, нестареющий и необновляющийся, но обновляющий все и старящий гордых в их неведении, всегда покоящийся и вечно творящий, все собирающий и ни в чем не нуждающийся, все носящий, наполняющий и поддерживающий, питающий и совершенствующий, обо всем заботящийся и ни в чем не имеющий недостатка. Ты любишь, но не волнуешься, ревнуешь, но не тревожишься, раскаиваешься, но не скорбишь, гневаешься, но не возмущаешься, изменяешь дела, но не изменяешь намерений, воспринимаешь, но не теряешь, ни в чем не нуждаешься, но, приобретая, радуешься, не корыстен, но требуешь лихвы. Тебе воздается, чтобы склонить к щедрости, но у кого есть что-либо, что не от Тебя? Ты воздаешь, платя

долги, но кому же Ты должен? Прощая, оставляешь долги, ничего не теряя. Но что все слова мои, Господи мой, жизнь моя, радость и утеха моя? Но горе безмолвствующим о Тебе, когда и многоречивые немеют.

Глава V

Но кто даст мне успокоение в Тебе? Кто утешит меня, сделав так, чтобы снизошел Ты в душу мою и наполнил Собою сердце мое, дабы забыть мне все горе мое и Тебя, единое благо мое, воспринять и возлюбить? Что Ты для меня? Сжалься, дозволь говорить, и я скажу сам себе: что я сам для Тебя, что заповедуешь мне любить Тебя, и если я не буду любить Тебя, Ты вознегодуешь и ниспошлешь великие бедствия? Велики ли, или не столь уж и велики эти бедствия, если я не буду любить Тебя? Увы мне! Скажи мне из сострадания Твоего ко мне, Господи Боже мой, что Ты для меня. Скажи душе моей: «Я спасение твое» (Пс. XXXIV, 3). Скажи так, чтобы я услышал. Готово сердце мое и открыты уши для гласа Твоего: «Я спасение твое». И последую я за гласом Твоим, и настигну Тебя. Не укрой от меня лица Твоего: пусть я умру, но умру, увидев его.

Тесна храмина души моей, как войти Тебе в нее и как поместиться? Но Ты расширь ее. Она в руинах — восстанови и обнови ее. Знаю, много есть в ней нечистого, что оскорбит взор Твой, но кто очистит ее? К кому, как не к Тебе воззо-

ву я: «От тайных (грехов) моих очисти меня и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною» (Пс. XVIII, 13,14)? «Я веровал, и потому говорил» (Пс. CXV, 1), Ты знаешь, Господи. Не пред Тобою ли исповедал я грехи мои, Боже, изобличая себя в них? И Ты простил мне неправды мои, остановил нечестие сердца моего. Мне ли судиться с Тобою, Который есть Истина? И самому себе я лгать не намерен, да не солжет мне неправда моя. Ибо «если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?» (Пс. CXXIX, 3).

Глава VI

Но все же дозволь мне, Господи, хотя я — прах и пепел, дозволь мне пред Твоим милосердием возвысить голос мой. Ведь я взываю к милосердию Твоему, а не к человеку, могущему высмеять меня. Пускай и Ты посмеешься, но Ты же, сжалившись, и помилуешь. Ибо что я хочу сказать Тебе, Господи мой! Начать с того, что я не знаю, откуда пришел сюда, в эту мертвую жизнь или живую смерть. И вот меня, пришельца, восприняло и утешило сострадательное милосердие Твое, как слыхал я еще от плотских родителей моих, отца и матери, из которых Ты образовал меня. Сам я об этом ничего не помню, но знаю: вскормил меня молоком, по детской немощи моей, Твой благостный промысел. Не мать моя, не кормилица питали меня сосцами своими, но Ты через них подавал младенцу его детскую пищу по законам природы, предначертанным Тобою, по богатству щедрот Твоих, которыми Ты благодетельствуешь всякую тварь по мере потребностей ее. Ты также даровал мне ощущать, сколько требовалось мне еды, дабы я не требовал сверх меры, и в кормивших меня вложил желание давать мне то, что

они давали. И они охотно давали мне то, что в изобилии получали от Твоих щедрот. Ибо благо мое было и их благом, и хотя ими передавалось мне, но происходило не от них, а через них совершалось Тобою, поскольку всякое благо — от Тебя, и от Господа моего — спасение мое. Я понял это гораздо позже, хотя уже тогда Ты взывал ко мне, ниспосылая Свои дары. Но в то время я умел лишь сосать материнскую грудь, покоиться на ее лоне, утешаться ее ласками и плакать, если чувствовал телесные неудобства.

Потом я научился смеяться, сперва во сне, а потом — и наяву. Так мне говорили, и я поверил, ибо видел то же и у других младенцев, хотя о себе этого не помню. И вот уже я начал различать окружавшие меня предметы и стал пытаться сообщать о своих желаниях тем, кто мог бы их исполнить; но ничего не выходило, так как желания мои были во мне, а те, к кому я обращался, — вне меня, и они не могли проникнуть в душу мою. Я подавал знаки и хныкал, но все это было убого и невыразительно, и понять меня никто не мог. И когда желания мои не выполнялись, то ли потому, что меня не понимали, то ли боялись, что их исполнение могло бы мне повредить, я негодовал и досадовал на старших, которые не подчинялись

мне и не слушались, и сам себя наказывал за это плачем. Впрочем, таковы все младенцы, и сам я был таков: в этом убедили меня не столько мои воспитатели, сколько сами не умеющие говорить и несознающие еще младенцы.

Но вот младенчество мое давно уже умерло, а я все еще живу; Ты же, Господи, живешь всегда, и ничто не умирает в Тебе, ибо Ты — вечно сущий, прежде всего сотворенного; Ты — Бог и Владыка всего, что сотворено Тобою; у Тебя вечные причины всего преходящего, в Тебе непреложные начала всего изменяемого, и все, само по себе временное и беспокойное, находит в Тебе и у Тебя и вечную жизнь, и всегдашнее успокоение. Так ответь мне, припадающему к стопам Твоим, ответь по милосердию Твоему к недостойному рабу Твоему: предшествовал ли младенчеству моему какой-либо иной возраст, мною забытый, или же все это ограничивалось тем состоянием, в котором я пребывал в материнской утробе? Ибо и об этом времени со слов других кое-что мне известно, да и сам я видел беременных женщин. Но что же было до этого, Боже мой, радость моя, был ли я и до этого где-нибудь и чем-нибудь? Кто еще может дать ответ: и мать моя, и отец о том не знали, и другие не ведают, и опыт молчит. Не

смейся над моим вопросом, но дозволь восславить и исповедать Тебя, Господи, и за то немногое, что я сумел познать.

Исповедую Тебя и исповедуюсь, Господи Боже, Владыка неба и земли, и благодарю за начаток жизни и младенчество, которых не помню, но о которых Ты даровал возможность догадываться и верить, слушая рассказы кормилиц и нянек и наблюдая за другими. Ибо я жил уже и тогда, хотя только под конец младенчества стал искать знаки, с помощью которых мог бы сообщить свои чувства другим. Откуда же могло произойти это живое существо, как не от Тебя, Господи? И есть ли кто на свете, кто создал бы себя сам? И можно ли представить другую причину нашего бытия и нашей жизни, кроме Тебя, Господи, Творца и Создателя нашего, в Котором бытие и жизнь — неразделимы, ибо Ты сам — высочайшее бытие и высочайшая жизнь? Ты — Всевышний, Ты — неизменный. Для Тебя не проходит настоящий день, хотя он и проходит, ибо все — в Тебе. И как он мог бы пройти, когда бы неизменно не пребывал в Тебе? «Ты — тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс. CI, 28); эти лета Твои — не всегдашний ли, один и тот же непрерывный день? Сколько дней и лет наших протекли через этот Твой неизмен-

ный день, в нем и через него изменяясь, сколько еще протечет! И все наше прошлое, все будущее — все у Тебя в Твоем вечном сегодня. Кому-то неясны слова мои? — что за беда! Пусть молится не о том, чтобы искать Тебя, но чтобы найти, ибо стократ лучше не искать, но найти, чем, ища, не находить Тебя.

Глава VII

Услышь меня, Господи! Горе грехам человеческим! Так говорит человек, и Ты милосердствуешь о нем, ибо Ты сотворил его, но не грех — в нем. Кто расскажет мне о младенчестве моем, кто откроет мне грехи его? Ибо кто чист от греха пред Тобою? Никто, даже младенец, хотя бы он прожил один только день. Кто поведает мне об этом? Неужто другой младенец, в котором я увижу прегрешения свои?

Итак, в чем я тогда погрешил или чем? Не тем ли, что, рыдая, жадно раскрывал рот, ловя сосцы матери моей? Ведь, раскрывай я подобным же образом рот сейчас, не в поисках материнского молока, конечно, а для принятия соответствующей моему возрасту пищи, я подвергся бы насмешкам и справедливому осуждению. Следовательно, и тогда я делал нечто предосудительное, но так как не понимал этого, да и не мог понимать, вряд ли это могло быть поставлено мне в вину. Осознание этого приходит с годами, но я не видел ни одного разумного человека, который бы, выметая из дома сор, выбрасывал и полезные вещи. И хорошо ли было, даже со скидкой на младенче-

ство, плачем требовать недолжного, сердиться и негодовать на непослушных старших, даже на родителей, царапаться и драться и по мере сил всячески вредить за то, что не исполняли они детских капризов и причуд? Нельзя упрекать младенцев за слабость и немощь их тел, но душевные изъяны заслуживают порицания. Мне довелось видеть, например, завистливого малыша: он еще не умел говорить, но уже злобно и ревниво поглядывал на молочного брата. Да и многие могли наблюдать нечто подобное. Говорят, кормилицы замаливают в таких случаях грехи свои и как-то их искупают, но как — не знаю. Скажу одно: какая же это невинность, когда у грудей матери, полных молока, один ребенок требует удаления от них другого, равно нуждающегося в этой пище? На это принято смотреть снисходительно; не потому, что это — пустяк, а потому, что с возрастом, как полагают, это должно пройти. Пожалуй, что так, но не всегда; и если не проходит, то справедливо осуждается и подвергается наказаниям.

Итак, это Ты, Господи, дал жизнь младенцу и облачил его в тело, одаренное всеми чувствами, Ты составил его из разных членов и придал соразмерный вид, для самосохранения наделил

всеми стремлениями и склонностями живого существа. Ты заповедуешь мне «славить Господа и петь имени Твоему, Всевышний» (Пс. XCI, 2), ибо Ты — Бог всемогущий и всеблагий, и то, что Ты соделал, Художник и Промыслитель, дающий образ, и красоту, и строй всему по законам Своим, кто еще соделает?

Но этот возраст, Господи, возраст, о котором я ничего не помню и о котором сужу лишь по рассказам других или по наблюдениям за другими, — этот возраст с большой неохотой причисляю я к жизни моей, которой живу я в этом мире. Ибо помню я об этом возрасте не больше, чем о пребывании своем в материнской утробе. Но коль скоро «я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. L, 7), то где я, раб Твой, Господи, где и когда был я невинным? Итак, я оставляю это время, о коем дерзнул спросить Тебя. Да и что мне за дело до него, когда не сохранилось у меня о нем никаких воспоминаний, никаких следов.

Глава VIII

Прошло время, и из младенчества я вступил в отрочество; вернее, наступило отрочество, заменив собою младенческий возраст. Впрочем, и младенчество не покинуло меня, ибо куда ему было меня покинуть, но, однако же, его уже не было. Я перестал быть бессловесным младенцем, но стал отроком, умеющим произносить слова. И я уже помню об этом, помню, как научился говорить. Меня не обучали этому специально, показывая те или иные слова в определенном порядке, как это часто делали впоследствии, уча азбуке и письму, но сам я умом своим, дарованным мне Тобою, Боже, запоминал имена тех или иных вещей, называемых старшими, потому что не имел возможности выразить чувства души моей ни плачем, ни криком, ни какими-либо телодвижениями. Итак, старшие называли ту или иную вещь, затем, вновь обращаясь к ней, называли тем же именем, и это задерживалось в моей памяти. Помогало мне и то, что при этом использовались жесты, этот естественный и общий всем народам язык, что-то отражалось и в глазах, и в интонациях голоса; состояние

души, желающей или отвергающей, так или иначе проявлялось во всех движениях тела. Так, часто слыша в разговорах одни и те же слова при одних и тех же обстоятельствах, я мало-помалу научился понимать их значения, научился выговаривать их и ими выражать свои желания. И, научившись пользоваться словесными знаками, я вступил в бурную жизнь человеческого общества, все еще, однако, завися от власти родителей и воли старших.

Глава IX

Господи Боже мой! Каких только бедствий и издевательств не испытал я тогда, когда мне, мальчику, вменялось в обязанность только одно: неукоснительно следовать наставлениям, чтобы прославиться в этом мире, преуспеть в науках и, прежде всего, в ораторском искусстве, открывающем путь к почестям и богатству. С этою целью меня послали в школу для изучения наук, пользы которых я, несчастный, понять не мог; а между тем, когда я ленился, меня секли. Так повелось исстари, и многие, жившие задолго до нас, проложили эти скорбные пути, умножавшие труды и болезни сынов Адамовых. Впрочем, встретились мне люди, обратившиеся к Тебе, Господи, и я научился у них чувствовать и мыслить о Тебе как о некоем Великом Существе, скрытом от нас, но могущем услышать и помочь. И я, мальчишка, начал молиться Тебе, прося о заступничестве и убежище. Преодолев детское косноязычие, я молил Тебя, чтобы не секли меня в школе, но Ты не внимал мольбам моим, и родители, которые, конечно, не желали мне зла, смеялись надо мною, что особенно печалило меня и повергало

в уныние.

Господи! Найдутся ли возвышенные души, воспламененные такою любовью к Тебе, великие умы, столь беззаветно преданные Тебе, что не смутят их ни козлы, ни когти, ни иные орудия пыток, об избавлении от которых денно и нощно молят Тебя по всей земле? И будут ли они так же равнодушно взирать на тех, кто страшится подобных мук, как бывают равнодушны родители наши к тем мучениям, которым подвергаются дети от своих учителей? Как мы боялись этих мучений, как горячо молили Тебя избавить нас от них, а между тем грешили, ленясь учиться и писать, и читать, и размышлять, как от нас того требовали учителя. Ведь была же у меня и хорошая память, и живой ум, коими Ты благоволил наделить меня, Господи, но я предпочитал игры, терпя от тех, кто любил то же самое. Но взрослые называют свои игры делом, а за детские дела детей наказывают. Я терпел побои за игру в мяч, из-за которой забывал учить буквы, которыми потом, став большим, играл в куда более мерзкие игры. И разве учитель, бивший меня, занимался не тем же самым? Ведь если в состязании он бывал побежден более ученым и сведущим, разве его меньше душили обида и зависть, чем меня,

когда мой товарищ побеждал меня в игре?

Глава X

Как я грешил, Господи, все сотворивший и все сдерживающий; грехи, впрочем, только сдерживающий. Я грешил, пренебрегая наставлениями родителей и учителей, хотя грамотность принесла мне впоследствии немало пользы; я был непослушен не из стремления к лучшему, а из лени и любви к игре. Я любил быть первым в играх и гордился, когда побеждал. Но уже разбужено было мое любопытство, и я жадно ловил слухи и сплетни, все больше мечтая посетить зрелища, игры взрослых. Их устроители занимают высшие должности, те, которые прочат своим детям многие родители, а между тем не возражают, чтобы детей секли, если эти зрелища мешают учебе. Выходит, родители хотят, чтобы хорошая учеба дала их детям возможность устраивать такого рода зрелища. Взгляни на это, Господи, взгляни милосердно; освободи нас, обратившихся к Тебе, освободи и тех, кто еще не обратился: да обратятся они и да станут свободными.

Глава XI

Я уже слышал о вечной жизни, обещанной нам через уничижение Господа, нисшедшего к нашей гордыне. Я был ознаменован крестным знамением Его и освящен солью[1] при рождении из чрева матери моей, уповавшей на Тебя, Боже. Ты видел, как еще мальчиком я так болел животом, что чуть не умер; Ты видел это, ибо уже тогда был хранителем моим, Ты видел, сколь благочестиво молил я мать мою, а через нее — и мать нашу Церковь, чтобы меня окрестили во имя Христа, Бога и Господа моего. И мать моя, веруя в Тебя и вынашивая в чистом сердце своем вечное мое спасение, уже готовилась омыть меня и приобщить к святым таинствам Твоим ради отпущения моих прегрешений, но я внезапно выздоровел. Очищение мое тут же было отложено, как будто оставшись в живых, я должен был прежде еще больше вымараться в грязи, будто бы грязь прегрешений, совершенных после святого омовения,

---

[1] Примечания: 1

Обряд, предваряющий Крещение, — ребенка или взрослого осеняли крестным знамением и давали крупицу освященной соли. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

была еще грязнее.

Итак, я уже веровал; верили и мать моя, и все домочадцы, кроме отца, которому, однако, не удалось одолеть во мне уроков материнского благочестия и удержать от веры в Христа, в Которого сам он не верил. Благодаря матери моей отцом моим скорее был Ты, чем он; Ты возвысил ее над мужем, но Ты же ее и подчинил ему.

Господи, если будет Тебе угодно, ответь, зачем было отложено крещение мое? Чтобы освободить пути греховному зуду моему? Почему и доселе приходится мне слышать, как говорят о том или ином грешнике: «Пусть его! Ведь он еще не крещен»? Ведь если речь идет о здоровье тела, никто не скажет: «Пусть его продолжают ранить: он ведь все равно болен». Разве не легче и быстрее выздоровел бы я, поддерживаемый своими близкими. Т. е. был совершен обряд, «предваряющий крещение», но не само крещение, которое предпочитали совершать в зрелом возрасте, дабы этим смыть все предшествующие грехи.

Если бы было даровано мне крещение Твое, осенившее спасение души моей? Впрочем, мать моя знала, скольким искушениям подвергается человек, выходящий из детского возраста, и предпочитала, чтобы им подвергался прах земной, а

не образ Божий.

Глава XII

В детстве моем, таившем меньше опасностей, нежели юность, я не любил занятий и не терпел, когда меня к ним принуждали; меня же к ним принуждали, и это было благом для меня, но я противился благу; если бы меня не принуждали, я бы и не учился. Принуждение человека к чему-либо против его воли — не есть добро, даже если то, к чему его принуждают, — добро. И принуждавшие меня поступали дурно, хорошим же это стало для меня по Твоей воле, Боже. Ведь помыслы принуждавших были направлены на то, чтобы выученное мною я приложил к обретению нищего богатства и позорной славы. Ты же, у Которого наши «волосы на голове все сочтены» (Мф. X, 30), использовал заблуждения заставлявших меня учиться мне во благо, мои же, т. е. лень и нежелание учиться, — для справедливого наказания, которое заслужил я — малый отрок и великий грешник. Так благодетельствовал Ты меня через заблуждавшихся и карал за мои собственные грехи. Ибо такова воля Твоя: да несет всякая неустроенная душа наказание в себе же самой.

Глава XIII

Но почему я так ненавидел греческий, которому меня пытались обучать с раннего детства? Этого я понять не могу. Латынь я любил, хотя и не ту, которой обучают в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков[2]. Начальное же обучение чтению, письму и счету тяготило меня не меньше греческого. Откуда это, как не от греха и житейской суетности, от плоти и дыхания, «которое уходит и не возвращается» (Пс. LXXVII, 39). Это начальное обучение, благодаря которому я обрел возможность читать и писать, было, конечно же, лучше и надежнее тех уроков, на которых меня заставляли учить о скитаниях какого-то Энея, забывая о своих собственных, плакать над Дидоной, покончившей с собою из-за любви, в то время как сам я, несчастный, умирал на них для Тебя, Господи, любовь Моя.

Воистину, жалкое зрелище: оплакивающий Дидону, умершую от любви к Энею, не оплакивает себя, умирающего из-за отсутствия любви к Тебе, Господи, светоч сердца моего, хлеб души моей,

---

[2] Примечания: 2

Т. е. уроки литературы — чтение и толкование поэтов и прозаиков.

сила ума моего, лоно мысли моей. Я не любил Тебя и изменял Тебе, и гул одобрений сопровождал изменника. Дружба с этим миром — измена Тебе; ее приветствуют и одобряют, и люди стыдятся быть не такими, как все. Итак, я не плакал об этом, а плакал о Дидоне, «угасшей, ушедшей к последним пределам»[3], — я, шедший сам за последними творениями Твоими, покинувший Тебя прах, идущий к праху. Я опечалился бы, если бы у меня отняли эту книгу, печалившую меня! И такие-то глупости почитаются более почетным и высоким образованием, чем обучение чтению и письму! Господи, да прозвучит сейчас в душе моей правда Твоя: да не будет! Гораздо выше, конечно, простая грамота. Я скорее готов позабыть про мытарства Энея, чем разучиться читать и писать. Над входом в школы грамматиков свисают завесы, но это не знаки почтенных тайн, а стыдливое прикрытие заблуждений. Пусть не возмущаются они, услышав эти слова: я их уже не боюсь, исповедуясь Тебе, Боже, в том, чего жаждет душа моя; мне приносит успокоение, когда, осуждая злые пути свои, я прилепляюсь к Твоим благим путям.

---

[3] Примечания: 3
Вергилий. Энеида, кн. VI.

Пусть же умолкнут возмущенные крики продавцов и покупателей литературной премудрости; ведь если спросить их, правду ли сказал поэт, что Эней некогда прибыл в Карфаген, то те, кто попроще, ответят, что не знают, более же сведущие определенно скажут, что — нет. Но если я спрошу, сколько букв в имени «Эней», все, обучавшиеся грамоте и счету, ответят правильно, в соответствии с принятым у людей значением букв и цифр. И если я задам им вопрос, что причинит им в жизни больше неудобств: забвение грамоты или поэтических басен, то разве непонятно, что ответит любой здравомыслящий человек? Таким образом, я грешил уже тем, что предпочитал пустые россказни полезным урокам, а точнее — любя первые и ненавидя последние. Один да один — два; два да два — четыре. Господи, как ненавидел я эту волынку! И сколь сладостным было для меня это зрелище: деревянный конь, наполненный воинами, горящая Троя и «тень Креусы самой»[4].

---

[4] Примечания: 4
Вергилий. Энеида, кн. II. Креуса — жена Энея.

Глава XIV

Но почему ненавидел я греческую литературу, где подобных басен пруд пруди? Кто в этом деле искуснее Гомера? А между тем, хотя в своей суетности он столь сладок, мне, отроку, он был горше горького. Я полагаю, что и Вергилий будет противен греческому юнцу, если его будут принуждать изучать Вергилия так же, как меня — Гомера. Трудности, обычные при изучении чужого языка, были желчью, полившею мед греческих баснословий. Я еще и слова не мог понять по-гречески, а от меня уже требовали, чтобы я заучивал их, и грозились суровыми карами. Ведь младенцем я не знал и латыни, но выучился ей на слух безо всякого страха и мучений от кормилиц, шутивших и игравших со мною, среди ласковых речей, веселья и смеха. Никто не принуждал меня, кроме собственного моего сердца, понуждавшего рождать зачатое, что было бы невозможно, не выучи я, не на уроках, а во время бесед, тех слов, при помощи которых я мог сообщить другим свои мысли. Поэтому ясно, что для изучения языка свободное любопытство куда важнее, чем грозная необходимость. И первому, по законам Твоим,

всегда преграждает путь второе; по тем Твоим законам, Господи, которые управляют и учительской линейкой, и искушениями праведников; по которым надлежит проливаться спасительной горечи, дабы отвратила она нас от смертоносной сладости, уводящей от Тебя.

Глава XV

Внемли, Господи, молитве моей, да не ослабеет душа моя под водительством Твоим, да не ослабею я сам, свидетельствуя пред Тобою о милосердии Твоем, отвратившем меня от злых стезей моих. Будь сладостнее всех сладостных соблазнов, соблазнявших меня. Да возлюблю Тебя всеми силами души моей, да прильну к Твоей благости всем сердцем моим. Избави меня, Господи, от всех искушений до конца моих дней. Да служат Тебе, Господи, Царь мой, Бог мой, все то доброе, чему выучился я отроком: и слово мое, и писание, и чтение, и счет. Когда увлекали меня суетные науки, Ты взял меня под Свое начало и отпустил мне грехи моего суетствования. Ведь многое даже из того пошло мне на пользу, хотя я мог бы познать все это, занимаясь и чем-нибудь лучшим.

Глава XVI

Горе людскому обычаю, бурно несущему нас в своем потоке. Кто воспротивится ему? Когда он утихнет? Доколе будет увлекать нас в огромное и страшное море, переплыть которое могут разве взошедшие на корабль? Разве не читал я, влекомый этим потоком, о Юпитере, что и гремел, и прелюбодействовал? Такое трудно вообразить, а между тем нас хотят убедить, что было и прелюбодеяние, и гром. Кто из учителей, гордо завернувшихся в свой плащ, прислушался бы к словам человека, такого же праха, как и они, который бы сказал: «Гомер перенес человеческие пороки на богов. Лучше бы он научил людей божественным добродетелям»? Впрочем, басни — баснями, но когда преступным людям приписывают божественные достоинства, то порок перестает считаться пороком, и порочный выставляет себя подражателем уже не человеческой низости, а божественной высоты.

И в этот адский поток бросают сынов человеческих, чтобы они изучали все это, да еще и за плату! Сколь достойное дело делается публично на форуме пред лицом законов, назначающих

(учителям) сверх платы от учеников еще и плату от города! Но вот поток, ударяясь о скалы, звенит. «Тут учатся говорить, приобретают красноречие, необходимое для убеждения и передачи мыслей». Действительно, где бы еще могли мы выучиться таким словам, как «золотой дождь», «лоно», «обман», если бы Теренций не изобразил молодого повесу, который, увидев фреску, решил подражать Юпитеру в своем разврате. Он увидел на рисунке, как Юпитер некогда обманул Данаю, пролив на лоно ее золотой дождь. И вот уже наш герой разжигает свою похоть, как бы получив добро с небес: Великий бог, небесный храм сотрясший громом! Ну как не совершить мне то же, человеку малому?[5]

Беда не в том, что эти слова легко запоминаются в силу их мерзкого содержания, а в том, что они позволяют легче совершать сами мерзости.

Я осуждаю не слова, эти драгоценные сосуды, а вино заблуждения, которое нам подносят в них пьяные учителя. А попробуй не пей: высекут и не позволят обратиться в суд! И однако, Господи, пред очами Твоими я могу вспоминать об этом спокойно: да, я охотно учился этому, даже насла-

---

[5] Примечания: 5
Теренций. Евнух.

ждался; и потому обо мне говорили: сей отрок подает большие надежды!

Глава XVII

Позволь, Господи, покаяться в тех глупостях, на которые растрачивал я дарованные Тобою способности. Помню, задали мне подготовить и произнести речь Юноны, раздосадованной тем, что не может перекрыть путь тевкрам[6] в Италию. Наградой была похвала, наказанием — насмешки и розги. Я никогда не слышал о подобной речи, но нас заставляли выискивать это в поэтических баснях, дабы затем высказать в прозе описанное в стихах. И чем лучше мог изобразить кто-либо гнев и печаль, чем точнее были подобранные им слова, тем большего он заслуживал одобрения. Но что мне с того, Господи мой, жизнь моя, что мне за мои декламации рукоплескали больше, чем моим соученикам? Разве все это не ветер и дым? Неужто не было лучших тем для упражнения памяти и языка? Восхваление Тебя, Господи, славословие Тебя из Писания — вот что должно было служить опорой сердца моего! Тогда его не увлекли бы, как жалкую добычу

[6] Примечания: 6

Т. е. троянцам. Название происходит от имени их первого царя Тевкра.

крылатых стай, глупости и суета. Не на один ведь лад приносятся жертвы падшим ангелам.

Глава XVIII

Что же удивительного в том, что меня захватила суета и я удалялся от Тебя, Господи, во внешнее? Мне приводили в пример людей, боящихся упреков в варваризмах и солецизмах даже тогда, когда они говорили о своих добрых поступках; они гордились не самими делами, а похвалами за рассказ, если он был составлен в правильных, хорошо согласованных и красивых словах. Ты видел это, Господи, но молчал, «долготерпеливый и многомилостивый» (Пс. CII, 8). Всегда ли будешь молчать? И сейчас ты вызволяешь из этой бездонной пропасти душу, взыскующую Тебя, ибо «сердце мое говорит от Тебя: „ищите лица Моего“; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс. XXVI, 8). Сколь далек был от лица Твоего я, омраченный похотью сердца моего. Ведь уходят от Тебя и возвращаются, не перебирая ногами в пространстве. Разве Твой младший сын искал лошадь или корабль? Улетел ли он на неведомых крыльях или ушел пешком в дальние страны, чтобы там растратить состояние, которое Ты дал ему перед уходом? А ведь Ты дал его, любящий Отче, и дал еще, когда тот

вернулся к Тебе нищим. Он жил беспутно, во мраке страстей, а это и значит — быть далеко от лица Твоего.

Взгляни, Господи, взгляни долготерпиво, как тщательно выполняют сыны человеческие правила составления букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров красноречия, и сколь небрежны они в соблюдении полученных от Тебя непреложных правил вечного спасения! Ведь если человек, обучающий ораторскому искусству, произнесет слово homo без придыхания в первом слоге, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если он, вопреки заповедям Твоим, возненавидит другого человека. Неужто же какой-либо враг может быть опаснее, чем сама ненависть к этому врагу? Губит ли преследование другого больше, чем губит собственное сердце ненависть к нему? И неужели знание грамматики глубже запечатлевается в сердце, нежели сознание того, что ты желаешь ближнему нечто такое, чего себе не пожелал бы вовек? О, как далек Ты в Своих безмолвных высотах. Боже, посылающий по законам Своим карающую слепоту на недозволенные страсти! Когда человек, стремясь заслужить славу великого оратора, окруженный толпою людей, с неистовою злобой преследует своего врага, он

не побоится потребовать убрать его из общества людей, но при этом будет всячески остерегаться сказать «обчества людев».

Глава XIX

Вот к какой жизни готовился я, несчастный, вот на каком ристалище упражнялся. Мне страшнее было допустить варваризм, чем зависть к тем, кто сказал лучше меня. Говорю Тебе, Господи, и исповедуюсь в том, за что хвалили меня тогда те, чье одобрение во многом определяло в то время терпимость моего существования. Я не видел той пучины мерзостей, в которой был «отвержен я от очей Твоих» (Пс. XXX, 23). Но я был еще хуже, ибо вызывал неудовольствие даже и у тех людей: я без конца обманывал и воспитателей, и учителей, и родителей моих, ибо предпочитал всему забавы, кривляния и пустые зрелища. Я воровал со стола и из кладовой, и не только из-за обжорства, но и чтобы купить себе новые игрушки. И в игре не раз я обманным путем добивался победы, сам побежденный при этом пустою жаждою превосходства. А ведь когда я замечал нечто подобное за другими, то как ненавидел это, как преследовал подобные поступки! Но если сам попадался, то упорствовал и все отрицал.

Это ли невинность детская? Нет, Господи, нет; молю Тебя, Боже мой! Ведь так всегда: вначале

от воспитателей и учителей — орехи, мячики и воробьи, затем от префектов и царей — золото, поместья и рабы, а вместо линеек и розог — тюрьмы и кандалы. Итак, Царь наш, ты лишь одобрил смирение, когда сказал о ребенке: «Таковых есть Царство Небесное» (Мф. XIX, 14).

Глава XX

И все же, Господи, благодарю Тебя, всевышнего и всеблагого Творца и Правителя мироздания, и благодарил бы даже в том случае, если бы благоугодно было Тебе, чтобы жил я не долее детства. Ибо я и тогда существовал, жил и сознавал свое бытие, заботясь о своем самосохранении, как бы об образе Того Единого, от которого я произошел, сберегая по сокровенному влечению целостность чувств моих даже в малом и услаждаясь истиной в самых ничтожных вещах. Я не хотел обманываться и обманывать, обладал хорошей памятью и речью, радовался дружбе, избегал уныния, неприязни и невежества. Разве не удивительно и не заслуживает одобрения такое живое и одушевленное существо? А ведь все это — дары Господа моего, все это — добро и все это — я. Итак, благ Тот, Кто создал меня, и сам Он — благо мое, и я не устану благодарить Его за все те блага, которыми пользовался, будучи еще мальчиком. Грешил же я потому, что не в Нем самом, а в себе и других тварях Его искал наслаждений, всего высокого и изящного, всего истинного. И это вело меня к страданиям и томлениям, смятению и замеша-

тельству, заблуждениям и ошибкам.

Благодарю Тебя, радость моя, слава моя и упование мое, Боже мой; еще и еще благодарю Тебя за дары Твои; да сберегутся они; так соблюдешь Ты меня, и то, что даровано Тобою, я сохраню и умножу, и сам я пребуду с Тобою, ибо и бытие мое — от Тебя.

Книга вторая

Глава I

Я хочу вспомнить сейчас все прошлые грехопадения мои и похотствования души не затем, чтобы любоваться ими, но чтобы еще сильнее возлюбить Тебя, Боже. Вспоминая о путях нечестия своего и горестно размышляя над ними, я стремлюсь лишь к одному: чтобы Ты стал единственной любовью моею, любовью истинной, неисчерпаемой и неизменной; хочу, чтобы Ты собрал меня, рассеянного и раздробленного в своем удалении от Тебя, воедино. Ибо было в юности моей время, когда сгорал я в адском пламени плотских похотей и погрязал в тине любовных похождений; и иссохло лицо мое, и стал я мерзок пред очами Твоими, любуясь собою и стараясь нравиться любившим меня.

Глава II

В чем искал я наслаждений, как не во взаимности любви, в том, чтобы любить и быть любимым? Но душе в этом ее устремлении недоставало меры, и я не хотел довольствоваться доброй дружбой; напротив, поднималась во мне буря нечистых страстей и омрачала сердце мое, так что я не мог уже отличить светлой чистоты любви от мрачной грязи похоти. То и другое смешалось во мне и увлекло слабый возраст в стремнину страстей и бездну пороков. Возобладал надо мною гнев Твой, Господи, но я не заметил и не понял этого. Я был как бы оглушен звоном цепей бренности моей — наказанием за мою гордыню. Так я все дальше удалялся от Тебя, и Ты не препятствовал мне. Я не стеснялся превозноситься самыми постыдными делами, на которые я был тогда охоч, почитая их чуть ли не подвигами и стараясь превзойти других позорным удальством, поскольку только этим и восхищались в кругу своевольных юнцов; а Ты все молчал! О, глупые восторги! о, бессмысленные наслаждения! Но Ты терпел и это, видя мое падение, мою нелепую гордость отверженностью и бессилием своим.

Где мне было искать того, кто принял бы во мне участие и вызволил из этой беды, кто обратил бы преходящие удовольствия мои мне же во благо, положив предел их обольстительной силе? И вправду, лучше уж бурным волнам юности моей было разбиться о берег супружеской жизни, когда все свелось бы к рождению детей по закону Твоему, Господи, по которому Ты через нас творишь и образуешь преходящие поколения смертных, очищая им путь от терний и волчцов, коих нет в вертограде Твоем. Ибо всемогущество Твое всегда рядом с нами, хотя бы мы и удалились от Тебя. О, если бы я внял гласу грома Твоего: «Таковые (т. е. вступающие в брак) будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль», и еще: «Хорошо человеку не касаться женщины», а также: «Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (I Кор. VII, 28, 1, 32). Если бы вслушался я в эти слова, став скопцом для Царства Небесного, с каким бы восторгом ожидал я объятий Твоих!

Но я, несчастный, сгорал в огне страстей вдали от Тебя; попрал я Твои законы и не избежал за то правосудных наказаний Твоих; да и кто из смертных избежал? Ибо Ты всегда сопровождаешь нас и милосердием, и строгостью, и все

преступные удовольствия отравляешь горечью и досадой, понуждая искать удовольствий чистых и безупречных. А где найти такие, как не в Тебе, Господи, Который «умерщвляет и оживляет, поражает и исцеляет» (Втор. XXXII, 39), дабы не умерли мы без Тебя?

Где же был я, как долго скитался вдали от истинного утешения — дома Твоего? Мне было шестнадцать лет, когда покорило плоть мою сумасбродство и бешенство похоти, извиняемое человеческим бесстыдством, но воспрещаемое законом Твоим. Домашние мои не позаботились уберечь меня женитьбой; их волновало только одно: чтобы я преуспел в красноречии и стал известным оратором.

Глава III

Впрочем, в том году мои занятия были прерваны, и я был отозван из Мадавры[7], соседнего городка, где изучал словесность и ораторское искусство. Копились деньги для отправки меня в Карфаген, ибо отец мой, человек небогатый, был крайне честолюбив. Но кому я говорю все это? Конечно, не Тебе, Боже, но пред Тобою — всему роду человеческому, всем тем немногим, кому доведется прочесть эти строки, дабы и они поразмыслили, из какой «глубины взываю к Тебе, Господи» (Пс. CXXIX, 1) и как склонен Ты внимать душе, исповедую ей Тебя и исповедующейся Тебе.

Как все тогда хвалили моего отца, не жалеющего последних средств ради обучения сына и посылающего его в столь дорогую и дальнюю поездку, в то время как многие куда более зажиточные сограждане ни о чем подобном и не помышляли! Но тот же отец не обращал ни малейшего внимания на то, каким я расту, сколь

---

[7] Примечания: 7

Город в Нумидии, расположенный неподалеку от Тагасты, родного города Августина.

чист я пред очами Твоими, как преуспел в духовной жизни; он желал одного: чтобы я был красноречив, хотя бы для этого мне пришлось вовсе оставить Тебя, вернее, я был бы оставлен попечением Твоим, Господи, единый и истинный хозяин нивы Твоей — души моей.

Итак, мне шел шестнадцатый год, и я, забросив на время занятия, жил в родительском доме в совершенной праздности; тут-то терния похотей буйно разрослись в голове моей, и не было рядом никого, кто выкорчевал бы их милосердной рукою. Более того, отец мой, увидев в общественных банях, что я достиг уже возмужалости, обрадовался и тут же сообщил об этом матери, будто бы мечтая уже о будущих внуках, радуясь тому опьянению, в котором мир забывает Творца своего, предпочитая Творцу сотворенную Им тварь и оставляя духовное наставление святых заповедей Божиих ради пучины плотских похотей. Но Ты уже положил в сердце матери моей основание храма Твоего и начало святого жилища Твоего. Я был тогда еще только оглашенным, а потому мать, объятая благоговейным трепетом, зная, что я еще не был в числе верующих, боялась за меня, чтобы я не пошел по кривым путям, по которым ходят отвратившиеся от Тебя.

Увы мне! Как посмел я говорить, что Ты, Господи, безмолвствовал, когда я удалялся от Тебя? Неужто же это было безмолвием, когда Ты говорил со мною через верную рабу Твою, мою мать? Но и этот голос не проникал в сердце мое, и я не внимал ему. Мать заботливо внушала мне, когда мы оставались наедине, чтобы я остерегался прелюбодеяний, в особенности же с замужними женщинами. Но эти материнские советы казались мне чем-то слишком женским, и я стеснялся прислушиваться к ним. Между тем, то был голос Твой, но я не замечал этого и не мог понять. Я думал, что она говорит от себя, и в лице рабы Твоей ее сын уничижал Тебя. С безумным ослеплением хватался я за все дурное, стыдясь, что среди сверстников моих было немало более порочных, чем я. Странное это было общество: здесь гордились пороками и стыдились добродетелей, и я пускался во все тяжкие не столько из пристрастия к дурному, сколько ради победы в состязании по удальству. Что может быть постыднее порока? А я стремился стать порочнее, чтобы избежать стыда! А если мне не удавалось перещеголять их на деле, то я измышлял всевозможные байки, лишь бы показаться лучшим, чем другие.

Вот с какими товарищами блуждал я улицами

вавилонскими и валялся в нечистотах, как в ваннах из душистых и благовонных трав. И в самой сердцевине этого болота поджидал меня враг, завлекая все новыми и новыми забавами. И мать моя по плоти, которая бежала «из среды Вавилона» (Иер. LI, 6), обходя окраины его, хотя и уговаривала меня хранить целомудрие, но, с другой стороны, старалась устроить мою судьбу согласно с желаниями своего мужа, который считал вредными для моего будущего узы брака, которые могли бы обуздать порывы страстей моих, хотя и не устранить их вовсе. Она боялась, что подаваемые мною надежды могли быть скованы ранней женитьбой; не те надежды, которые она возлагала на Тебя в будущем веке, а надежды на мою карьеру в веке сем, о которой мечтали и отец и мать; отец, который о Тебе и не помышлял, а обо мне помышлял только суетное; мать же полагала, что светское образование не только не будет препятствием на пути к Тебе, но, напротив, весьма в этом поможет. Так, насколько я помню, рассуждали мои родители. Мне предоставили излишне большую свободу, и я без удержу предался различным страстям, застившим своею мглою свет Твоих истин; тогда выступило наружу все беззаконие мое и взросла, как на тучной ниве,

неправда моя.

Глава IV

Закон Твой, Господи, закон, начертанный в наших сердцах, а равно и законы мирские преследуют и карают за воровство. И какой вор стал бы терпеть рядом с собою другого вора? Даже богач ненавидит вора, доведенного до этого нищетой. Я же воровал не от бедности и нужды, а из любви к неправде. Я украл то, что было у меня в изобилии; мною руководила не жажда обладать похищенным, а наслаждение от самого воровства и греха.

Неподалеку от нашего виноградника росла груша, вся покрытая плодами, вполне, впрочем, обычными и по виду, и по вкусу. Итак, мы, испорченные юнцы, отправились в глухую полночь (вот до какого часа продолжались наши уличные забавы!) отрясти ее и собрать свою добычу. Мы унесли оттуда большую ношу, но не для еды (мы готовы были выбросить все это свиньям), а ради совершения поступка, сладостного нам только потому, что он был запретен. Так, Господи, сердце мое, над которым Ты сжалился, оказалось на краю бездны. Пусть теперь ответит оно Тебе, зачем стремилось оно ко злу безо всякой нужды и цели. Порочность моих поступков порождалась

внутренней порчей; и я любил ее, любил свою погибель, свое падение и само дно любил я, падшая душа, низринутая из крепости Твоей; порок не был для меня средством, он был моей целью.

Глава V

Есть своя прелесть в красивых телах, и в золоте, и в серебре, и во многом другом подобном. Зрению, например, приятна гармония частей, другим чувствам приятны иные свойства. Своя красота есть и в земных почестях, и во власти, и в стремлении раба стать свободным. Но недопустимо одно: в погоне за всем этим нарушать законы Твои, Боже, и удаляться от Тебя. Много есть хорошего в этой нашей земной жизни, и лучшее из всего — дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Но как часто, увлекшись этими низшими благами, человек покидает лучшее и наивысшее — Тебя, Господи, правду Твою и закон Твой. Сладостны эти низшие блага, но не столь сладостны, как Ты, Боже, сотворивший все; «Праведник возвеселится о Господе и будет уповать на Него» (Пс. LXIII, 11), ибо Он — высшая услада праведных сердцем.

Когда спрашивают о причине, побудившей человека совершить преступление, то, как правило, называют одну из двух; или стремление получить какое-либо из низших благ, или страх перед его потерей. Сами по себе эти блага могут быть

красивы и почетны, но что они по сравнению с высшим Благом? Почему совершено убийство? Убийца влюбился в жену своей жертвы, или позарился на его имение, или же грабил его, по нужде ли, или из зависти, или тот преследовал его и хотел разорить, или нанес ему жестокую обиду. Кто поверит в убийство ради убийства? Даже если речь идет о бессердечном безумце, находившем радость в самой жестокости, приводится своя причина: «Дабы рука и душа не становились вялыми от бездействия»[8]. То есть он (Катилина) множил свои преступления затем, чтобы приобретать все новые почести, богатства и власть, не бояться законов и не отвечать за предыдущие преступления. Выходит, и Катилина любил не сами свои преступления, а совершал их ради чего-то другого.

[8] Примечания: 8
Саллюстий. Заговор Катилины, кн. XVI, 3.

Глава VI

Так что же меня, окаянного, влекло к тебе, постыдное воровство мое, презренный ночной проступок, совершенный мною на шестнадцатом году жизни моей? В самом воровстве, как воровстве, не было ничего привлекательного. Что же мне сказать Тебе, Господи? Что были прекрасны плоды, как прекрасно и все, созданное Тобою, ибо Ты — прекраснейший и всеблагий Господь, Творец всего, высшее и истиннейшее Благо мое? Да, они были прекрасны, но не их желала душа моя. У меня их было предостаточно, причем гораздо лучших. Я своровал лишь затем, чтобы своровать; ворованное же я выбросил, ибо истинной добычей моей была неправда моя. А если какой из тех плодов я и попробовал, то лишь потому, что это был десерт, обедом же было само преступление. Но что это, Господи, был за обед! Была ли в нем красота справедливости и того разумения, что находим мы в нашем уме, памяти, живости чувств? Было ли в нем что-либо от прелести звезд, моря и земли? Увы, в нем не было даже той ущербной красоты, какую можно найти в обычном прелюбодеянии.

Как хочет прикинуться гордыня высотою души, хотя один Ты превыше всех, Господи мой; как честолюбие ищет почестей и славы, хотя лишь Тебя надлежит почитать и славить вовеки; как стремится жестокость внушить всем страх, но кого же бояться, как не Тебя, истинного Бога? Что вне власти Твоей? Что и как может укрыться от суда Твоего? И влюбленный ищет взаимности, но что прекраснее Твоей любви, что спасительнее Твоего милосердия, что светлее правды Твоей? Любознательность ищет познаний, но где же истинные знания, как не в Тебе? Даже невежество и глупость пытаются прикрыться именами невинности и простоты, но что проще и невиннее Тебя, Господи? Воистину, «злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. VII, 17). Лень представляется желанием покоя, но только у Господа мы обретаем покой. Роскошь говорит: я — полнота и достаток; но только Ты — неиссякающая полнота и преизобильность щедрот; так что напрасно мотовство мнит себя щедростью. Скупость стремится овладеть многим, Ты же — владеешь всем. Зависть судится за превосходство, но что превосходит Тебя? Гнев жаждет мести, но Ты ли — не истинное отмщение? Страх, боясь превратностей судьбы, хочет

обезопасить то, что любит, но кто отнимет у Тебя то, что любишь Ты? Люди печалятся, потеряв то, чем утешалась их жадность, не желающая терять, но Ты не теряешь ничего. Так похотствует душа, отвратившаяся от Тебя и мнящая, что вне Тебя найдет то, что можно обрести только в Тебе. Удалившиеся от Тебя восстают против Тебя, как бы ища уподобления Твоей тени. Но даже и этим они свидетельствуют, что Ты — Творец мира, и вне Тебя нет ничего.

Итак, что же влекло меня к тому воровству? В чем стремился я уподобиться тени Твоей? Было ли мне приятно обмануть закон, открыто воспротивиться которому я не смел, и вот я, жалкий раб, безнаказанно создал себе иллюзию свободы, тень и подобие всемогущества? О, похоть и тщета жизни, о, бездонный колодец смерти! Как манит то, что запретно, только потому, что запретно!

Глава VII

«Что воздам Господу» (Пс. CXV, 3) за то, что душа моя не приходит в ужас и трепет при воспоминании обо всем этом? Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько неправды и зла. Растопил Ты, Боже милостивый, грехи мои, как лед. От скольких злодеяний ты удержал меня, бескорыстно готового на любое злодеяние! И я свидетельствую: Ты отпустил мне и те грехи, которые я содеял, и те, от коих Ты меня уберег. И кто из людей, творений немощных, может приписать самому себе целомудрие и невинность? Как обретет и сбережет он их без Твоего милосердного попечительства? И пусть избежавший того, в чем каюсь я, не смеется, читая эти строки; меня излечил тот Врач, Который предупредил его болезнь и не дал ей развиться. Пусть же он еще в большей мере возлюбит и возблагодарит Тебя, когда увидит, от скольких напастей и грехов Ты его уберег.

Глава VIII

Какую пользу принесли мне, достойному сожаления, те поступки, воспоминание о которых заставляет меня краснеть, в особенности же то воровство, которое привлекло меня именно как воровство? Само по себе оно было ничтожно, и тем более жалок был совершивший его. Но, насколько я помню, совершил его я не один; более того, я бы его никогда не совершил один. Таким образом, мне было любезно сообщество тех, с кем я воровал Значит, помимо самого воровства, я любил и нечто другое, но и оно было ничтожно. Так что же это было? Кто научит меня, кто ответит, кроме Того, Кто просвещает сердце мое и рассеивает его тени? Разве не ясно: если бы мне были желанны похищенные плоды, то зачем мне нужны были соучастники? Но нет, не в плодах заключалась для меня сладость содеянного, а в самом преступлении, совершенном сообществом грешников.

Глава IX

Что же это было за состояние души? Оно было гнусно и вело к погибели, но что оно было такое? «Кто усмотрит погрешности свои?» (Пс. XVIII, 13). Как потешались мы, обманывая тех, кто никогда бы не заподозрил нас в содеянном! Не потому ли я так радовался сообществу, что человеку несвойственно смеяться одному? Иногда, конечно, смеются и в одиночестве, вспоминая что-то очень смешное, но что здесь было такого забавного, чтобы смеяться одному? Вот, Господи, пред очами Твоими живо вспоминаю и тогдашнее состояние свое. Один бы я не стал воровать, не имея нужды в украденном, одному бы мне не понравилось воровство. О, злая дружба; о, извращенность ума, находящего смех и забаву во вреде, приносимом другим. Убыток другому без выгоды для себя, просто так, просто потому, что кто-то сказал: «Пойдем, сделаем это»; и вот, уже совестно не быть бесстыжим.

Глава X

Кто поймет все это, кто постигнет тайные тропы души? Они внушают отвращение: я не хочу более вспоминать о них, не хочу их видеть. Я жажду только Тебя, высшая справедливость и чистейшая невинность, хочу наслаждаться ясным светом Твоим, хочу насыщаться Тобою, Которым не пресыщаются. У Тебя — покой и жизнь блаженная. Кто входит в дом Твой, тот входит «в радость господина» своего (Мф. XXV, 21), чтобы жить жизнью счастливою и благою. В юности отпал я от Тебя, Господи, скитался на чужбине, и сам для себя стал нищетою своею.

Книга третья

Глава I

Я прибыл в Карфаген, и стали обуревать меня пагубные страсти преступной любви. Еще не предавался я этой любви, но она уже укоренилась во мне. Я искал, что бы полюбить, ибо уже любил любить; прямой же и законный путь любви был мне противен. Я испытывал внутренний голод по пище духовной, по Тебе, Господи, но не этим голодом я томился. Я не стремился к нетленной пище, но не потому, что был ею насыщен: чем более я голодал, тем более и брезговал ею. Поэтому больна была душа моя: вся в струпьях, желала она чесаться о внешние и чувственные предметы, но не будь и у них души, как бы могла она их полюбить?

Любить и быть любимым — значило для меня овладеть предметом моей любви. И я мутил источник дружбы грязью похоти, туманил ее чистое зерцало адским дыханием страстей. Как я хотел, мерзкий и бесчестный в жалкой суетности своей, казаться благородным и достойным! Я жаждал весь погрузиться в любовь. Боже милосердный, сколько горечи, в безмерной благости Твоей, добавил Ты мне в эту сладость! Я испытал

и любовь, и взаимность, и прелесть наслаждения, и радостное скрепление гибельной связи, а вслед за тем — и подозрения, страхи, гнев, ссоры и жгучие розги ревности.

Глава II

Еще увлекали меня театральные зрелища, полные картинок из моей бедственной жизни, которые разжигали пламень страстей. И вот, театр стал моим излюбленным местом. Но почему человек так желает печалиться, видя изображения горестных и трагических событий, хотя сам испытать все это отнюдь не стремится? Так или иначе, но зрителю хочется испытывать печаль, и эта печаль услаждает его. Удивительное безумие! Притом, чем скорее должен бояться человек того, что происходит на сцене, тем более он и получает удовольствия. Когда все это происходит с ним самим, это называют страданием, когда — с кем-то из близких, он им сострадает, но разве можно сострадать театральным басням? И разве призовут его здесь на помощь? Нет, его приглашают лишь печалиться, и чем более он опечален, тем благодарнее автору этого измышления; если старинные или придуманные бедствия не тревожат его, он бранит автора и актеров и, зевая, покидает театр, а если тревожат, он глядит неотрывно, печалясь и радуясь.

Так неужто же приятны слезы и любезна пе-

чаль? Нет, люди предпочитают радоваться. Им не хочется страдать, но приятно сострадание, а поскольку нельзя сострадать без печали, то приемлется и печаль. Сострадание ведет свое начало из источника дружбы, но куда течет сам этот источник? Зачем впадает он в бурное море темных страстей, утрачивая былую прозрачность, забывая о ней? Так что же, сострадание дурно? Да не будет! Пускай и печали будут любезны, но ты, душа моя, находясь под защитой Отца своего, Бога отцов наших, всеславного и всеблагого, берегись скверны. Я и теперь готов сострадать, но тогда, в театре, я наслаждался с влюбленными их греховной усладой, печалился с ними при их разлуке, но и в том, и в другом случае — получал удовольствие. Воистину, более достоин сожаления радующийся себе на позор, чем тот, кто решит, что терпит муку, лишившись гибельного наслаждения и утратив свое жалкое счастье.

Когда сострадание истинно, печаль не приносит удовольствия. Хотя человек, опечаленный чужим горем, и заслуживает одобрения, но если он действительно милосерден, то предпочтет, чтобы этого горя не было. Трудно представить себе зложелательную благожелательность, а ведь только она могла бы породить в сострадательном

желание, чтобы не иссякала причина его сострадания. Выходит, есть скорбь, заслуживающая одобрения, но нет — заслуживающей любви. Господи мой, успокоитель душ, сколь чисто сострадание Твое, сколь неизменно оно именно потому, что не может уязвить Тебя никакая печаль. Но «кто способен к сему» (II Кор. II, 16)?

Но в те дни я, несчастный, любил печалиться и искал поводов для печали. Какое наслаждение приносила мне игра актера, если, изображая на сцене придуманные страдания, он вызывал у меня слезы. Так я, овца, отбившаяся от стада Твоего, опаршивел и покрылся струпьями, и эта печаль, не истинная печаль, ибо я отнюдь не хотел испытать те же невзгоды, что и герои на сцене, а вымышленная печаль о вымышленном же горе была как бы скребком, о который я с наслаждением расчесывал язвы мои. Такова была жизнь моя. Господи, но была ли это жизнь?

Глава III

Но неизменное милосердие Твое не оставляло меня. Я предавался великим беззакониям, погряз в кощунственном любопытстве, покинул Тебя ради угождения обманчивых демонов злыми делами своими. Даже во время службы в церкви Твоей я горел похотью и улаживал свои делишки, за что и был покаран Тобою, но сколь милостиво сравнительно с прегрешением моим! О, неизменно милосердный Господь мой, прибежище мое; среди скольких опасностей скитался я вдали от Тебя. Я искал свои пути и брезговал Твоими, любил свободу — свободу беглого раба!

Привлекали меня к себе и те занятия, которые весьма почитались: так, я мечтал о форуме с его тяжбами; там я хотел блистать и получать похвалы, тем большие, чем искуснее ложь. Такова слепота человеческая, слепота, которою любят хвалиться. Я был самым искусным оратором в нашей школе, и радости и гордыне моей не было предела. Впрочем, Ты знаешь, Господи, внешне я умел быть спокойным и не вел себя так, как иные, совращавшие честных новичков, забавы ради, с прямого пути. Но я жил среди них и, бы-

вало, стыдился, что и сам не такой. А ведь что можно представить себе более мерзкого, более дьявольского? И недаром же таких называли «совратителями»! Конечно, и их когда-то совратили и развратили лживые демоны, осмеявшие их в их же любви к коварству и лжи.

Глава IV

Проводя жизнь подобным образом и с такими людьми, я тратил немало времени на изучение книг по красноречию, легкомысленно и предосудительно мечтая стать известным оратором. Так, следуя установленному порядку обучения, дошел я до некоего Цицерона, чей язык (но не сердце) восхищает многих. Книга его называлась «Гортензий», и говорилось в ней о прелестях философии: она полностью изменила состояние мое и молитвы мои к Тебе, Господи, мои чаяния и надежды. Мне вдруг опротивело все, чем я занимался до сих пор; я мечтал теперь об одном: о бессмертной мудрости. Душа моя, проснувшись, стала оборачиваться к Тебе. Эта удивительная книга учила не тому, как отточить язык (за это платились сейчас, в мои девятнадцать лет, материнские деньги — отец умер двумя годами раньше); не тому, как говорить, а тому, что говорить — вот чему учил «Гортензий». То был порыв к Тебе, Господи, порыв от всего земного, хотя я еще не понимал вполне, что только у Тебя «премудрость и сила» (Иов. XII, 13). Любовь к премудрости — так переводится «философия» с греческого, и

эту любовь зажгло во мне сочинение Цицерона.

Есть немало людей, вводящих в заблуждение своею философией, прикрывающих и приукрашающих этим великим и честным именем свои ошибки, и именно таких философов изобличал автор в своей книге. О таких спасительно предупреждает и Дух Твой через верного и благочестивого раба Твоего: «Смотрите (братия), чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. II, 8, 9). Но тогда, Господи, свет сердца моего, я не знал еще слов апостольских; я наслаждался этой книгой, ибо она учила меня любить не ту или иную философскую школу, но саму мудрость как таковую. Она увещала любить ее, искать и домогаться, овладеть ею и крепко-накрепко к ней прилепиться. И я воспылал этим желанием, и лишь одно остужало мой пыл: там не было имени Христова, имени Спасителя и Сына Твоего, которое я, по милосердию Твоему, Боже, впитал с молоком матери моей; оно запечатлелось в сердце моем, и любая книга, сколь хороша бы она ни была и какие бы истины ни содержала, но если не было в ней этого имени — она не завладевала моими

помыслами целиком.

Глава V

Итак, я решил внимательно изучить Священное Писание, разобраться, что и как. И я увидел нечто, гордым непонятное, непосвященным темное: дом таинственный с входом низким. Я не знал тогда, что чем дальше идешь, тем выше своды, не умел склонить голову, чтобы войти. Как найти мне слова, чтобы описать охватившее меня тогда чувство? Слова Писания показались мне слабыми и грубыми по сравнению с цицероновским стилем. Я был слишком заносчив, чтобы оценить его простоту, слишком поверхностен, чтобы проникнуть в сердцевину. Писание требует детской простоты души и ума взрослого, я же презрел детское и в своей спеси только мнил себя взрослым.

Глава VI

Так попал я в общество людей горделивых, велеречивых и плотских. Речи их были — тенета диавола, птичий клей, сваренный из слогов священных имен: Твоего, Господи, Сына Твоего Иисуса Христа и утешителя нашего — Духа Святого[9]. Эти имена не сходили у них с языка, но были не более чем словесным шумом, и не было истины в их сердцах. Они только без конца повторяли: «Истина, истина», но ничего не знали о ней. Они ложно учили не только о Тебе, Который и есть Истина, но и об элементах мира, созданного Тобой. А ведь из любви к Тебе, Отец мой, непреложное Благо, я должен был бы оставить и тех философов, которые учили о мире правильно.

О, Истина, всем сердцем искал я Тебя, и они пели мне о Тебе на все лады и в пустых речах своих, и в толстенных книгах. Мне, алчущему, они подносили на своих дымящихся блюдах

---

[9] Примечания: 9

Августин пишет о своем увлечении гностической ересью — манихейством, синкретическим учением, в основе которого лежал восточный (прежде всего персидский) дуализм, с большою примесью христианской риторики, иудейского мистицизма и эллинистического платонизма.

солнце и луну, как будто эти прекраснейшие творения Твои могли заменить Тебя; а ведь и среди творений не им, хотя они светлы и небесны, по праву принадлежит первенство, ибо они — суть телесные твари, но — творениям духовным. Но и не их, наипервейших, искал я, а Тебя, Истину, у Которой «нет изменения и ни тени перемены» (Иак. I, 17). Но предо мною продолжали выставлять блюда, наполненные фантазмами; воистину, лучше было бы поклоняться нашему солнцу, необманно видимому телесными глазами, чем их — обману глаз души. И, однако, я ел предложенную пищу, думая, что Ты здесь, хотя и не ощущал подлинного вкуса Твоего. Ибо не было Тебя в их пустых измышлениях, и чем больше я ел, тем больше тощал. Это все больше напоминало сны о еде: во сне ведь можно есть сколько угодно, но все равно проснешься голодным. Эти призраки напоминали Тебя еще меньше, чем тени от предметов — сами предметы. И если воспоминания о вещах менее истинны, чем сами вещи, то сколь же неистинны предположения о вещах, которых нет вообще. Вот каким бреднями питался я тогда, питался, но не мог насытиться. А ведь Ты, Господи, любовь моя, крепость моя, в Котором даже немощь моя становится силой, Ты

ведь — и не те тела, которые мы видим, хотя бы они и были на небе, и даже не те, которых мы не видим, ибо Ты создал и те и другие. Насколько же далек Ты от тех призрачных тел, которых нет вообще! Ибо подлиннее их образы существующих тел, еще подлиннее — сами тела, но и они — не Ты; Ты выше даже души, оживляющей тела, а ведь она куда лучше и подлиннее тела. Ты — жизнь души, жизнь жизни, животворящая и неизменная вовеки.

Где же был Ты тогда для меня, когда я скитался вдали, когда питался пищею, которою побрезговали бы и свиньи? Ведь даже басни грамматиков и поэтов лучше, чем эти сети. Кто, в самом деле, поверит стихам о летящей Медее, а между тем верил же я басням о пяти элементах, погруженных в пять пещер мрака, которых нет в природе, но которые способны погубить. В стихах о Медее нет лжи, ибо кто же поверит в это? А тому я поверил. Горе мне, окаянному, сошедшему в поисках Тебя в глубины адовы; я искал Тебя, Боже, руководствуясь не разумом, коим Ты отличил меня от скотов, но телесным чувством. Ты же все время был во мне — глубже глубин моих и выше вершин. Но я соблазнен был той женщиной, безрассудной, шумливой и глупой, сидевшей у дверей дома

своего на стуле и говорившей: «Воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен» (Притч. IX, 13–17); ибо жил я внешним, мыслил по-плотски и заглатывал все, что мне предлагалось.

Глава VII

Я был далек от истины, полагая разумным поддакивать лжецам, коварно вопрошавшим меня о происхождении зла, о телесной форме Творца, о том, есть ли у Него волосы и ногти, праведны ли многоженцы и приносящие кровавые жертвы. Я терялся в своем невежестве и, уходя от истины, думал, что приближаюсь к ней. Откуда мне было знать тогда, что зло — это умаление добра, доходящее порою до полного ничтожества? Что мог я узреть, телесно видевший не дальше тела, а духовно — не дальше призраков? Не знал я тогда и того, что Бог есть Дух, не имеющий членов и пространственной величины; ибо всякая величина делима, и часть ее — меньше целого, и даже если она бесконечна, то часть, ограниченная пространством, конечна. Имеющее величину не может быть целокупным и вездеприсущим, как Дух, как Бог. И что есть в нас такого, о чем в Писании сказано: «По образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт. I, 26) — и об этом я ничего не знал.

Мне неведома была та внутренним образом говорящая истина, которая судит не по обычаю,

а по справедливейшему закону всемогущего Бога, определившего для каждого времени и для каждого народа свои обычаи и нравы, часто весьма отличные друг от друга. По ней праведны и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Моисей, и Давид, и все те, кого восхвалили уста Господни. Неправедными же они кажутся лишь тем строгим судьям, которые привыкли всех мерить на свой аршин, требующим от всего человечества тех же представлений о нравственности, что свойственны их стране и эпохе. Так, человек, незнакомый с доспехами древних, стал бы прилаживать шлем вместо панциря, жалуясь на неумелость древних мастеров; другой шумел бы и возмущался, что ему, по случаю праздника, запрещают торговать после обеда, хотя с утра никто не препятствовал; третий, видя, что делается в хлеву, удивлялся бы, что то же не дозволяется делать за столом. Так же нелепы и те, кто не верит, что в другие времена праведники могли поступать так, как сегодня не сделает просто порядочный человек. Одним Бог заповедал одно, другим — другое, в соответствии с условиями времени и страны, но и те и другие служили одной и той же истине. И доспехи пришлись бы тому человеку впору, знай он, как их надевать, и одним и тем же делом сейчас можно

заниматься, а позже — нельзя, и многое, что дозволено в хлеву, недопустимо за столом.

Но значит ли это, что меняется сама правда? Никоим образом, но время, которым она управляет, протекает по-разному. Людям, чей век короток, трудно понять условия жизни и нравы прежних веков и других народов, согласовать их с тем, что им известно; если бы речь шла о чем-то частном, только об одном человеке или об одном дне, то тут они бы еще смогли усмотреть некоторый порядок и закономерность, но отнюдь не в целом; там бы они пришли к согласию, тут же — возмущены. Но тогда я не понимал этого, не видел очевидного. Я декламировал стихи, и мне не дозволялось произвольно менять местами стопы. Метрика, учившая стихосложению, содержала все свои правила одновременно и не была в одном случае одной, а в другом — другой. А я не мог понять, что добрые и святые патриархи служили правде, возвышеннейшим образом включавшей в себя одновременно все заповеди; она не изменялась, хотя и заповедала разным временам не все заповеди, а лишь те, что соответствовали им. И я, слепец, осуждал святых патриархов, которые по внушению Божию чтили законы своего времени, возвещая, по откровению Божию, грядущее.

Глава VIII

И неужто же когда-нибудь и где-нибудь было несправедливо «возлюбить Господа Бога всем сердцем, и всею душою, и всем разумением» или «возлюбить ближнего своего, как самого себя» (Мф. XXII, 37, 39)? И противоестественные грехи, содомский например, разве не везде и всегда вызывали отвращение? Любой народ, погрязший в подобном, по божественному закону не избежал бы осуждения, ибо Бог создал людей не для такого общения друг с другом; здесь сама природа, сотворенная Богом, оскверняется извращенной похотью. Нарушений принятых норм нравственности следует избегать как у себя, так и в чужой стороне, стараясь во всем следовать законам и обычаям государства или народа. Но если Господь повелит сделать что-либо вопреки чьим бы то ни было нравам и установлениям, это надлежит неукоснительно исполнить. Если эту заповедь забыли, ее следует напомнить, если она не установлена — установить. В самом деле, если и царские приказы, сколь бы необычными они ни были, полагается выполнять, а невыполнение их считается поступком противообщественным,

то тем более без тени сомнений нужно исполнять веления Господни, ибо Он — Царь всего, что Им сотворено.

Еще более следует избегать преступлений, когда жаждут нанести человеку вред, обидеть его или учинить несправедливость: враг мстит врагу; разбойник грабит прохожего, желая поживиться за его счет; того, кто кажется опасным, убивают, желая отвести беду; бедняк убивает богача из зависти; богатый — соперника из страха, что тот сравняется с ним, или от огорчения, что уже сравнялся; а сколько зла творится только потому, что многим приятна чужая беда — гладиаторские бои, чем не пример? Эти побеги греха пышно разрастаются там, где царит жажда первенства, обладания и телесных наслаждений. Так жизнь проходит во зле, в полном пренебрежении десятью заповедями Твоими. Но что это все для Тебя, Которого не может коснуться ни один грех? Ты караешь людей за то зло, которое они причиняют самим себе: даже греша пред Тобою, они глумятся над своею душой, портя и извращая ее природу. Злоупотребляя дозволенным или желая недозволенного, клевеща на Тебя в мыслях и словах, они идут против рожна (Деян. IX, 5); порвав с человеческим сообществом, они замыкаются в сектах

и толках, радуются разрыву с людьми, но вместо ожидаемой свободы попадают в зависимость от своих привязанностей и своей неприязни.

Так всегда происходит, когда покидают Тебя, источник жизни, единый и истинный Творец и Правитель единого целого, и в неуемной гордыне прилепляются к одной какой-либо части, к мнимому единству. И возвратиться к Тебе можно только одним путем — путем смиренного благочестия. И Ты очистишь нас от налипшего зла, снизойдя к грехам исповедающихся Тебе; разрешишь от цепей, которыми мы сами себя сковали; скажешь безумствующим: «не безумствуйте», и нечестивым: «не поднимайте рога, не поднимайте высоко рога вашего, не говорите жестоковыйно» (Пс. LXXIV, 5, 6), жадно мечтая о чужом и рискуя потерять свое, любя частное благо больше, чем Тебя, Благо всего.

Глава IX

Но среди всех этих преступлений, проступков и беззаконий есть и грехи преуспевающих в добре. Такие заслуживают и порицания, как беззаконные, и некоторого одобрения, ибо обещают нечто лучшее в грядущем. Есть и такие поступки, которые напоминают грех, но таковым не являются, ибо не оскорбляют ни Тебя, ни людей. Да и нелегко сразу понять, стремится ли, например, кто-либо к приобретению иных вещей, сообразных и времени, и образу его жизни, потому, что они ему нужны, или же им движет страсть к приобретению? Далее, судья, строго, но справедливо осуждающий виновного: делает ли он это ради его исправления или просто наслаждается властью и тешит свою жестокость? Есть также немало и таких дел, которые люди осуждают, но которые одобрены свидетельством Твоим; и наоборот: которые люди хвалят, а Ты — осуждаешь. Разными бывают и видимость поступка, и намерение совершившего, и тайное стечение обстоятельств. И когда Ты вдруг заповедуешь что-либо непривычное и неожиданное, что-то такое, что ранее Тобой осуждалось, и не

являешь при этом причину такого повеления, то кто усомнится, что если даже оно и противоречит обычаям времени и места, его надлежит немедленно исполнить, ибо праведен только тот, кто служит Тебе. Блаженны те, которые знают, что от Тебя и Тебе. Ибо все делается служителями Твоими, дабы явить, что должно делать сейчас и что надлежит в будущем.

Глава X

Не понимая этого, я, безумный, потешался над святыми служителями и пророками Твоими. И чем закончился этот смех? Тем, что Ты посмеялся надо мной! Исподволь меня подвели к самым абсурдным представлениям, например, что винная ягода и ветка, с которой ее срывают, плачут слезами, «похожими на молоко». Если «святой» съест ее (а сорвать ее для него должны были непременно другие, ибо зачем же ему было грешить!), то, помолясь, повздыхав и рыгнув, он выдохнет из нее частичку Божества; эти частички так бы и остались заключенными в ягоде, если бы «святые избранники» не освободили их зубами и кишками! И я, достойный сожаления, верил этому, верил, что нужно более сострадать земным плодам, чем людям, для которых они растут. Выходило так, что любой не манихей за каждый съеденный кусок заслуживал чуть ли не смертной казни!

Глава XI

Но Ты простер «с высоты руку Твою» и избавил меня, и спас меня «от вод многих» (Пс. CXLIII, 7), когда мать моя, смиренная раба Твоя, оплакивала меня пред Тобою больше, чем иные матери оплакивают умерших детей. Она видела мою смерть верою своей, дарованной Тобою, и Ты услышал ее плач, Господи. Ты услышал ее и не презрел слез ее. Ты ниспослал ей сон, успокоивший ее, и она согласилась остаться жить со мною в одном доме, сидеть за одним столом. Ей приснилось, что стоит она на какой-то доске, и к ней, улыбаясь, подходит юноша; она же — сокрушена печалью. Он спрашивает ее, в чем причина ее слез, но видно, что он знает ответ. Она говорит, что скорбит о гибели моей, но юноша отвечает: «Не печалься, взгляни: вот, он рядом с тобою». Она посмотрела и видит: я стою рядом, на той же доске. Откуда этот сон? Не значит ли он, что Ты преклонил слух Твой к сердцу ее? О, всеблагий и всемогущий! Ты печешься о каждом из нас так, будто он — единственное творение Твое, и обо всех — как о каждом! И когда я услышал об этом сне и попытался истолковать его так, что мать

моя будет там же, где и я, она твердо ответила: «Нет, мне ведь было сказано не „где он, там и ты“, но „где ты, там и он“».

Исповедуюсь Тебе, Господи: насколько могу я припомнить этот сон, таков был ответ Твой через мою верную и заботливую мать; ее нисколько не смутило мое лживое, хотя внешне и правдоподобное объяснение, но она сразу же прозрела истину, скрытую тогда от меня, и это потрясло меня больше, чем сам сон, в котором благочестивой рабе Твоей была предсказана будущая ее радость и утешение нынешней скорби. Но еще десять долгих лет предстояло мне валяться в этой грязи и мраке заблуждений, еще десять лет продолжала эта чистая вдова, тихая и скромная, какие угодны Тебе, Боже, ободренная надеждой, плакать в часы горестных молитв, взывая: «Да внидет пред лице Твое молитва моя; приклони ухо Твое к молению моему» (Пс. LXXXVII, 3); меня же все кружило в этой непроглядной мгле.

Глава XII

В то время Ты дал мне и другой ответ, который я запомнил. Я многое упускаю, ибо тороплюсь перейти к тому, в чем должен я исповедаться пред Тобою, а многого и не упомню. Другой ответ ты дал через священнослужителя Твоего, епископа, вскормленного Церковью и весьма начитанного. Когда мать просила его удостоить меня беседы, дабы опровергнуть мои заблуждения и отвратить от зла (как делал он с теми, кого почитал достойными), он отказался, что, как я понимаю теперь, было разумно. Он сказал, что так как ересью я заболел недавно, то буду гордиться ею и упрямиться, смущая своими вопросами неопытных людей. «Оставь его там, — сказал он, — и молись за него Богу. Со временем он сам поймет, какое это заблуждение и какое великое нечестие». Он также рассказал, как его собственную мать соблазнили манихеи и она отдала его им еще ребенком; как он не только изучил все их книги, но и многие переписал; как открылось ему безо всяких обсуждений, что надо бежать от этих людей, и он бежал. Когда он поведал все это, мать, однако, не успокоилась, но продолжала

настаивать, обливаясь слезами. Тогда он с некоторой досадой сказал: «Ступай. Как истинно то, что ты живешь, так же истинно и то, что сын таких слез не погибнет». Впоследствии мать не раз говорила, что ей почудилось тогда, будто эти слова прозвучали с неба.

Книга четвертая

Глава I

В течение этих девяти лет, от девятнадцатого по двадцать восьмой год жизни моей, я обольщался сам и обольщал других, обманывался и обманывал, иногда — явно, обучая свободным наукам, а иногда — тайно, исповедуя обманную религию. В первом была гордыня, во втором — суеверие, но и там и там — пустота. Там я гнался за пустою славой, за рукоплесканиями толпы во время стихотворных состязаний за травяные венки, там увлекался бессмысленными зрелищами и безудержным разгулом; тут же, стремясь очиститься от всей этой грязи, подносил фальшивым избранным и святым еду, дабы те творили из нее в собственной утробе ангелов и богов для нашего освобождения. Я истово следовал всему этому, склоняя к тому же и обольщая через себя своих же друзей. Пусть смеются надо мною гордецы, счастливо устоявшие и не отпадавшие от Тебя, я же не перестану исповедать Тебе позор мой для вящей славы Твоей. Молю Тебя, позволь мне вспомнить теперь все прежние грехи мои и принести Тебе в жертву хвалу (Пс. XIX, 14). Что я сам по себе без Тебя? Путник, идущий дорогой погибели. С Тобою

же я дитя, кормящееся Твоим молоком, вкушающее нетленную пищу. Да и любой сам по себе — кто он и что? Пусть же потешаются надо мною сильные и могучие, мы же, слабые и немощные, будем исповедоваться пред Тобою.

Глава II

В эти годы я уже начал сам преподавать риторику, торгуя искусством победоносной болтливости. Ты знаешь, Господи, я стремился иметь хороших учеников и бесхитростно учил их словесным хитросплетениям; не затем, чтобы они вредили невинным, но чтобы порой вызволяли и виновного. Ты видел, Господи, из своего прекрасного далека, как изнемогала добродетель моя на скользком пути порока, как задыхалась в чадном дыму суетствования и лжи.

В то время я незаконно сожительствовал с одной (женщиной); нас скрепляла пылкая и безрассудная страсть, и я был верен ее ложу. Здесь на собственном опыте я смог убедиться, сколь велика разница между законным супружеством, чья цель — деторождение, и союзом чувственной любви, в котором если и рождаются дети, то это поначалу не радует, хотя сама природа впоследствии заставляет родивших любить свои чада.

Припоминаю еще одно: мне как-то пришлось выступать на сцене на состязаниях поэтов. И вот, пришел ко мне прорицатель-гаруспик, обещая за немалое вознаграждение обеспечить победу.

Но я отверг его гнусное искусство, сказав, что и ради золотого венца бессмертия не позволил бы убить даже мухи (дело в том, что этот гаруспик, умерщвляя животных, добивался расположения каких-то демонов). Но и эту мерзость, Господи, Боже сердца моего, отверг я не из любви к Тебе, ибо тогда еще не умел любить Тебя: меня влекло к себе и понуждало любить чувственное и плотское. А преданная плотскому душа — разве не грешит она вдали от Тебя, вверяясь обманам и «гоняясь за ветрами» (Ос. XII, 1)? Я не желал, чтобы за меня приносили жертвы демонам, хотя сам приносил им жертвы своим суеверием. А ведь «погоня за ветрами» — это и есть погоня за этими падшими духами, когда пребывающий в пагубных заблуждениях служит для них предметом забавы и осмеяния.

Глава III

Я вел предосудительные беседы с обманщиками-астрологами, которых еще называют математиками; они не вызывали духов и не приносили им жертвы, но христианская религия отвергает и осуждает и их. Истинное благо — исповедоваться Тебе, Господи, и взывать: «Помилуй меня, исцели душу мою; ибо согрешил я пред Тобою» (Пс. XL, 5). Благо — не употреблять во зло милосердие Твое, умножая грехи, но всегда помнить слова Господни: «Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. V, 14). И против этого-то спасительного наставления восстают вышеозначенные лжеучителя, говоря: «Так предначертало само небо, что ты должен грешить. Ведь так же поступают и Венера, и Сатурн, и Марс». Попросту говоря, это означает, что человек, — плоть и кровь, тление и прах, — невиновен ни в чем, но вся вина — на Творце, Распорядителе неба и звезд! А кто же этот Творец, как не Ты, Господи наш, высочайшая истина и любовь, Который «воздаст каждому по делам его» (Мф. XVI, 27) и «сердца сокрушенного и смиренного не презришь» (Пс. L, 19). Жил в то время один

опытный и известный врач[10], человек весьма проницательный, который, будучи консулом, собственноручно увенчал мою голову венком за победу в состязании (тут, впрочем, он поступил не как врач). Болезнь, от которой я тогда страдал, мог исцелить только Ты, Целитель душ и тел, Который «гордым противится, а смиренным дает благодать» (I Петр. V, 5). И не Ты ли привел ко мне этого старца, не Ты ли через него исцелил душу мою? Так, я стал другом его и собеседником (беседы же наши были не только просты и приятны, но и значительны и важны), и он, услышав в разговоре, что я увлекаюсь учением астрологов, стал искренне и с отеческою заботой убеждать меня, чтобы я оставил эти басни и не тратил попусту время на занятия, суетность которых он познал на собственном опыте; он советовал употреблять дар Божий на занятия полезные и необходимые. Он поведал, как в юности изучал астрологию, намереваясь одно время даже сделать ее своей профессией, ибо, как справедливо рассудил, если он понял Гиппократа, то еще скорее поймет и это. Однако затем он оставил астрологию и обратился к медицине, поскольку, будучи человеком

[10] Примечания: 10

Речь идет о Виндициане, знаменитом в то время карфагенском враче. Подробнее о нем — в книге седьмой, гл. VI.

честным, не захотел жить за счет введенных им в заблуждение. «Ты же, — говорил он мне, — преподаешь красноречие, чем и зарабатываешь на жизнь, а этими пустяками занимаешься забавы ради, а не по нужде; так поверь же мне, тому, кто изучал астрологию с тем, чтобы ею добывать себе средства к существованию». Когда же я спросил его, почему предсказания астрологов так часто сбываются, он ответил, что в том следует видеть игру случая и перст судьбы. Ведь бывает же и так, что кто-либо, гадающий по книге поэта, случайно выбирает стих, изумительно соответствующий его делу; не значит ли это, что человеческая душа, по какому-то наитию свыше, бессознательно и произвольно изрекает нечто, сходное с обстоятельствами вопрошающего?

Это событие, это близкое знакомство с опытным и престарелым врачом — разве не было свидетельством Твоей заботы обо мне? В памяти моей Ты обозначил тогда то, к чему впоследствии я пришел сам. Но тогда ни этот врач, ни дорогой мне Небридий, человек молодой, но честный и благоразумный, высмеивавший предсказания астрологов, не смогли убедить меня оставить эту пустую науку; я искал, но не мог найти доказательств того, что сбывающиеся предсказания

астрологов сделаны ими случайно и не являются результатом разумных наблюдений за движениями звезд.

Глава IV

В эти годы, когда я, вернувшись в родной город, начал преподавать грамматику, у меня появился друг, мой сверстник, вместе с которым мы когда-то росли и ходили в школу. Впрочем, истинной дружбой эта дружба не была, ибо таковою она становится только тогда, когда прилепляются к Тебе, дабы «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. V, 5). Но он был дорог мне, ибо мы были с ним схожи и темпераментом, и образом мыслей. И этого-то юношу, еще не твердого в своей вере, я отвратил от истинной религии и увлек суеверными и гибельными баснями, из-за которых оплакивала меня мать моя. И вот Ты, преследующий бегущих от Тебя, Бог отмщения и источник милосердия, обращающий нас к Себе непостижимыми для нас путями, Ты взял его из этой жизни, когда столь милой дружбе нашей не исполнилось и года.

«Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» (Пс. CV, 2), даже только за благодеяния ему одному? Что Ты сделал тогда со мною, сколь неисследима бездна судеб Твоих? Друг мой, заболев лихорадкой, долго бредил в предсмертном

поту; и когда близкие его уже отчаялись в выздоровлении, они окрестили его. Я же нисколько не заботился об этом, будучи уверен, что душа его держится силой моих внушений, оставаясь чуждою тому, что сотворяют над его бесчувственным телом. Между тем случилось так, что друг мой пришел в себя, стал поправляться и, наконец, выздоровел совсем. Сразу же после этого я поговорил с ним (что было нетрудно, ибо я почти не отходил от него — настолько мы были неразлучны), думая, что он посмеется над случившимся, т. е. над крещением, которое он принимал в полном беспамятстве, вместе со мною. Но, к моему удивлению, он отнесся к моим словам крайне враждебно и просил прекратить этот разговор. Пораженный этим и весьма сконфуженный, я отложил свои рассуждения до лучших времен, когда он совершенно оправится от своей болезни. Но он был восхищен Тобою от безумия моего, чтобы спастись у Тебя к моему утешению: через несколько дней в мое отсутствие у него возобновилась лихорадка, и он умер.

Этот удар сокрушил сердце мое; везде чудилась мне смерть. Отчизна представлялась мне кладбищем, родной дом — могилой. Все, что напоминало мне о моем несчастном друге, невыразимо му-

чило меня. Везде искал я его и не находил, и все вокруг стало мне ненавистным, ибо никто не мог мне сказать: «Подожди, он скоро придет», как это бывало прежде во время его отсутствия. Я вопрошал душу мою: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?», и не знала она, что ответить, хотя я и говорил ей: «Уповай на Бога» (Пс. XIII, 5). Но она не слушалась меня, ибо друг, которого она любила и потеряла, был реальнее тех призраков, уповать на коих я ей велел. Лишь слезы могли утешить меня, они одни стали отрадой души моей.

Глава V

Теперь, Господи, все это уже позади; время залечило рану мою. Позволь же приблизить слух сердца моего к устам Твоим и услышать от Тебя, непреложной Истины, почему слезы столь сладостны несчастным? Или Ты, вездесущий, сторонишься наших бед? Ты пребываешь в Себе, нас же кружит вихрь испытаний. Но, однако же, стенания наши достигают слуха Твоего. Так почему посевы горестей наших дают сладкие всходы, почему находим мы отраду в стенаниях и плаче, вздохах и сетованиях скорби? Возможно, потому, что надеемся при этом быть услышанными Тобою? Но для этого существуют молитвы, в которых ясно выражается это желание. Нет, не затем я плакал об умершем друге и не надеялся я, что он оживет: я просто скорбел и плакал. Меня постигло несчастье, и оставила меня радость моя. И слезы мои были горьки, и радовали лишь потому, что опротивело все, что прежде было источником наслаждений.

Глава VI

Зачем говорю я об этом? Сейчас ведь время не сетований и жалоб, а исповеди перед Тобою. Я был несчастен, как несчастна всякая душа, прикованная страстью к смертным предметам; она терзается, когда их теряет, чувствуя, сколь была бедна, когда обладала ими. В таком состоянии пребывал я тогда и горько плакал, в самой горечи находя успокоение. Я был несчастен, но несчастная жизнь моя была мне все же дороже моего дорогого друга. Я готов был изменить ее, если бы это могло вернуть мне друга, но не готов был расстаться с нею ради него. Я не уверен, что готов был бы поступить так, как, говорят, поступили Орест и Пилад (если это только не выдумка), которые предпочли умереть вместе, лишь бы только не жить один без другого. Я же переживал нечто иное: как ни тяжела была мне жизнь, как ни тягостна, но еще более страшила меня смерть. И, думаю, если бы еще больше любил я его, еще сильнее ненавидел бы смерть. Порою мне казалось, что вскоре погибнут все: не пощадила же смерть такого прекрасного человека! Так, вспоминаю, думалось мне тогда.

Вот, Господи, душа моя, вот сердце мое; призри, Боже, надежда моя, упование мое, очисть и направь на путь истинный, ведущий к Тебе, «извлеки из сети ноги мои» (Пс. XXIV, 15). Да, я дивился тогда, что друг мой умер, а остальные — живут; и еще больше удивлялся я тому, что живу я сам, который был как бы частью его; хорошо сказал кто-то о друге своем, назвав его «дорогой половиной души своей»[11]. И мне казалось, что у нас с ним была одна душа в двух телах, потому-то и стала мне противна жизнь, что не хотел я жить наполовину, потому-то и страшила смерть, что казалось мне, пока я живу, и друг мой еще не совсем мертв.

[11] Примечания: 11
Так назвал Гораций своего друга Вергилия (Оды, I, 3).

Глава VII

О, безумие, не умеющее любить человека так, как подобает любить человека! О, глупость, не знающая меры участия в страданиях человеческих! Я страдал, вздыхал и стенал, проливал слезы и печалился. Я носился с измученною душою своею и не знал, куда ее пристроить. Ни прохладные рощи, ни театральные зрелища, ни музыка, ни изысканные пиры, ни удовольствия чувственной любви, ни книги не помогали душе моей; ни в чем не находила она успокоения. Все тяготило ее, все было ненавистно, кроме стонов и слез. Я знал, что за исцелением надлежало обратиться к Тебе, Господи, знал, но не обращался, да и не мог обратиться, ибо не имел тогда твердого представления о Тебе: ведь не Ты, а Твой призрак был тогда для меня богом. И когда я силился направить душу по этому пути, она, теряясь в пустоте, вновь возвращалась ко мне и вовлекала меня в свое несчастье. Ибо куда душе моей уйти от себя? Куда мне самому уйти от себя? Куда идти, чтобы не встретиться с собою? И все же я бежал из отечества, где слишком многое связывало меня с умершим. Я покинул Тагасту и переехал

в Карфаген.

Глава VIII

Время не проходит напрасно и бесследно для наших чувств, творя в душе удивительные дела.

День проходил за днем, принося новые встречи и новые впечатления; скорбь стихала, освобождая в душе место для новых радостей и новых огорчений.

У меня появились другие приятели и знакомые, и вместе с ними я обращал свою любовь на те предметы, которые возлюбил вместо Тебя; это была какая-то страшная сказка, затянувшийся кошмар, и душа моя все больше развращалась в их кругу[12]. И все это продолжало жить, даже если кто-либо из них и умирал.

Было в этом обществе что-то такое, что увлекало душу мою; так, мы вместе беседовали и шутили, вместе читали сладкоречивые книги, вместе пустословили, воздавали друг другу всяческие почести, а если и спорили, то без неприязни, как часто рассуждает человек сам с собою, достигая этим еще большего согласия; мы вместе

---

[12] Примечания: 12

Т. е. Августин по-прежнему исповедовал манихейство, и его новые приятели принадлежали к манихейской общине.

учились и учили, сожалели о тех, кто покидал наше общество, и радовались неофитам.

Все это, проистекающее из взаимного расположения и согласия, приводило к тому, что мы, как воск от огня, таяли и как бы сплавлялись в одно единое целое.

Глава IX

Такова дружба, простирающаяся до того, что каждый по совести считает себя неправым, если не отвечает любовью на любовь, не требуя ничего взамен, кроме дружеской благожелательности. Потому так тяжела утрата друга, потому так сиротеет сердце; с потерей жизни умерших мертвеет жизнь живущих. Блажен, кто любит Тебя, кто любит и ближнего в Тебе, и врага ради Тебя. Тот не утратит близких своему сердцу, для кого дороги все ради Того, Кто существует всегда и пребывает вечно. И Кто это, как не Ты, Господи, Бог, сотворивший небо и землю и наполняющий их. Тебя никто не теряет, кроме того, кто сам удаляется от Тебя, а что значит удаляться от Тебя, как не бежать от Твоей кротости к Твоему же гневу? Не везде ли встречает такой закон Твой в наказании своем? И закон Твой — истина, и истина — это Ты.

Глава X

«Боже сил! восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся!» (Пс. LXXIX, 8). Куда бы ни обратилась душа, кроме Тебя, повсюду ожидает ее боль, хотя бы и встретила она красоту, но красоту вне Тебя и вне себя. Да и что это за красота, если она — вне Тебя? Прекрасное рождается и умирает; родившись, оно растет, стремясь расцвести, а расцветя — стареет и гибнет. Не всегда, впрочем, успевает состариться, но гибнет — всегда. И чем скорее родившееся растет, утверждая этим свое бытие, тем скорее оно стремится к небытию. Такова судьба всего преходящего, ибо оно — только часть целого, но не целое; части же не существуют одновременно, но, сменяя друг друга, они подобны актерам, играющим свои маленькие роли в одной большой пьесе. Это также похоже на нашу речь: она не будет целой, если каждое произнесенное слово будет постоянно звучать вместо того, чтобы исчезнуть и уступить место другому слову.

«Буду восхвалять Господа, доколе жив» (Пс. CXLV, 2), Господа, Создателя всего. И да не прилепится душа к миру в чувственной любви, ибо мир

идет к небытию, терзая душу смертной тоской; стремится душа отдохнуть на том, что любит, но где отдохнуть ей в этом мире, постоянно ускользающем, как угнаться за ним плотскому чувству, как удержать даже то, что здесь, под рукой? Медлительно плотское чувство, ограниченность — свойство его; как догнать ему то, что стремительно мчится к своему концу? Ибо словом Твоим всему обозначен предел.

Глава XI

Не суетствуй, душа, не заглушай уха сердца твоего, прислушайся: само Слово зовет тебя вернуться туда, где Любовь пребудет с тобою, если только ты вновь не оставишь Ее. Что-то покидает этот мир, освобождая место новому; «Разве Я могу уйти?» — вопрошает Слово. В Нем утверди жилище свое, доверься Ему, душа, уставшая от лжи. Истине доверь все то, что истинно в тебе, и этого уже не утратишь. И расцветет у тебя все увядшее, исцелится недужное, обновится преходящее и сохранится у Господа, Который «пребывает вовек» (Пс. CI, 13).

Зачем спешишь ты за плотью своей? Не ей ли надлежит следовать за тобою? О чем свидетельствует плоть, как не о частях? Что знает она о целом? Но ведь ты радуешься и частям. А если бы узнала целое, то неужто не оставила бы части, чтобы наслаждаться целым? Ведь и речи ты воспринимаешь плотски, частями, но торопишь слоги, чтобы услышать все целиком. Так и те части, что составляют все целое; они не возникают одновременно, но, сменяя друг друга, вместе составляют то целое, которое, конечно же,

прекрасней частей, но которое разом нам воспринять не дано. Насколько же велик Тот, Кто создал это целое — Господь наш, Который пребывает вовек, ибо кто заменит Его?

Глава XII

Если ты радуешься телам, то хвали Создавшего их, если угодны души — хвали их в Господе, ибо вне Его и они — тлен. Люби их в Нем, привлекай к Нему, ибо «Он и не далеко от каждого из нас» (Деян. XVII, 27). Но где же Он? Где вкушают истину? Он во всяком сердце, но не всякое сердце — с Ним, хотя «дело закона… написано в сердцах» (Рим. II, 15). Так прильните же к Создавшему вас; стойте с Ним, и устоите; успокойтесь в Нем, и покойны будете. Куда стремитесь вы, безумцы? В какой мрак? Ведь все доброе, что вы любите, от Него, но только в Нем оно — сладостно, вне Его — горько, ибо несправедливо любить доброе и отвернуться от Того, Кто это доброе дает. Зачем же скитаться путями кривыми — там не будет для вас покоя. Вы ищете там покоя, но там его нет. Жизни блаженной взыскуете вы в стране мертвецов, но не находите, ибо там нет никакой жизни.

Спустилась к нам сама Жизнь и унесла смерть нашу, вырвала жало ее. Прозвучал зов Его, призывая нас к Нему, в святилище тайное. Оттуда спустился Он в девственное чрево, где сочеталась с Ним наша природа, плоть смертная, дабы об-

рести жизнь; и вот уже Он выходит оттуда, «как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще» (Пс. XVIII, 6). И Он не медлил, но устремился к нам, словами и делами, жизнью и смертью, сошествием и вознесением призывая нас вернуться к Нему. Он ушел от нас и вернулся, дабы пребыть в сердцах. «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» (Ин. I, 10). Ему исповедуется душа моя, прося исцеления, ибо согрешила она пред Ним (Пс. XL, 5). «Сыны мужей! доколе будете любить суету и искать лжи?» (Пс. IX, 3). Жизнь спустилась к вам — почему не хотите подняться и жить? Но как подняться тем, которые «поднимают к небесам уста свои» (Пс. LXXII, 9)? Спуститесь, и подниметесь, ибо вы пали, восстав. Скажи им это, душа, увлеки их к Богу, ибо если говоришь с любовью, то от Духа Святого слова твои.

Глава XIII

Я не знал тогда этого, любя телесную красоту, я падал в бездну, говоря товарищам своим: «Что любим мы, как не прекрасное? Но что это, что есть красота? То, что привлекает нас в том, что мы любим, иначе чем бы оно привлекало нас?» Размышляя, я заметил, что любое тело представляет собою некоторое единство, единство же — прекрасно. Приятна также и гармония, согласованность единств. Так, члены тела бывают хороши и сами по себе, но еще красивее их соразмерность. Эти соображения я изложил в трактате «О прекрасном и соразмерном», состоящем, насколько помню, из двух или трех книг. Ты знаешь об этом, Господи, я же уже подзабыл. Да и самих тех книг у меня нет — я потерял их, не помню где и когда.

Глава XIV

Зачем-то посвятил я эти книги некоему Гиерию, оратору из Рима. Я не знал его, Господи, но был наслышан о нем как о великом ученом. Мне сообщили иные из его изречений, и они мне очень понравились. Но еще больше нравился он мне потому, что нравился другим: его хвалили и прославляли, недоумевая при этом, как сириец, умевший вначале говорить только по-гречески, стал впоследствии столь искусным в латинском красноречии; к тому же говорили, что он был выдающимся знатоком философии. Кто-то хвалит человека, и вот его уже любят те, кто его в глаза не видел. Разве слова возбуждают эту любовь? Нет, любящий зажигает своею любовью другого. Поэтому и любят тех, кого хвалят другие, веря, что те хвалят любя. Так любил я тогда людей, доверяясь суду человеческому, а не Твоему, Боже, Который единственный правосуден.

Но почему его хвалили иначе, чем, скажем, возницу или циркача, прославленных народной любовью? Слава его была серьезной и степенной, а именно о такой я и мечтал. Сам я похваливал иных актеров, но предпочел бы скорее полную

безызвестность, даже хулу, чем такую славу, такую любовь. Что за странные у души мерила любви! Почему я люблю в другом то, от чего бы сам наотрез отказался? А ведь мы оба — люди! Понятно, что можно любить лошадь, не желая стать лошадью, но актер-то — человек. Что же, мне нравится в другом человеке то, что в себе самом ненавистно? Великая тайна — человек, у которого Тобою «волосы на голове все сочтены» (Мф. X, 30). Впрочем, легче счесть волосы его, чем чувства и влечения сердца.

Что же до Гиерия, то я хотел бы стать таким оратором, как он. Я заблуждался в гордыне своей, был «колеблющимся и увлекающимся всяким ветром учения» (Еф. IV, 14), и скрыто было от меня руководство Твое. Ибо по правде я больше любил не его искусство, а ту славу и похвалы, которые он получал, и если бы за то же самое его ругали и презирали, я, пожалуй, также отвернулся бы от него. Вот какова душа, не прилепившаяся к непреложной истине. Ее несет и кружит, швыряет с места на место бурный вихрь слов и суждений, застилающих от нее ясный свет истины. Мне казалось тогда очень важным, чтобы книга моя стала известна этому человеку. Его одобрение значило для меня очень много, неодобрение же

могло разбить мое суетное, неприкаянное сердце. Но в то же время, мысленно возвращаясь к написанному, я приходил в восторг от своей работы и не нуждался при этом ни в чьих похвалах.

Глава XV

Я не видел главного в искусстве Твоем, «един творящий чудеса» (Пс. LXXI, 18). Душа моя была в плену у чувственных образов. Я пока лишь смог определить, пользуясь свидетельствами телесных восприятий, что есть «прекрасное» само по себе, и что — «соразмерное», хорошо согласующееся с другими. Затем привлекла меня природа души, но ложные представления о духовном мире застили мне истину. Истина была рядом, перед глазами, но я отвращал свой взор от бестелесного к линиям и краскам и к большим предметам. Не видя этого в душе, я думал, что нельзя увидеть и душу. Любя согласие, порождаемое добродетелью, я находил в нем единство, в раздоре же, следствии порока, — разделенность. Первое я полагал гармонией ума, истины и высшего блага, второе — неразумием и высшим злом, причем зло казалось мне, несчастному, не только некоей субстанцией, но даже жизнью, исходящей не от Тебя, Господи, от Которого — все. Единство я называл монадой, единым Умом, разделенность же — неопределенной двоицей, источником преступлений и похоти пороков. Я не ведал, что

говорил; я не понимал, что зло несубстанциально, что ум не высшее и неизменное благо. Преступление — это порочное движение души, побуждающее к действию, в котором душа стремится к дерзостному самоутверждению; разврат — необузданная жадность к плотским удовольствиям. Порочность же души ведет к заблуждениям и ложным мнениям. Таковой была тогда и моя душа, далекая от истинного света, а потому и не знавшая истины. «Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою» (Пс. XVII, 29); «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак. I, 17).

Я воспарял к Тебе и падал, ибо «Ты противишься гордым» (I Петр. V, 5). А что может быть большей гордыней, чем полагать себя единосущным Тебе? Я видел, что природа моя изменяема, поскольку стремился к мудрости затем, чтобы измениться к лучшему; а коли так, то я дерзнул вообразить, что изменяем и Ты. А потому я и падал, и носили меня продувные ветра. Я, «плоть, дыхание, которое уходит и не возвращается» (Пс. LXXVII, 39), скитался среди призраков того, чего нет ни в Тебе, ни во мне, ни в телах. Я вопрошал у своих сограждан,

верных чад Твоих, кощунствуя и пустословя: «Почему заблуждается душа, сотворенная Богом?» Я не осмеливался спросить: «Почему заблуждается Бог?», но готов был скорее допустить эту мысль, чем признать, что сам я, изменяемый и преходящий, добровольно сбиваюсь с пути, караясь заблуждением.

Мне было где-то между двадцатью шестью и двадцатью семью годами, когда я закончил этот труд, изобилующий моими фантазиями и телесными образами, чем шум наполнял уши сердца моего. Я прислушивался, стараясь уловить мелодию истины, звучавшую в глубинах души моей. Я думал о прекрасном и соразмерном, желая услышать Тебя, дабы «радостью радоваться, слыша голос жениха» (Ин. III, 29), но не слышал, ибо заблуждение мое громко звало меня и увлекало наружу. Ты не давал мне услышать радость и веселие, и не радовались кости, Тобою сокрушенные (Пс. L, 10).

Глава XVI

И много ли пользы было мне в том, что в свои двадцать лет я был единственным из учеников, кто смог прочесть и понять «Десять категорий» Аристотеля? А ведь мой наставник и многие другие, мужи весьма ученые, превозносили эту книгу до небес, и я мечтал о ней как о чем-то великом и божественном. Беседуя по прочтении ее об этих категориях с другими, я узнал, что самостоятельно постиг то, что другим далось с большим трудом, после многих объяснений и даже рисунков на песке. Мне же показалось, что книга достаточно ясно толковала о субстанциях и их признаках, например: человек — качество; его рост — количество; он чей-то брат — отношение; он находится там-то — место; он родился тогда-то — время; он стоит или сидит — положение; он с оружием и в обуви — обладание; он делает или претерпевает то-то — действие. Под эти десять категорий можно подобрать уйму примеров. И что, какая в них польза? Насчет пользы не скажу, а вред определенно был, ибо полагая, что десятью категориями охватывается все вообще, я и Тебя, Господи, простого и неизменного, силился

рассматривать в качестве субъекта Твоих же величия и красоты, как будто речь шла о телесных атрибутах, тогда как Твое величие и Твоя красота — это Ты сам. Тело же само по себе ни велико, ни прекрасно. Ложью были мои мысли о Тебе, жалким вымыслом, а не блаженною крепостью Твоей. Ибо Ты повелел, и стало: «терние и волчцы» произвела мне земля, и «в поте лица» своего ел я хлеб свой (Быт. III, 18,19).

Велика ли была польза от того, что я, раб злых страстей, сам прочел и понял все книги, касавшиеся свободных искусств? Я радовался, читая их, и не понимал, откуда в них то, что было истинного и определенного. Я стоял спиной к свету, и лицо мое было в тени. Ты знаешь, Господи, что я без особого труда постиг красноречие, диалектику, геометрию, музыку и арифметику. Я был сообразителен и проницателен; это были Твои дары, но не Тебе приносил я их в жертву. В них таилась погибель моя, ибо, захватив имущество свое, я не сберег его для Тебя, но удалился в дальние страны, чтобы напрасно растратить его на блудные страсти. Я получил немало добра, но тратил ли его на доброе? А между тем, когда я сам начал преподавать, я убедился, сколь трудны эти науки, как много усилий требуют они даже от лучших

учеников.

А много ли пользы принесли мне эти нелепые измышления, будто Ты, Господи, Бог истины, — огромное светящееся тело, а я — его осколок? Предел извращенности! Но именно так я и думал. Я не краснею, исповедуя пред Тобою милосердие Твое ко мне: ведь не краснел же я, богохульствуя перед людьми. Вот сколько пользы извлек я из своего ума, столь способного в изучении наук и сложнейших книг, но такого беспомощного и темного в предметах благочестия. Насколько лучше ум пусть и более медлительный, но прилепившийся к Тебе, безмятежно оперяющийся в гнезде матери-Церкви и взращивающий крылья любви, питаясь здоровой пищей правой веры. Господи, Боже мой, «в тени крыл Твоих я возрадуюсь» (Пс. LXII, 8); Ты понесешь нас от утробы матерней, и до седины нашей будешь носить (Ис. XLVI, 3,4), ибо сила наша — Ты, Господи, мы же сами — наше бессилие. Ты — благо наше, вне Тебя — безобразность и тлен. Прилепимся к Тебе — и устоим; рухнем, но сможем вернуться, ибо вовеки не рухнет дом наш, вечность Твоя.

Книга пятая

Глава I

Прими жертву мою, приносимую языком моим, который Ты сотворил и побудил исповедать имя Твое. «Все кости мои скажут Господи! кто подобен Тебе?» (Пс. XXXIV, 10), ибо исцелены. Что нового может сказать Тебе человек, исповедуясь пред Тобою: открыто Тебе сердце его; Тебе ведома жестокость его, которую Ты смягчаешь, когда хочешь, милостиво прощаешь или караешь, ибо «ничто не укрыто от теплоты» Твоей (Пс. XVIII, 7). Хвалит Тебя душа моя, желая возлюбить. Хвалят Тебя все творения Твои, всякая душа, обратившаяся к Тебе, все живое и неодушевленное устами созерцающих их. Да воспрянет душа от усталости, да взойдет к Тебе через творения Твои, дивно Тобою сотворенные, да обновится у Тебя и станет сильной.

Глава II

Пусть бегут от Тебя нечестивцы; Ты видишь их и различаешь эти тени и призраки. И в то же время — все у Тебя прекрасно, хотя они — позор и нечестие. Чем могут они повредить Тебе, чем обесчестят власть Твою, справедливую от небес и до края земли? Куда бегут, скрываясь от лица Твоего? Где найдешь Ты их? Они бегут, чтобы не видеть Тебя, видящего их, и в слепоте своей наткнутся на Тебя, ибо Ты не оставляешь творений Своих. В неправде своей они наткнутся на правду Твою, дабы понести наказание; не видя милосердия Твоего, они узнают справедливый гнев Твой. Ибо Ты повсюду, и нет такого места, где бы не было Тебя; они бегут от Тебя, но Ты всегда рядом, ибо создания Твои могут оставить Тебя, но Ты не оставляешь Своих созданий. Пусть же обратятся они к Тебе, пусть взыскуют Тебя — и вот, Ты уже в сердцах исповедующихся Тебе, плачущих на груди Твоей после долгих скитаний своих. И Ты, милосердный, отираешь слезы их, утешаешь и обновляешь. Где же был я, когда искал Тебя? Ведь Ты был рядом, я же — далеко, но не от Тебя, Господи, а от себя; я не находил себя, а потому не

мог найти и Тебя.

Глава III

Расскажу теперь пред лицом Господа моего о замечательном двадцать девятом годе жизни моей[13]. В этот год прибыл в Карфаген известный епископ манихеев по имени Фавст, могучий ловец диавольский, многих прельстивший своим красноречием[14]. Но я искал не красивых слов, а знаний, которыми, как сообщала молва, блистал Фавст, будучи сведущим не только в высоких учениях, но и в свободных науках. К тому времени я прочел немало книг разных философов и, сравнивая их положения с бесконечными манихейскими баснями, начал приходить к выводу, что слова тех, у кого хватило ума исследовать временный мир, хотя они и не обратились к Господу, звучат убедительней. «Высок Господь, и смиренного видит, и гордого узнает издали» (Пс. CXXXVII, 6), но приближается лишь к смиренным; гордецы же далеки от Тебя, хотя бы и сочли они

---

[13] Примечания: 13

Т. е. о том времени, когда Августин порвал с манихеями.

[14] Примечания: 14

Впоследствии Августин напишет сочинение «Против Фавста» в 33-х книгах, каждая из которых будет начинаться длинной цитатой из произведения Фавста об основах манихейства.

все звезды на небе и все песчинки в море, проследили и измерили пути светил. Они исследуют, руководствуясь разумом и способностями, дарованными Тобою; им уже удалось немало найти, предсказать на многие годы вперед солнечные и лунные затмения, и их расчеты и предсказания неизменно сбываются. Дивятся неосведомленные, ликуют и кичатся знающие, в нечестивой гордыне своей удаляясь от истинного Света: они предвидят будущие затмения светил, но не могут увидеть собственного затмения, происходящего с ними уже сейчас. Они не вопрошают благоговейно, откуда у них эти способности, и даже поняв, что Ты создал их, они не вручают себя Тебе, дабы Ты сохранил их, не приносят в жертву Тебе ни мыслей своих, парящих в вышине наподобие птиц небесных, ни любопытства, блуждающего глубинными тропами наподобие рыб морских, ни распутства, в коем уподобляются полевым скотам, дабы Ты, Господь, «огнь поядающий, Бог ревнитель» (Втор. IV, 24), уничтожил их мертвенные заботы, обновил их для жизни вечной.

Они не познали пути Слова Твоего, Которым Ты создал и исчисляемое, и исчисляющих, и чувства их, с помощью которых они различают исчисляемое, и разум, с помощью которого они

исчисляют, ибо «разум Его неизмерим» (Пс. CXLVI, 5). Единородный же Сын Твой сам стал для нас мудростью, праведностью и освящением, хотя и был как один из нас и платил подать кесарю. Они не познали этого пути, чтобы, спустившись от себя к нему, через него подняться к Тебе. Они думали, что, исчисляя звезды, сами сияют среди них; и вот рухнули они, и омрачились их безумные сердца. Много верного сообщают они о твари, Творца же не ищут, а потому и не находят. А если некоторые из них и находили, то, «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся… Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись и служили твари вместо Творца» (Рим. I, 21–25).

Но было у них сказано много верного о природе, их разумные объяснения подтверждались вычислениями, сменой времен, движением звезд. Я сравнивал все это со словами Мани, приведенными в его многочисленных сочинениях, и не находил ни одного стоящего рассуждения ни о солнцестояниях, ни о равноденствиях, ни

о затмениях, ни вообще о чем-либо таком, о чем говорилось в книгах мирской премудрости. Нам предписывалось верить тому, что никак не соответствовало ни доказанному и подтвержденному строгими вычислениями, ни тому, что видели мои глаза; более того, многие положения были этому прямо противоположны.

Глава IV

Неужели же тот, кто обогатился подобными знаниями, тем самым угоден и приятен Тебе, Господи, источник всякой истины? Несчастен тот, кто все это знает, а Тебя не знает; блажен, кто знает Тебя, хотя бы он и не знал ничего другого. Ученого же, познавшего Тебя, сделают блаженными не его науки, а если он, «познав Тебя, как Бога, возблагодарит Тебя и не осуетится в умствованиях своих». Куда лучше иметь дерево и разумно пользоваться плодами его, возблагодарив Создавшего его, и не знать при этом его высоты и ширины, чем знать, как измерить его и сосчитать ветви, но не иметь его и не любить Создавшего его. Так и праведным принадлежит весь мир; «они ничего не имеют, но всем обладают» (II Кор. VI, 10), прилепившись к Тому, от Кого — все. Пускай они не знают, где находятся септентрионы[15], — неужто от этого им хуже, чем тому, кто измеряет небо, считает звезды, взвешивает вещества, но при этом пренебрегает Тобою, расположившему все мерою, числом и весом?

---

[15] Примечания: 15
Семь звезд Большой Медведицы.

Глава V

Кому нужно было, чтобы какой-то Мани писал о том, без познания чего можно обучиться благочестию? Ты ведь сказал человеку: «Вот, страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла — разум» (Иов. XXVIII, 28). Поэтому, даже в совершенстве овладев наукой, можно быть неразумным. Однако он был невежествен и в науках, осмеливаясь при этом поучать. О самой же мудрости, разумеется, он не знал ничего. Проповедовать мирское знание, даже хорошо известное, дело суетное, исповедовать Тебя — благочестивое. Последнего он не делал, в первом же был опровергнут учеными мужами. Но он горделиво отвергал любое недоумение, утверждая, что Дух Святой, утешитель верных Твоих, обитает в нем во всей полноте Своего авторитета. Его уличили в лживых утверждениях о небе и звездах, о движениях солнца и луны; хотя все это далеко от предметов веры, но и в этом видна кощунственность его проповедей. Ведь мало того, что он пустословил о том, чего не знал, но при этом еще старался приписать свои измышления как бы божественному лицу.

Когда мне приходится слышать, как кто-либо из братии, будучи несведущим в науках, судит о научных предметах вкривь и вкось, я отношусь к такому снисходительно, ибо вижу, что подобные суждения ему не во вред, если он при этом благоговеет пред Тобою, Господи, Творец всего, и неверно судит лишь о положениях и свойствах телесной природы. Вредным оно станет только в том случае, если он решит на основании этих заблуждений судить о сущности вероучения, осмеливаясь утверждать то, чего не знает. Подобную немощность, впрочем, материнская любовь допускает у тех, кто верой еще младенец, ожидая, пока такой «не станет мужем совершенным, дабы не был более младенцем, колеблющимся и увлекающимся всяким ветром учения» (Еф. IV, 13, 14). Кому же не будет ненавистным такой безумец, который, будучи столько раз уличенным во лжи, осмелился проповедовать как такой учитель, вождь и глава, что ученики его думали, будто они следуют не за простым человеком, а за Духом Святым? Впрочем, сам я сомневался, можно ли принять его объяснения смены дней и ночей, затмения светил и многого другого подобного, о чем я немало прочел в других книгах. И даже если бы это оказалось возможным, я все равно остался

бы в нерешительности. Но у меня сохранялась еще вера в его святость, он был еще в моих глазах большим авторитетом.

Глава VI

В продолжение почти девяти лет, проведенных мною в томлениях и колебаниях душевных среди этих людей, я ждал и не мог дождаться прибытия этого самого Фавста, ибо другие манихеи, которые не могли развеять многие мои сомнения, утверждали, что этот человек при личной с ним встрече без труда разрешит самые сложные задачи. И вот, когда он приехал, я нашел в нем человека милого и речистого; его рассуждения о манихейских доктринах звучали умно и приятно. Но к этому времени уши мои уже пресытились такими речами; они не казались мне лучшими лишь потому, что лучше лились, истинными лишь потому, что были красноречивы. Душа оратора не казалась мне более мудрой только потому, что жесты его были изысканны и выражения — уместны. Люди, превозносившие Фавста, оказались негодными судьями: они посчитали мудростью красивые речи. Впрочем, мне известна и другая порода людей: им кажется подозрительной и самая истина, если только ее им преподносят в приятной и пространной речи. Но Ты наставил меня, Господи, дивным и неизре-

ченным образом, ибо кто же еще мог наставить меня, как не Ты, учитель истины. Я узнал от Тебя, что красноречие — это только красноречие, и истина заключена не в нем, хотя и косноязычие — отнюдь не показатель истины. И простая речь бывает лживой, и красноречивая — истинной. Мудрое и глупое — это как пища, полезная и вредная, а слова, изысканные и простые, — как посуда, городская или деревенская, в которой можно подавать любую пищу.

Жажда, с которой я столько времени ожидал этого человека, находила утоление в оживленном ходе его рассуждений, радовали глаз те легкие и красивые одежды, в которые он одевал свои мысли. Я наслаждался вместе с другими, хвалил его с особым усердием, но досадовал, что не могу в толпе задать мучившие меня вопросы, поделиться своими сомнениями и обменяться мыслями, как это бывает в дружеской беседе. Но когда подобный случай представился, что же я увидел? А увидел я человека, совершенно не знавшего свободных наук, за исключением грамматики, да и то в самом скромном объеме. Но так как он прочел несколько речей Цицерона, кое-что из Сенеки, немного поэзии и книги тех манихеев, которые умели хорошо излагать

по-латыни, то когда ко всему этому добавилась ежедневная практика в пустословии, отсюда и получилось его красноречие, которое вкупе с изворотливостью ума и большим обаянием делало его речи столь соблазнительными. Так ли вспоминаю я, Господи, праведный судия совести моей? Сердце мое и память открыты Тебе. Ты обратил лицо мое к заблуждениям моим, дабы узрел я их и возненавидел.

Глава VII

После того как сей знаменитый манихей явил мне в полной мере невежество свое в тех науках, в которых все считали его сведущим, я стал уже было отчаиваться в том, что он сможет разъяснить волновавшие меня вопросы. А ведь не будь он манихеем, он вполне мог бы обладать истиною веры, даже ничего не понимая в науках. Книги их были полны всевозможных басен о небе и звездах, о солнце и луне, и мне очень бы хотелось, чтобы он, сравнив все сказанное там с теми вычислениями, которые я почерпнул в других книгах, или доказал, что правильно судят об этом именно манихеи, или, по крайней мере, убедил, что их доказательства не уступают по силе другим. Но когда я предложил ему обсудить эти вопросы, он скромно отказался, не осмеливаясь судить о том, чего не знал; он не принадлежал к тем велеречивым болтунам, которые поучали о том, чего не понимали, и не стыдился сознаться в своем невежестве. Сердце его было «не право пред Богом» (Деян. VIII, 21), но право пред собой. Он знал о своем незнании и не хотел увязать в споре, понимая, что может зайти в тупик. Этим

он понравился мне еще больше; скромное признание было прекрасней того знания, которое я хотел тогда обрести. Он же, как я заметил тогда, во всех тонких и трудных вопросах вел себя неизменно скромно.

Рвение мое к писаниям Мани охладело окончательно, когда я увидел, что даже знаменитый Фавст оказался несведущим во многих волновавших меня вопросах. Я продолжал с ним встречаться, ибо он страстно увлекался литературой, которую я, карфагенский ритор, преподавал юношам. Я читал с ним книги, или те, с которыми он просил меня его познакомить, или те, что я сам выбирал для него, поняв его вкусы и склад ума. Дружба с этим человеком остудила мои желания подвизаться в их секте, но я и не оставлял их, ибо не находил тогда ничего лучшего, ожидая, когда случай предоставит мне что-либо более заслуживающее внимания. Таким образом Фавст, бывший для многих «сетями смерти» (Пс. XVII, 6), начал, сам о том не подозревая, распутывать те, в которые попался я. Рука Твоя, Господи, в неисповедимости промысла Твоего, не оставляла души моей. Мать моя приносила Тебе в жертву за меня лившиеся денно и нощно из самого ее сердца слезы, и Ты дивным образом поступил со

мною. Воистину, «Господом утверждаются стопы человека, и Он благоволит к пути его» (Пс. XXXVI, 23). Кто подает нам спасение, как не рука Твоя, обновляющая создания Твои?

Глава VIII

Итак, в путях промысла Твоего мне было положено, чтобы я отправился в Рим, думая заняться там преподаванием того, что до сих пор преподавал в Карфагене. Что же побудило меня к этому, как не Твоя неисследимая глубина и милосердие Твое, всегда соприсутствующее нам. Ведь не уговоры же друзей, не обещание больших денег и почестей, хотя они тогда еще волновали меня, стали тому причиной; нет, привлекли меня рассказы о том, что в Риме ученики вели себя достойно, сдерживаемые большей строгостью и дисциплиной. Говорили, что там они не смеют шумно и беспорядочно врываться в помещения к чужим учителям, ибо только учитель может открыть доступ в школу. Здесь же, в Карфагене, напротив, в школах царила мерзейшая распущенность. Здесь ученики могли запросто вламываться в школу, шуметь и срывать уроки, нарушать порядок, заведенный учителем для их же пользы. С удивительным легкомыслием наносили они тысячи обид, за которые следовало бы наказывать по закону, но этому противился обычай. Они были тем более жалки, что полагая дозволенным то,

что недозволено по вечному закону Твоему, они чувствовали себя безнаказанными, в то время как сами наказывали себя. Когда я сам учился, то избегал таких, став же учителем, вынужден был их терпеть. Поэтому мне и захотелось отправиться туда, где, по рассказам людей осведомленных, ничего подобного не было. Но это был Ты, «прибежище мое и часть моя на земле живых» (Пс. CXLI, 5), Который побудил меня ради спасения души моей оставить Карфаген; здесь ты стегал меня бичом, в Риме же расставлял приманки, действуя через людей, любивших эту жизнь смерти. Ты втайне использовал и тех, кто, нарушая покой мой, были ослеплены мерзким безумием, и тех, кто звал меня к лучшему, будучи по-плотски умными, и даже мою развращенность: ненавидя здесь подлинные страдания, я стремился к мнимому счастью.

Ты знал, Господи, почему я оставлял Карфаген, но не подал знака ни мне, ни матери, которая горько плакала, не желая расставаться со мною, и поехала провожать меня до самого моря. Она хотела, чтобы или я вернулся обратно, или чтобы взял ее с собой, но я обманул ее, придумав историю о том, что в ожидании попутного ветра хочу попрощаться с приятелем. Я обманул

свою мать (и какую мать!) и сбежал от нее. Но Ты простил мне это, дозволив смыть с себя все мерзости и нечистоты и осушить материнские слезы, которые она, плача обо мне, ежедневно проливала пред лицом Твоим. Она не хотела отпускать меня, и мне с трудом удалось убедить ее остановиться на ночь в часовне св. Киприана, недалеко от моего корабля. В ту же ночь я втайне отплыл, она же осталась, молясь и плача. О чем молила она Тебя, Господи, в ту ночь? Чтобы Ты повернул ветер, не позволив мне уплыть? Но Ты слышал в глубине ее сердца главное желание ее и исполнил истинную просьбу ее. Подул попутный ветер, наполнив паруса, и родной берег быстро скрылся вдали. Ты увлек меня на голос моих страстей, дабы покончить с ними, а мать мою за ее плотскую тоску секли справедливые розги. Она, как и все матери, любила присутствие сына и не знала, сколько радости Ты готовишь ей отсутствием моим. Не ведая о том, она стенала и вопила, ибо, дщерь Евы, в стенаниях искала она то, что в стенаниях породила. Пообвиняв меня в жестокости и коварстве, она вновь обратилась к молитвам за меня и вернулась к обычной жизни. Я же тем временем прибыл в Рим.

Глава IX

Между тем вскоре меня постигла тяжелая болезнь. Я находился уже на пути к праотцам, неся с собою все зло, которое совершил пред Тобою, перед собою и другими, — великое и тяжкое звено, добавленное к оковам первородного греха, которым мы умираем в Адаме (I Кор. XV, 22). Ты еще не отпустил мне во Христе, ибо Он не упразднил еще на кресте Своем той вражды, которая была у меня с Тобою за грехи мои. В самом деле, не мог же упразднить ее тот бесплотный призрак, в который я верил[16]. Насколько мнимой казалась мне его плотская смерть, настолько же подлинной была смерть моей души, и насколько подлинной была Его плотская смерть, настолько же мнимой была жизнь души, не верившей в эту смерть.

Лихорадка моя все усиливалась, и я неотвратимо шел к погибели. Куда ушел бы я, если бы умер тогда? Конечно же, в муки адовы, достойные дел моих. Мать моя не знала обо всем этом, но усердно

---

[16] Примечания: 16

Поскольку манихеи полагали материю природой и источником зла, их Христос не мог иметь истинного тела, но имел тело мнимое, почему были мнимыми и его страдания, и его смерть.

молилась за меня. Ты же, вездеприсущий, услышал ее там и вылечил меня здесь, хотя сердце мое все еще оставалось больным. Я ведь отказался принять крещение Твое, хотя будучи мальчиком в подобной же ситуации требовал, чтобы меня окрестили; насколько же лучшим я был тогда! Я вырос на позор себе и, безумный, смеялся над врачеванием Твоим, но Ты, милосердный, не дал мне умереть двойною смертью. Если бы такая рана поразила сердце матери моей, она бы никогда не оправилась от нее. Мне недостает слов, чтобы выразить, как любила она меня: она вынашивала меня в душе своей с куда большею тревогой, чем некогда вынашивала в теле.

Где же были столь горячие и непрерывные молитвы ее? Конечно, у Тебя; «сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. L, 19); так, не презрел Ты сердца скромной вдовы, прилежно творившей милостыню и охотно служившей служителям Твоим, не пропускавшей ни одного дня, чтобы не принести жертву к алтарю Твоему, дважды, утром и вечером приходившей в церковь, чтобы услышать Тебя в словах Твоих и быть услышанной Тобою в молитвах своих. И мог ли Ты, Господи, пренебречь слезами ее, просившей не богатства, не каких-либо преходящих

благ, но лишь спасения души своего сына? Нет, Господи, нет, Ты находился рядом, слышал ее и сделал так, как было предопределено Тобою. Ты не обманывал ее в ее видениях и снах, некоторые из которых я упомянул, а о многих и не вспомнил. Ты удостоил ее, ибо вовек милость Твоя, простив ей все долги ее, Самому стать ее должником, исполняющим обещания Свои.

Глава X

Итак, Ты исцелил меня от этой болезни и сохранил жизнь сыну рабы Твоей, в то время пока еще только телесную, чтобы впоследствии даровать мне жизнь лучшую, духовную и вечную. А ведь я и в Риме сошелся с этими «святыми», обманутыми обманщиками, и на этот раз уже не только с «послушниками», в числе коих был и хозяин дома, в котором я болел и выздоровел, но и с их «избранными». Я все еще полагал, что грешим не мы, а какая-то низшая в нас природа; я раздувался от гордыни, считая себя невинным, а потому, согрешив, не исповедовался, не говорил: «Господи! помилуй меня, исцели душу мою; ибо согрешил я пред Тобою» (Пс. XL, 5). Я извинял себя во всем, обвиняя в проступках нечто другое, что хотя и было во мне, но мною не было. Между тем я был цельным существом, но нечестие мое разделило меня, ополчило одну часть меня на другую. Непризнание греха усугубляло грех, и я святотатственно желал, чтобы Ты скорее был побежден во мне, нежели я — в Тебе, во спасение мое. Сколь далек я был, Боже, общаясь с их «избранными», от благочестивой молитвы: «Положи, Господи,

охрану устам моим и огради двери уст моих; не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных вместе с людьми, делающими беззаконие» (Пс. CXL, 3, 4).

Однако я уже не надеялся найти что-либо стоящее в их лживом учении и довольствовался им за неимением лучшего. Я постепенно начал приходить к выводу, что наиболее разумными были философы, именуемые академиками, полагавшие, что следует сомневаться во всем, ибо истина недоступна вообще. Вместе со всеми я наивно полагал, что именно так они и думали; их намерения были мне тогда непонятны[17]. Поэтому я пользовался любым удобным случаем, чтобы высмеять чрезмерную доверчивость, с которой мой хозяин относился ко всем манихейским басням. Но это не мешало мне быть гораздо ближе к манихеям, чем к тем, кто не принадлежал к их секте. Я уже не был их пылким защитником, но общение с ними делало меня ленивым к поискам лучшего, тем более что им удалось отвратить меня от Церкви Твоей, Господи неба и земли, Творец всего видимого и

[17] Примечания: 17

Впоследствии Августин пришел к выводу, что своим демонстративным скептицизмом академики хотели защитить истинный платонизм от нападок стоиков и эпикурейцев; см. «Против академиков».

невидимого; они убедили меня, что постыдно веровать, будто Ты имел человеческую плоть, был заключен в телесную оболочку. А так как я вообще не мог тогда представить себе что-либо бестелесное, то это служило главной причиной всех моих заблуждений. Поэтому и зло я мыслил как некую темную и бесформенную величину, то плотную, и тогда она называлась землей, то редкую и тонкую, похожую на воздух, которую они называли злым духом, распростертым над землей. Благочестие мое не могло допустить, чтобы Бог мог сотворить нечто злое, и потому я верил, что существуют два противоположных друг другу начала, вечные и бесконечные, но только злое уже, а доброе — пошире.

Эти тлетворные представления влекли за собою и другие мои богохульства. Когда душа моя пыталась вернуться в лоно православной веры, дурные мысли не пускали ее, ибо внушали, что благочестивее верить, что Ты, Господи, чье милосердие сжалилось надо мною, хотя и всемогущ, но всемогущество Твое все же ограничено противостоящей ему громадой зла. Мне казалось, что думать так лучше, нежели полагать возможным Твое телесное воплощение. Так как невежество мое считало зло субстанцией, причем телесной

и разлитой в пространстве, то я полагал благочестивым верить, что Ты не создал этой субстанции и не от Тебя произошло то, что я считал злом. Спасителя же нашего, единородного Сына Твоего, я представлял себе исшедшим из самой светлой части Твоего вещества и не хотел верить ни во что иное, кроме этой нелепой сказки. Я не мог представить себе, чтобы Он, обладая такой природой, мог родиться от Девы, ибо это означало бы смешение природ, т. е. осквернение высшей природы, о чем я и помыслить не мог. Я не допускал возможности воплощения, ибо боялся, что Он этим бы осквернился! Люди духовные, читая эти строки, ласково и благожелательно посмеются надо мной; но что делать — именно таким я и был.

Глава XI

Кроме этого, я полагал справедливыми многие нападки манихеев на отдельные положения Св. Писания. Порою, правда, мне хотелось бы обсудить тот или иной стих с человеком сведущим и узнать его мнение на этот счет. Помню, еще в Карфагене меня поколебали рассуждения некоего Элпидия, противостоящего манихеям; его суждения о Св. Писании казались мне безупречными. Доводы же манихеев смущали еще и потому, что они неохотно делились ими, предпочитая действовать втайне; они утверждали, что Новый Завет был подделан людьми, стремившимися привить к христианской вере иудейский закон, но при этом не показывали ни одного подлинного, по их мнению, текста. Но мысли о необозримых телесных массах смущали меня, я задыхался под тяжестью мнимой телесности и не мог вздохнуть чистым и легким воздухом Твоей простой истины.

Глава XII

Итак, я приступил к тому делу, ради которого прибыл в Рим, и стал преподавать риторику. Сперва у меня было лишь несколько учеников, но постепенно имя мое становилось все более известным. И тут я столкнулся с чем-то для меня новым, чего не встречал в Карфагене: да, здесь порочные юнцы не буйствовали и не срывали уроки, но, как мне рассказали, придумали нечто почище: чтобы не платить учителю, они сговаривались между собой и в один прекрасный день всем скопом переходили к другому. Им дороги были деньги, справедливость же они и в грош не ставили. Я возненавидел таких всем сердцем, хотя я больше ненавидел их за то, что мне предстояло от них претерпеть, чем за тот урон, который они принесли другим. Такие люди гадки, ибо они преданы разврату вдали от Тебя, любя грязные забавы и легкую наживу; они бегут от Тебя и презирают Тебя, того, Кто призывает к Себе всякую заблудшую душу, обещая ей спасение. Я и теперь ненавижу людей порочных, но я уже научился их и любить, ибо надеюсь на их исправление: пусть предпочтут они деньгам науку,

а ей — Тебя, Господи, истинное Благо и истинный покой. Но тогда их исправление мало волновало меня: я просто не хотел иметь с ними дела.

Глава XIII

Поэтому, когда из Медиолана к префекту Рима поступило прошение подыскать для их города учителя риторики и разрешить ему проезд на казенных лошадях, то я, действуя через знакомых манихеев, хотя прежде всего я стремился избавиться именно от их общества, стал добиваться этого места. Мне предложили произнести речь, прослушав которую Симмах, бывший в то время префектом, одобрил ее и отправил меня в Медиолан.

Я приехал туда к епископу Амвросию, достойнейшему и достохвальнейшему из людей нашего времени, благочестивому служителю Твоему, чьи проповеди питали верующих как бы «туком пшеницы, медом из скалы» (Пс. LXXX, 17). Ты привел меня к нему, Боже, дабы он привел меня к Тебе. Сей человек Божий отечески принял меня, и я сразу полюбил его, вначале, правда, не как учителя истины, найти которую в Церкви Твоей я тогда и не мечтал, но как человека доброго и благожелательного. Я прилежно выслушивал его проповеди, но не ради их содержания: меня интересовало, соответствует ли его красноречие

его славе. Я наслаждался прелестью его речей, превосходящих своей ученостью речи Фавста, хотя и уступавших им по образности и утонченности формы. Но содержание их было в корне различным: один, блуждая в потемках, вел слушавших его к погибели, другой же спасительно учил о спасении.

Глава XIV

Когда я таким образом старался внимать не тому, чему он учил, но — как учил (ибо я уже совсем отчаялся найти путь к Тебе), то в душу мою вместе со словами стали проникать мысли, которых, как мне казалось, я не замечал. Мысли трудно отделить от слов, и когда я открывал сердце какой-либо прекрасно сказанной фразе, смысл ее подспудно также проникал в него. Прежде всего мне начало казаться, что эти мысли вполне доказуемы и вполне можно защитить православную веру от нападок манихеев, что прежде казалось мне немыслимым. Особенно произвели на меня впечатление буквальные и очень удачные толкования некоторых загадочных стихов из Ветхого Завета. Когда же я узнал о духовном объяснении этих текстов, то стал уже всерьез укорять себя за то, что некогда так легкомысленно поверил хулителям Закона и Пророков, решив, что противостоять им никак нельзя. Но это еще не привело меня на церковный путь: православная вера уже не казалась мне слабой, но и манихеи — не слабей; обе стороны представлялись мне равными по силе. Православная вера

не представлялась более побежденной, но и не выступала победившей.

Тогда же я начал пытаться найти верные доказательства, чтобы с их помощью изобличить манихейскую ложь. Для этого нужно было представить себе духовную субстанцию, каковое представление, конечно, сокрушило бы все их измышления, но именно этого я и не умел. Что же до телесной природы, то к тому времени я пришел к твердому убеждению, что большинство философов имели о ней куда более верное представление, чем манихеи. Итак, по примеру академиков (какими их принято представлять), сомневаясь во всем и ни к чему не пристав, я решил расстаться с манихеями, ибо явно предпочитал им тогда многих философов; впрочем, я не стал доверять философам лечения исстрадавшейся души моей, ибо в их учениях я не находил спасительного имени Христова. Я остался как бы при Церкви, завещанной мне родителями моими, ожидая особого знака, который бы осветил мой дальнейший путь.

Книга шестая

Глава I

Упование мое от юности моей (Пс. LXX, 5), где был Ты, куда удалился? Не Ты ли сотворил меня, отличив от четвероногих и крылатых? Ты создал меня разумным, а я ходил «путем темным и скользким» (Пс. XXXIV, 6), искал Тебя вне себя, не обретая Бога сердца моего; я переплыл бездну морскую, но все еще не обрел надежды найти где-либо истину.

Ко мне приехала моя мать[18], непоколебимая в своем благочестии, следовавшая за мною повсюду, по суше и по морю, и при всех невзгодах возлагавшая все упование на Тебя. Она и на море во время бури ободряла даже кормчих, которые обычно сами успокаивают неопытных путешественников. И вот, прибыв в Медиолан, она застала меня в полной растерянности, отчаявшегося отыскать истину. Когда я поведал ей, что я уже не манихей, хотя еще и не православный христианин, она нисколько этому не удивилась, а только возрадовалась и стала еще усерднее молиться Господу, прося о всецелом обращении

---

[18] Примечания: 18
Моника прибыла в Медиолан (Милан) весной 385 г.

моем. Она лучше меня понимала, что такое мое состояние долго продлиться не может, и спокойно ожидала, что будет дальше. Она оплакивала меня пред Тобою как умершего для настоящей жизни, но требующего обновления для жизни будущей; она мысленно как бы выносила меня на одре погребальном, чтобы Ты сказал сыну вдовы «Юноша! тебе говорю, встань», дабы я ожил, стал говорить и Ты отдал меня матери моей (Лк. VII, 12–15).

Итак, узнав о том, что хотя я еще не познал истины, но зато перестал уже следовать манихейским заблуждениям, она возликовала в сердце своем. Теперь уже она не страшилась за будущность мою, ибо была вполне уверена, что Ты довершишь мое обращение по неложному обещанию Твоему, а потому с глубочайшим смирением и совершенной преданностью воле Твоей, одушевленная верой в Христа, сказала мне, что не умрет прежде, чем не увидит меня верным сыном православной церкви[19]. Так говорила она мне, пред Тобою же, Господи, источник всякого милосердия, она проливала обильные

[19] Примечания: 19

Так и случилось. Моника скончалась три года спустя, когда вместе с сыном возвращалась в Африку. Это произошло вскоре после его крещения.

слезы и возносила усердные молитвы, чтобы Ты поспешил с помощью Своею, разогнав тьму мою и просветив светом Своим мое неразумие. Она прилежно посещала церковь, внимательно слушая Амвросия, как бы припадая «к источнику воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. IV, 14). Она видела в этом муже чуть ли не ангела Божия и от него узнала, что хотя положение мое и затруднительно, но уже наметился путь к спасению, как это бывает при болезни, когда до выздоровления еще далеко, но кризис уже миновал.

Глава II

По обычаю, широко распространенному в Африке, мать и здесь в дни поминовения святых делала приношения в храмы для общей трапезы: хлеб, вино и всякую снедь. Как-то ее остановил привратник, сказав, что епископ запретил такие приношения[20]: удивительно, с какою легкостью и простотой она покорилась этому. Она не любила вина, омрачавшего душу и отвращавшего от истины, и когда приносила в храм корзину с едой и питьем, то все оставляла для общей трапезы и раздачи неимущим, а если и оставляла что-нибудь себе, то разве самую малость, разделяя ее с близкими трезвенно и благоговейно, ибо стремилась не насытить плоть, но благочестиво исполнить долг. Когда же она узнала, что знаменитый пастырь и учитель благочестия запретил устраивать в храмах общие трапезы, чтобы не давать ни малейшего повода для злоупотреблений людям невоздержанным, то беспрекословно

---

[20] Примечания: 20

Впоследствии, став священником, Августин приложил немало сил, чтобы искоренить этот обычай, называемый «агапэ» и все больше напоминавший языческие поминки, в Африке.

покорилась воле святителя и вместо корзины, полной земных плодов, стала приносить в поминовение мучеников сердце, полное чистейшими обетами, так что и неимущим, по мере сил, творила подаяния и причащалась Тела Господня, подражая страданиям Которого св. мученики были закланы и увенчаны.

И все же я думаю, что мать моя не смогла бы столь легко отказаться от этого пагубного обычая, если бы запрет исходил не от Амвросия, которому она была чрезвычайно предана за содействие в моем спасении, а от кого-либо другого. Амвросий же, в свою очередь, любил и уважал ее за то, что вела она жизнь примерную и благочестивую, творила добрые дела и с возвышенным духом неусыпно посещала церковь. Поэтому при встречах Амвросий часто поздравлял меня с тем, что у меня такая мать; он и не догадывался, каков ее сын: во всем сомневающийся, утративший всякую надежду отыскать «путь жизни» (Пс. XV, 11).

Глава III

Душа моя томилась по истине, но я все еще медлил обратиться за помощью к Тебе. На Амвросия же я смотрел по обычаю плоти: как на любимца фортуны, пред которым трепетали сильные мира сего. Одно только смущало меня и казалось тягостным — его безбрачие. Я и представить себе не мог ни его возвышенных упований, ни искушений и внутренней борьбы, ни утешений в горестях и тех радостей, которыми Ты, Господи, питал душу его. Впрочем, и он не знал о моих душевных потрясениях, не видел пропасти гибели моей. Сойтись с ним ближе, при всем желании моем, я не мог, ибо он был обременен массой обязанностей, помогая множеству людей, и эта толпа разделяла нас; немногое же остававшееся у него свободное время уходило на сон и пищу, а также чтение душеспасительных книг. Во время чтения глаза его пробегали по тексту, душа размышляла, а уста — безмолвствовали. Свободно посещая его в любое время (ибо двери его дома были всегда открыты и докладывать о приходе посетителей не было обычая), мы часто заставали его за чтением и, проведя некоторое время в молчании,

удалялись, не смея нарушить его размышлений. Мы понимали, что после многотрудных забот ему необходимо было восстановить душевные силы; вслух же он никогда не читал, то ли не желая отвлекаться на разъяснение слушателям темных и запутанных мест, то ли по причине слабого голоса, который быстро уставал. Впрочем, какими бы ни были его побуждения, они, безусловно, были благими.

Как бы там ни было, но я не имел возможности поделиться с этим святителем Твоим своими сомнениями, разве что от случая к случаю обменяться парой-тройкой слов. Мне необходимо было, чтобы собеседник мой имел немало досуга, но именно его-то у Амвросия и не было. Единственное, что мне оставалось, — слушать его, «верно преподающего слово истины» (II Тим. II, 15), каждое воскресенье в храме, все более и более убеждаясь, что все коварные хитросплетения лжеучителей против божественных книг могут быть распутаны. Когда же речь зашла о сотворении человека по образу и подобию Божию, я увидел, что духовные чада Твои, возрожденные благодатью Твоею в католической вере, мыслят о Боге не как о существе ограниченном и телесном, но как о духовном. И хотя я тогда еще не мог пред-

ставить, что есть духовная субстанция, мне стало стыдно, что я столько лет напрасно возводил хулы на Церковь, и в то же время я обрадовался, что враждовал, собственно, не с православной верой, а с выдумками плотского воображения. Я был настолько безрассуден, что судил не зная и поучал других, сам ничему не учась. Ты же, великий Боже, пребывающий в непостижимой вышине и всегда рядом, никому не доступный и вездеприсущий, не ограниченный пространством и пребывающий целокупно повсюду, Ты, будучи беспредельным и бестелесным, хотя и сотворил человека ограниченным и телесным, но все же — сотворил по образу Своему.

Глава IV

Не зная еще, что есть образ Твой, я стал задаваться вопросом, чему должно верить и как. Но я не знал, на чем остановиться, и эта душевная озабоченность тем более угнетала меня, что я уже стыдился своих прежних заблуждений, когда меня долго дурачили обещанием нетленных истин, а я верил всему и с детской непосредственностью разглагольствовал об этом на каждом углу. Теперь же я удостоверился, что все это было жалкой ложью. А ведь можно было увидеть еще тогда, что все это — нелепые вымыслы, что Церковь обвиняли в том, чему она вовсе не учила. Я еще был на распутьи, но уже готов был вступить на правильный путь; я радовался, Господи, что единая Церковь, тело верующих в Единородного Твоего, в которой мне, младенцу, наречено было имя Христово, не вдавалась в ребяческие бредни; ее здравое учение не заключало Тебя, Творца всего видимого и невидимого, в пределы, пускай и огромные, но все же ограниченные отовсюду образом человеческого тела.

И еще я радовался тому, что при чтении книг Ветхого Завета закон и пророки не казались уже

несовершенными и нелепыми, ибо я видел: образ их жизни и мыслей был совсем не таким, каким он представлялся мне прежде. Я с удовольствием слушал слова Амвросия, которые он часто повторял в своих проповедях: «Буква убивает, а дух животворит» (II Кор. III, 6). Жадно внимая его разъяснению этих слов, я стал убеждаться, что они — ключ к пониманию того, что до сих пор служило мне камнем преткновения. Это апостольское начало объяснения Ветхого Завета снимало покров заблуждений с глаз моих, и только горький опыт былых обольщений заставлял меня быть осторожным. Я хотел быть настолько же удостоверенным в невидимом, насколько я твердо знал, что три да семь — десять. В последнем я не сомневался и потому хотел быть настолько же уверенным и в остальном, не только телесном, но и духовном, о котором, впрочем, я все еще мыслил телесно. Излечиться я мог только верой, которая очистила бы душу мою, направив помыслы ее к истине Твоей, неизменной и вечной. Но как больной, пострадавший от дурного врача, боится теперь довериться и хорошему, так же было и с моею больною душой: ее болезнь могла быть исцелена только верой, но я боялся верить, чтобы вновь не принять ложь

за истину, и потому противился лечению. Да, я противился всемогуществу Твоему, противился Тебе, подносящему мне спасительное лекарство веры, исцеляющее все болезни мира и имеющее в лице верующих чудесную силу.

Глава V

Тем не менее с этого времени я стал отдавать предпочтение православному учению, постигая, что его требование верить в невидимое, в то, что недоказуемо, гораздо основательнее и скромнее, чем безрассудные обещания манихеев представить доказательные знания, впоследствии сводившиеся к таким нелепым бредням, которые здравый разум не только не в силах доказать, но и принять на веру. Когда Ты, всеблагий и всемилостивый Боже, усмирил горделивое сердце мое и должным образом настроил мой разум, я стал соображать, как много принимал я на веру такого, чего никогда не видел, опираясь лишь на свидетельства других, например: сколь многому я верил в истории народов, стран и городов, сколько раз верил на слово друзьям, врачам, самым разным людям — ибо без подобного доверия немыслимо существование человеческого сообщества; наконец, как непоколебимо я был уверен в своем происхождении от родителей моих, чего, конечно, я не мог знать на основании собственного опыта. Ты убедил меня, что следует осуждать не тех, кто верит Писаниям Твоим, но тех, кто

им не верит, тогда как Писания эти по мудрому устроению Твоему авторитетны по всему миру. Ты внушил мне, что не должно слушаться тех, которые стали бы говорить: «Где доказательства того, что эти книги были преподаны роду человеческому по внушению единого и истинного Бога?» Ведь тем более я должен был верить Писаниям Твоим, что никакие разногласия философов не смогли заставить меня отречься от веры в бытие Твое, а равно и в Твой божественный промысел над судьбами мира.

Вера моя в это порою была сильна, порою же слабела, но я всегда верил в то, что Ты есть и промышляешь о нас, хотя и оставался в неведении относительно Твоей сущности и пути, ведущем к Тебе. Осознав слабость своего ума, пускай даже и ясного и чуждого предрассудков, чувствуя потребность в высшем авторитете Священного Писания, я стал приходить к мысли, что Ты никогда бы не сообщил этому Писанию столь высокого авторитета, если бы не желал, чтобы мы опирались на него в своей вере в Тебя. Даже те кажущиеся несообразности, прежде соблазнявшие меня в Писании, после того как я услышал правдоподобные объяснения многих из них, стали казаться мне возвышенными таинствами; Писание Твое

представлялось теперь еще более значительным, ибо совмещало в себе простоту и в то же время глубину сокровенного смысла, сохраняя печать таинственности. Раскрывая объятия всем, оно говорило: «Входите тесными вратами» (Мф. VII, 13), приглашая к этому немногих. Так размышлял я, но это Ты внушал мне мысли мои; я вздыхал по Тебе, и Ты слышал вздохи мои; меня вздымали волны житейского моря, но Ты был моим кормчим; я блуждал по широким дорогам века сего, но Ты уже направлял пути мои.

Глава VI

Я жаждал почестей, денег и плотской любви, но Ты посмеялся надо всем этим. Обуреваемый страстями, я пребывал в бедственном положении, но Ты являл мне любовь Свою и милость, не дозволяя увлечься чувственным, которое удалило бы меня от Тебя. Вот сердце мое, Господи, исповедующееся пред Тобою. Да прилепится к Тебе душа моя, которую ты исторг из сетей смерти, опутавших меня с ног до головы. Как несчастна была душа моя, Ты же еще более растравливал раны ее, чтобы она, оставив все тленное, обратилась к Тебе, Который выше всего и без Которого не было бы ничего, и обрела в Тебе спасительное исцеление. Как жалок я был, и как дал Ты мне ощутить все ничтожество мое!

Случилось так, что в тот день, когда я собирался произнести похвальную речь императору[21], в которую, следуя советам знатоков красноречия, я вплел немало лести и *лжи*, когда душа моя

---

[21] Примечания: 21

Панегирик Валентиниану 11-му по случаю десятой годовщины его правления. По свидетельству ученика Августина Поссидия, оставившего краткое жизнеописание учителя, Августин в то время принадлежал к императорской свите.

задыхалась от заботы среди изнуряющих дум, лихорадочно мечась из стороны в сторону, я, проходя по одной из медиоланских улиц, заметил нищего, веселого и слегка хмельного. Меня охватило какое-то странное успокоение, и я заговорил с друзьями о том, как страдаем мы от собственного безумия, уязвляемые желаниями, мы влачим за собою груз своих несчастий, умножая их собственными усилиями, вроде тогдашних моих, и желаем при этом одного: достичь покоя и блаженства. Достигнем ли мы этого — Бог весть, но ясно, что этот нищий опередил нас. Выклянчив несколько жалких монет, он достиг счастья преходящего благополучия, к которому я шел такими извилистыми и тяжелыми путями. У него, правда, не было настоящей радости, но была ли истиннее та, которую я искал на путях моего тщеславия? При этом он веселился, а я пребывал в тоске, он был спокоен, меня же снедала тревога. Если бы кто-либо спросил меня, что бы я предпочел, радоваться или бояться, я, несомненно, отвечал бы, что — радоваться. Но если бы тот же человек спросил меня, предпочел бы я оказаться сейчас на месте этого нищего или же остаться самим собой, измученным заботой и страхом, моя развращенность подсказала бы мне ответ:

«Самим собой»; я кичился своей ученостью, хотя наука, учившая меня угождать другим, не приносила мне радости. Так посохом учения Своего Ты «поражал кости мои» (Пс. XV, 11).

Да не смутят душу мою уверения тех, кто скажет, что есть разница в том, чему радуется человек, что, дескать, нищий радовался вину, а ты — славе. Какой славе, Господи? По крайней мере не той, которая в Тебе. Чем истиннее была радость от славы радости от вина? Разве что тем, что слава крепче ударяла в голову. Нищий к утру протрезвеет, а когда протрезвею я? Да, есть разница в том, чему радуется человек; радость верующего и надеющегося несравнима с пустою радостью от преходящих благ. Но и тогда, пожалуй, радость нищего была совершеннее моей: он был счастливее не только потому, что был весел и спокоен, а меня угнетали заботы, но и потому, что он выпросил себе на вино, осыпая людей добрыми пожеланиями, я же хотел утолить свое тщеславие ложью. Я сказал тогда немало подобных слов друзьям моим, говорил об этом и после; я понимал, что поступаю худо, и это понимание делало меня еще более несчастным. А если порою мне и улыбалась удача, то что толку было ее ловить? Едва явившись, она тут же упорхала.

Глава VII

Я воздыхал об этом с моими друзьями, и прежде всего с Алипием и Небридием. Алипий был знатным юношей, моим соотечественником, младше меня по возрасту. Он учился у меня еще в моем городе, а затем и в Карфагене, и был очень ко мне привязан, считая человеком добрым и знающим. Я также любил его, видя в нем прекрасные задатки. Водоворот карфагенских наслаждений было затянул его, и он стал большим поклонником конских ристалищ. В то время я преподавал риторику в городской школе; он же тогда не учился у меня, так как между мною и его отцом наступил период взаимной неприязни. Когда я узнал о его губительном увлечении, то сильно опечалился, ибо не имел тогда никакой возможности удержать его ни своею дружбой, ни авторитетом учителя. Я полагал, что он разделяет отцовские чувства, но он был настроен иначе. Вопреки воле отца, он начал здороваться со мною и иногда ненадолго заходить на мои лекции. Но я все время забывал поговорить с ним о его новом пристрастии, пагубном для его прекрасных дарований. Но Ты, Господи, премуд-

ро устрояя все сотворенное Тобою, не оставил попечением будущего служителя Твоего[22]. Ты совершил исправление его через меня, хотя я о том и не ведал.

Однажды во время моей лекции вошел Алипий, поздоровался и сел, углубившись в наши занятия. Так случилось, что разбираемый мною тогда текст оказалось удобным пояснить примером из цирковой жизни; чтобы сделать мою мысль более доходчивой и очевидной, я едко высмеял людей, находящихся в плену у этого безумия. Ты знаешь, Господи, как был далек я в ту минуту от желания излечить Алипия, но он тут же решил, что слова эти сказаны мною о нем. Другой бы на его месте разгневался на меня, он же, честный и скромный юноша, разгневался на себя и еще горячее привязался ко мне. Сбылось сказанное Тобою в Писании: «Обличай мудрого, и он возлюбит тебя» (Притч. IX, 8). А ведь я не обличал его, но Ты, воспользовавшись словами моими, превратил их в пылающие угли, дабы ими выжечь заразу из благородной души. Воистину, только слепец не увидит милосердия Твоего, которое я исповедую Тебе из глубины сердца моего. Мои слова

[22] Примечания: 22

Впоследствии Алипий был епископом в родной Тагасте, а затем и архиепископом Нумидии.

вызволили его из той глубокой ямы, куда он попал в погоне за удовольствиями. Мужественное достоинство стряхнуло с души его всю цирковую грязь. Затем, преодолев сопротивление отца и получив его согласие, он возобновил учебу. Но был ли я тогда достоин такого ученика? Я вовлек его в манихейское суеверие, прельстившее его своей мнимой воздержанностью, в которую он поверил. Была она коварной и соблазнительной и уловляла благородные души, не достигшие пока высот истинных добродетелей; они обманывались личиной добродетели, насквозь фальшивой.

Глава VIII

Не оставляя мирских упований, он раньше меня уехал в Рим изучать право, и тут захватила его невероятная страсть к гладиаторским боям. Это тем более удивительно, что подобные зрелища всегда были ему ненавистны. Однажды он случайно встретился со своими соучениками, идущими в театр поглазеть на эти бои, и, несмотря на его явное нежелание и даже сопротивление, они увлекли его с собою. «Вы можете затащить мое тело, — говорил им Алипий, — но не сможете заставить душу смотреть и радоваться этому зрелищу. И присутствуя, я могу отсутствовать и тем победить и его, и вас».

Но они продолжали настаивать, возможно, желая испытать его. И вот, рассевшись по местам, где кто сумел, они стали наблюдать кипевшие вокруг свирепые страсти. Алипий, как и обещал, сидел с закрытыми глазами; о, если бы он еще заткнул и уши! В один из моментов, когда народ на трибунах издал особенно неистовый вопль, он не удержался и взглянул. И тут душа его была поражена раною еще более страшной, чем тело несчастного гладиатора. Он упал еще

несчастливее, чем тот, чье падение вызвало этот крик, заставивший его открыть глаза. Едва он увидел пролитую кровь, какая-то непонятная свирепость охватила его; он глядел, не отводя глаз, неистовствовал, забыв обо всем, пьянея кровавым восторгом. Он был уже не тем разумным юношей, но — человеком толпы; он смотрел и кричал, он заразился безумным восторгом, впоследствии гнавшим его обратно в театр. Теперь уже его не нужно было упрашивать; он сам влек за собою других. Но и отсюда Ты вызволил его, научив впредь надеяться не на себя, а на Тебя. Случилось это гораздо позже, но воспоминание об этом осталось в его душе как залог предстоящего излечения.

Глава IX

Немалое для него значение имело и другое событие: когда он еще учился в Карфагене, он как-то раз стоял среди бела дня на большой площади, обдумывая свою будущую речь, из тех, что нередко задавались школярам. Тогда-то, по изволению Твоему, его схватили и обвинили в воровстве уличные сторожа. Я полагаю, что Ты допустил это, имея в виду заранее дать урок тому, кто впоследствии должен был занять в церковной иерархии немаловажное место, дабы он, разбирая тяжбы и вынося решения, помнил, как легко, расследуя причины, можно ошибиться и обвинить невинного.

Дело было так. Наш Алипий прохаживался перед трибуналом со своими дощечками и стилем, а в это время другой ученик, настоящий вор, подкрался к решетке со своим топором и начал стесывать свинец. Алипий, занятый своей речью, этого не замечал; но шум услышали другие и послали сторожей схватить вора, который, поняв что к чему, бросил топор и убежал. Это уже заметил и Алипий, подошел поближе взглянуть, что и как, увидел топор и подобрал. Тут-то и подоспели

сторожа, схватили его и повели к судье, радуясь и говоря собравшейся толпе, что поймали вора.

Но на этом все и закончилось, ибо Ты, Господи, единственный свидетель его невиновности, пришел к нему на помощь. Когда его вели, чтобы отдать под стражу, им повстречался городской архитектор, наблюдавший за общественными зданиями. Ведшие Алипия обрадовались этой встрече, надеясь списать на пойманного и все предыдущие кражи, в которых нередко подозревались сами. Но архитектор хорошо знал Алипия, часто встречаясь с ним в доме одного сенатора; он немедленно вывел его из толпы и расспросил о том, как обстояло дело. Выслушав его, он предложил толпе следовать за ним. Случилось так, что по пути они проходили мимо дома, в котором жил настоящий вор. У ворот игрался малыш, который сопровождал хозяина; Алипий вспомнил его и сказал об этом архитектору. Тот показал мальчику топор и спросил, не знает ли он, чей он. Простодушный ребенок тут же ответил: «Наш». Последующие расспросы окончательно прояснили дело, толпа, преследовавшая Алипия, была смущена и пристыжена, и вина пала на этот дом. Алипий же, будущий проповедник слова Твоего и церковный судья, ушел, обогащенный новыми

знаниями и полезным опытом.

Глава X

Итак, я застал Алипия уже в Риме. Прежняя дружба возобновилась, и он даже последовал за мною в Медиолан, отчасти не желая расставаться, отчасти же затем, чтобы там применить полученные им знания в области юриспруденции, ибо тогда он еще готов был скорее следовать родительской воле, чем природным наклонностям. Он трижды занимал там общественные должности, удивляя своим бескорыстием падких на золото сослуживцев и сам удивляясь тому, как можно предпочитать золото чести. Но его порядочность испытывалась не только соблазном стяжания, но и страхом. Так, еще в Риме, когда он служил помощником казначея, ведавшего всеми италийскими доходами, с ним приключилось следующее: в то время жил там один могущественный сенатор, подчинивший себе многих, кого благодеяниями, а кого и страхом. Привыкнув к своеволию, он замыслил одно дело (какое — уже и не вспомню), недозволенное законом. И тут ему воспротивился Алипий. Вначале его попытались купить, но он с презрением отверг все подарки, затем стали угрожать, но и тут он не дрогнул. Все

поражались величию его души, не прельстившейся дружбой и не испугавшейся вражды столь влиятельного человека. Сам казначей, хотя и не одобрял желания сенатора, не осмеливался ему перечить, говоря, что казначейство не против, да только Алипий мешает. И действительно, он понимал, что как только он уступит, Алипий тут же покинет службу. Так вел себя Алипий, полагая, что правосудие, обуздывающее неправду, лучше власти, которая ее допускает. Возможно, случай этот не из значительных, но «верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом». Истинно слово, сошедшее из уст Истины Твоей: «Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? и если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (Лк. XVI, 10–12). Таков был в то время наш Алипий!

Что же до Небридия, то он оставил свою родину, бывшую неподалеку от Карфагена, сам Карфаген, где он проводил немало времени, оставил отцовское имение, родной дом и свою мать и прибыл со мною в Медиолан единственно затем, чтобы не расставаться со мною и вместе искать пути, ведущие к мудрости и блаженству. Как и я, он искал и не находил, вздыхал и печалился в душе

своей, ломал голову над трудными вопросами, колебался и недоумевал. Мы были три злополучные страдальца, оплакивавшие свое горе и ждавшие, что Ты, Боже наш, сжалишься и дашь нам, алчущим, пищу нашу в свое время (Пс. CXLIV, 15). При каждом очередном разочаровании, коим милосердие Твое отрезвляло и вразумляло нас, мы пытались найти причину этого, но продолжали блуждать в потемках. Мы вопрошали: «Доколе?», но, увы, мы только вопрошали, продолжая вести прежнюю жизнь. Мы все еще не видели ничего такого, за что можно было бы ухватиться, оставив то, что завело нас в этот мрак.

Глава XI

Я пребывал в полнейшем недоумении, вспоминая жизнь свою с тех пор, как мне исполнилось девятнадцать: все это время я искал мудрость, чая найти ее и навсегда отказаться от тщетных надежд, суетных удовольствий и обманчивых сумасбродств. И что же? Мне уже было под тридцать, а я по-прежнему увязал в тине заблуждений, стремился к тленным благам, постоянно ускользавшим от меня и каждый раз уносившим с собою частичку меня самого. А я все говорил себе: «Завтра, завтра». «Завтра» приедет Фавст и развеет все мои сомнения. «Завтра» придут великие академики и объяснят, как можно жить, ничего не зная наверняка. А можно ли? Не думаю. Ничего, «завтра» поищем поприлежнее что-нибудь другое. Вот и то, что прежде мне казалось в Писаниях нелепым, сегодня уже не кажется таковым: оказывается, все это можно разумно объяснить, не нарушая при этом общего смысла и притом вполне благочестиво. Итак, решил я, остановлюсь пока на этом, тем более что и родители мои некогда утвердили меня на этом пути; остановлюсь и подожду, пока не откроется

мне какая-либо очевидная истина. Но где искать мне ее? И когда? У Амвросия не было времени выслушать меня, сам я тоже был слишком занят, чтобы всерьез углубиться в чтение. Да и где и у кого можно взять действительно нужные книги?

Следовало пересмотреть свой распорядок, дабы выкроить время для спасения души. Тем более что надежда вновь затеплилась во мне: я понял, что католическая вера учит совсем не тому, что ей приписывали ее хулители; учителя ее считают нечестием верить, что Бог ограничен пределами человеческого тела. «Стучите, и отворят вам» (Мф. VII, 7), но я все еще сомневался — стучаться ли? Понятно, до полудня я занят с учениками; ну, а после? Ведь хватает же времени на встречи с друзьями и покровителями, на подготовку за отдельную плату работ для учеников, на отдых. Допустим, без всего этого совсем обойтись нельзя, но, по крайней мере, можно ограничить себя в своих суетствованиях и посвятить освободившиеся часы поискам истины. Жизнь бедственна, смерть внезапна. Что, если завтра — последний день? Какими уйдем мы отсюда, что потеряем? Не подвергнемся ли суровому наказанию за свое нерадение? Или же смерть уничтожит нас совсем, избавив от всех забот? Вот над чем следовало

поразмыслить.

Я все больше утверждался в мысли, что не могла христианская вера столь авторитетно утвердиться во всем мире, если бы не содержала в себе немало истинного, что столько удивительного не свершалось бы свыше ради нас, если бы со смертью прекращалась и жизнь души. Итак, зачем медлить, почему не оставить все суетные надежды мира сего и возложить все упование на Бога? Но нет, не спеши. Ведь и в дольних благах немало приятного; расстаться с ними нелегко, возвращаться же вновь — стыдно и бесчестно. А ведь еще немного — и меня ожидает почетное и значительное место. Чего же еще? У меня много влиятельных друзей, которые обеспечат быстрое продвижение по службе, я могу выгодно жениться; высокая должность и приданое жены позволят ни в чем не нуждаться и жить в свое удовольствие. Многие великие мужи, чьей жизни вполне можно подражать, не видели препятствия в супружестве ни для ученых занятий, ни для любви к мудрости.

Так говорил я сам себе, пребывая в полной нерешительности; время шло, а я все медлил со своим обращением к Тебе, Господи, изо дня в день отлагал жизнь в Тебе, не переставая умирать в себе. Я

стремился к блаженной жизни, но приближался к ней робко и малодушно. Ища ее, я все время убегал. Я не мог представить себе жизни без женских ласк, не понимал, как благость Твоя может исцелить эту слабость. Не имея опыта воздержания, я полагал, что оно полностью зависит от состояния тела. Глупец, я не мог осмыслить слов Писания: «Никто не может быть воздержанным, если не дарует Бог» (Прем. VIII, 21). Ты, конечно, даровал бы мне это, если бы я решился твердо опереться на Тебя.

Глава XII

В это время Алипий всячески отговаривал меня от женитьбы, сетуя, что в этом случае мы никогда не сможем жить так, как мечтали: в покое и досуге, посвящая все время поискам мудрости. Алипий вел тогда жизнь на редкость целомудренную, так что мы немало удивлялись, зная, что в юности он не был чужд чувственных удовольствий, хотя довольно быстро раскаялся и отказался от них. Я приводил ему в пример тех великих мужей, которые и в браке были большими ревнителями мудрости, почитали Бога и свято хранили дружбу. Но сколь далек был я от них! Порабощенный греховными удовольствиями, я влачил свою немощную плоть, боясь потерять оковы, не желая даже того, чтобы они ослабли. Я отвергал благие советы друга, уподобляясь тому узнику, который настолько привык к своей темнице, что отвергает руку, выводящую его на волю. Мало того, я чуть было не стал орудием змея-искусителя, чуть было не прельстил моего Алипия.

А дело было так: когда Алипий, питая ко мне уважение за мой ум и познания в науках, в очеред-

ной раз в дружеской беседе выразил недоумение, почему я так пристрастился к чувственным удовольствиям, что и слышать не хочу о безбрачии, я столь горячо начал говорить ему о том, насколько отличаются те мимолетные наслаждения, которые он когда-то испытал и от которых так легко отказался, от наслаждений моих, которые стали бы еще большими, скрепи я свои интимные отношения узами брака, что Алипий и сам стал колебаться и даже начал высказывать некоторую свою расположенность к супружеству, впрочем, не столько из желания плотских утех, сколько из любопытства, желая испытать то, чего ранее не испытывал. Он говорил, что хотел бы понять, что же это такое, по сравнению с чем его целомудренная жизнь, которую он очень любил, другим казалась сущим наказанием. Будучи сам свободен, он удивлялся тем, кто хвалился рабством, и, удивляясь, сам захотел испытать его, не подозревая, что может потерять. Все это значило то же, что «заключить союз со смертью, и с преисподнею сделать договор» (Ис. XXVIII, 15). Воистину, «кто любит опасность, тот впадет в нее» (Сир. III, 25). А ведь ни Алипий, ни я не мечтали о той прекрасной стороне брака, которая заключается в рождении и воспитании детей:

меня прельщали чувственные наслаждения, его же влекло любопытство. Таковы мы были, пока Ты, Боже всевышний, не сжалился над нами и не пришел к нам на помощь дивными и неизреченными путями Твоими.

Глава XIII

Меня тем не менее подталкивали к женитьбе. Я уже посватался и даже получил согласие. Особенно хлопотала о том мать моя, полагая, что, вступив в брак, я омоюсь спасительным крещением, к которому я все больше склонялся; в моей вере видела она исполнение своих молитв и Твоих обещаний. Уже не только по собственному желанию, но и по моим просьбам ежедневно она взывала к Тебе, моля всем сердцем, чтобы Ты открыл ей что-нибудь относительно моей предполагаемой женитьбы, но Ты этого не пожелал. Правда, было ей несколько видений, но в них столь явно проявлялась не Твоя воля, а озабоченность человеческого разума, что мать делилась ими со мной безо всякого к ним почтения. Она говорила, что есть в видениях нечто, чего она не может объяснить, но по чему безошибочно распознает, что ниспослано откровением Твоим, а что — собственные мечтания. Но к женитьбе продолжали готовиться: я посватался к девочке, бывшей на два года младше брачного возрас-

та[23], и поскольку она мне нравилась, то я решил ее ждать.

[23] Примечания: 23
Т. е. ей было всего десять лет.

Глава XIV

Мы с друзьями давно уже составляли планы, как мы будем вести свободную жизнь вдали от толпы; часто сетуя на житейские тяготы и тревоги, мы уже почти укрепились в своем решении. Эту новую жизнь мы хотели организовать так: каждый выделял часть своего имущества для общих нужд, чтобы впредь у нас не было «моего» и «твоего»; это единое состояние должно было принадлежать каждому из нас и в то же время всем вместе. В это наше будущее сообщество намеревались вступить тогда человек десять, среди которых были люди и весьма состоятельные, среди которых наибольшим богатством выделялся мой земляк, некто Романиан, с которым я дружил еще в юности; ряд неудач в делах вынудил его прибыть ко двору. Он особенно настаивал на нашем плане, и это было немаловажно: его состояние превышало все наши, вместе взятые. Мы решили, что каждый год двое из нас будут заниматься обеспечением нужд остальных, которые будут проводить жизнь в блаженном покое. Но тут возникло препятствие: наши жены, коих одни уже имели, а другие собирались ими

обзавестись. Слово за слово, и весь наш чудесный замысел рассыпался прахом; мы вновь вернулись к своим вздохам и стенаниям, к хождениям по широким и торным путям века сего; планы наши постоянно менялись, «совет же Господень стоит вовек» (Пс. XXXII, 11), «Ты посмеялся над нашими планами, ибо один Ты сдаешь им пищу в свое время. Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению» (Пс. CXIIV, 15, 16).

Глава XV

Тем временем множились мои печали. Предполагаемая женитьба вынудила меня расстаться с той, с которой я жил многие годы. Сердце мое, привязанное к ней, разрывалось от горя. Она вернулась в Африку, дав Тебе обет не знать другого мужа и оставив мне на воспитание незаконнорожденного нашего сына. Я же, жалкий, не нашел в себе сил хотя бы отчасти подражать этой женщине; не вынеся отсрочки, тех двух лет, что оставались до вступления в брак, я, раб похоти, сблизился с другой. Болезнь души моей все усиливалась, не заживала также и рана, вызванная разрывом с моей первой сожительницей; боль уже не была столь острой, но рана гноилась, принося все новые страдания.

Глава XVI

Хвала Тебе, Господи мой, источник всяческого милосердия. Я становился все несчастнее, но Ты — все ближе. Ты простер уже руку Свою, дабы вытащить меня из трясины, но я еще об этом не знал. Я, пожалуй, еще глубже погрузился бы в омут телесных наслаждений, когда бы не сдерживал меня страх смерти и грядущего суда Твоего, который никогда не оставлял меня. Так я, рассуждая с друзьями, Алипием и Небридием, о добре и зле, готов бы был признать правоту Эпикура, если бы не верил, что душа бессмертна, что Эпикур отрицал. Но я думал при этом, что если бы мы обладали телесным бессмертием, то недурно было бы жить в бесконечных наслаждениях, нисколько при этом не опасаясь грядущих кар. Я не мог понять, что именно в этом и заключалось величайшее для меня бедствие — в неспособности воспринять свет честной добродетели и красоты, к которой следует стремиться бескорыстно и которую можно увидеть только внутренним взором. А ведь я должен был заметить, сколь сладостны были мне беседы с друзьями, хотя при этом я был далек от плотских удовольствий: я

любил их бескорыстно и чувствовал, что и они бескорыстно любят меня.

О, похоти плотские; горе дерзкой душе, вознамерившейся найти нечто лучшее вдали от Тебя. Как ни крутилась она, как ни вертелась с боку на бок — все ей было жестко. Ибо в Тебе одном — ее покой. И вот — Ты здесь, освобождая нас от жалких заблуждений и направляя на пути Свои. Ты утешаешь нас и говоришь: «Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас» (Ис. XLVI, 4).

Книга седьмая

Глава I

И вот уже умерла молодость моя, преступная и злая, и я вступил в пору зрелости, и чем старше я становился, тем отвратительнее были мои пустые бредни. Я не мог вообразить никакой другой сущности, помимо той, которую привык видеть телесными глазами. Понимая, что Тебя, Господи, нельзя представлять в человеческом образе (с тех пор, как я начал прислушиваться к голосу мудрости, я отверг подобные представления, радуясь, что нашел ту же веру в матери нашей — Твоей православной Церкви), я, однако, не мог уразуметь, как же иначе можно Тебя представить. И все же я, заблудшая душа, пытался представить Тебя, высочайшего и истиннейшего Бога нашего, искренне веря, что Ты — неизменяемый и нетленный. Я уже твердо знал (хотя и неясно, откуда), что изменяемая природа ниже неизменяемой, и нисколько не колеблясь предпочитал тленному нетление и преходящему — вечное.

Сердце мое противилось моим фантазмам; я пытался отогнать от внутреннего взора своего роящуюся нечисть, но она тут же возвращалась и вновь застилала мне свет. И вот я вынужден

был представлять себе это самое неизменяемое, нетленное и вечное как нечто телесное; правда, оно уже не имело человеческого образа, а было чем-то таким, что или разливалось по всему миру, или же заполняло необозримые пространства вне мирового тела. Все же, что не занимало пространственного объема, казалось мне абсолютным ничто, которое неизмеримо ничтожнее даже пространственного ничто, коим является пространственная пустота, из которой изъяты все прежде заполнявшие ее тела. Так заскорузло сердце мое, что я даже перестал замечать себя, полагая единственно собою свое тело, способное занимать определенный пространственный объем. Мои глаза заблудились в множестве телесных форм, среди их подобий блуждало и сердце мое; я не видел, что уже сама та способность, с помощью которой я создавал эти образы, была чем-то иным, более великим, чем они.

Я представлял себе Тебя, Господи, как нечто великое и бесконечное, разлитое повсюду и отовсюду проникающее вселенную: и землю, и небо, и все, что выше неба; все это завершается в Тебе, Ты же — не завершаешься нигде. Если воздух не мешает солнечному свету пронизывать его, не дробясь и не разрываясь, то что же, думал я, по-

мешает Тебе проникать даже самую землю. Так, полагал я, Ты наполняешь все части мира, великие и наималейшие, управляя всем, созданным Тобою. Так думал я, не умея помыслить ничего бестелесного, и это была ложь. Ибо в таком случае большее пространство имело бы больше Тебя, меньшее же — меньше. Ты наполнял бы все, но в большом слоне Тебя было бы гораздо больше, чем в маленьком воробье. Ты даровал бы Себя частями различным частям мира и большим уделял бы Себя много, а малым — мало. Конечно же, это не так, но в то время Ты еще не просветил мрак, плотно окутывавший меня.

Глава II

А ведь против тех обманутых обманщиков и немых пустобрехов, не знавших Тебя, хотя и прикрывавшихся именем Твоим, мне достаточно было бы и одного того вопроса, который еще в давние карфагенские времена не раз предлагал Небридий, чем немало смущал слушавших его: «Что сделало бы Ему то неведомое племя мрака, полагаемое ими вражьей силой, если бы Он не пожелал с ним сразиться?» Действительно, если бы они сказали, что Ты претерпел бы от этого некоторый урон, то это значило бы, что Ты не всесилен и изменяем. Если бы сказали, что — ничего, то к чему вся эта борьба, в результате которой частицы Тебя, порождения Твоей сущности, смешались с враждебным и несотворенным мраком и настолько изменились к худшему, что вместо блаженства обрели скорбь и потребовалась помощь, чтобы вызволить их и очистить. Таковой стала душа, на подмогу которой снизошло Твое Слово: к рабе — свободное, к испачканной — чистое, к порочной — святое, но ведь и оно было доступно пороку, ибо происходило из той же сущности. Итак, если бы они сказали, что

Ты неизменяем и всесилен, то все остальные их слова оказались бы ложью, а если бы сказали, что изменяем, то солгали бы во всем. Довольно уже было и одного этого доказательства, чтобы навсегда отвратиться от них, освободить свое сердце от их мерзкого гнета; они не могли разрешить это противоречие, кощунствуя против Тебя в мыслях и словах.

Глава III

Хотя я и утверждал и твердо верил, что Ты свят, нетленен и неизменяем, Господи наш, Бог истинный, сотворивший не только души, но и тела, но меня все еще смущала природа зла. Единственное, что я понимал, это то, что в поисках ответа нельзя прийти к тому, что Ты, неизменяемый, изменяем, ибо такой ответ был бы злым. Итак, уверившись в неправоте хулителей Твоих, я занялся собственными изысканиями. Я все более удалялся от них, удостоверившись, что в поисках источника зла они сами стали злыми, допуская, что скорее Ты претерпишь от зла, нежели они совершат злое. Я старался уразуметь слышанное, что причиной зла является свободная воля; из-за нее мы творим зло и претерпеваем справедливые кары Твои; но сколько я ни думал, смысл сказанного от меня ускользал. Пытаясь извлечь из бездны мой бедный разум, я вновь проваливался в нее; поднимался и падал вновь и вновь. Меня поднимало к свету Твоему то, в чем я был уверен: у меня есть воля. Когда я желал что-нибудь или отвергал, то твердо знал, что желаю или отвергаю именно я, и никто другой; за этим пониманием

уже начинала проступать причина моего греха. Но видел я и поступки, совершенные против воли, в которых я выступал скорее как страдательное, а не деятельное начало; они были не столько виной, сколько наказанием. Признавая Тебя справедливым, я признавал и наказание.

Но далее я задавал себе вопрос: «Кто создал меня? Разве не Бог мой, Который не просто благ, но суть высшее Благо? Почему же у меня возникают желания дурного и нежелания доброго? Неужто потому, что меня надо справедливо карать? Кто привил ко мне сей горький побег, если я целиком — от сладчайшего Господа моего? Если диавол, то откуда сам диавол? И откуда в нем взялась извращенная воля, по которой он стал диаволом, если ангелы были сотворены добрыми всеблагим Творцом?» Эти размышления вновь сокрушали меня, хотя я и не доходил до той бездны заблуждения, где нет памятования о Тебе и где никто уже не славит Тебя (Пс. VI, 6), где предпочитают во всем винить Тебя, а не себя.

Глава IV

Мне хотелось понять все это так же ясно, как я понимал, что неповреждаемое, нетленное и неизменяемое лучше того, чему присущи эти несовершенства; по этой причине я и признавал в Тебе, какой бы ни была сущность Твоя, неповреждаемость, нетленность и неизменяемость. Ибо уму человеческому не дано вообразить себе нечто лучшее, чем Ты, высочайшее и все совершеннейшее Благо. А так как мне было очевидно, что неизменяемое и нетленное лучше изменяемого и тленного, то представление о чем-либо лучшем Тебя, Бог мой, могло появиться у меня только в том случае, если бы я знал: Ты изменяем и тленен. Но твердо зная, что Ты неизменяем, я должен был также узнать, отчего возникло изменение и зло, которое, конечно, никоим образом не может коснуться Тебя и нанести вред Твоей субстанции. Да и как, в самом деле, зло могло бы нарушить покой Господа нашего? Ни по воле Его, ни по необходимости, ни случайно. Ни по воле — так как Ты — Благо и все, что ты желаешь, — благо, стать же хуже — зло. Ни по необходимости — ибо никакая необходимость не может принудить

волю Твою: воля и всемогущество Господа равны, ибо если бы одно было больше другого, Он был бы одновременно и больше и меньше самого Себя. Ни случайно — ибо для Тебя, всеведущего, нет случайности и может быть только то, что Тебе известно. Но стоит ли продолжать; если бы субстанция божества изменялась и подвергалась порче, то это божество не было бы Богом.

Глава V

Я искал, откуда зло, и не находил ответа. Я представлял себе все творение, как видимое: землю, воду, воздух, звезды, растения, животных и проч., так и невидимое: небесную твердь, ангелов и вообще все духовные твари, которых мое воображение по-прежнему размещало в определенных местах пространства. Из всего этого образовывалось мироздание, огромное и единое, украшенное существами разных родов, телесными и духовными; последние, впрочем, также мыслились мною вполне телесно. И всю эту необозримую массу я представлял себе ограниченною со всех сторон. Тебя же, Господи, я представлял отовсюду объемлющим и проникающим эту массу и, вместе с тем, безграничным. Все это можно было бы уподобить некоему беспредельному морю, без конца и края, посреди которого находилась бы гигантская, но уже не беспредельная губка, не только со всех сторон окруженная, но и пропитанная насквозь морскою влагой. Таким представлял я Тебя и все творение Твое, и после этого размышлял так: вот Господь, вот творение Его; Господь, конечно, неизмеримо более благ

и совершенен, чем творение; но поскольку Он благ, то и творение Его — благо, тем более, что Он целиком объемлет и проникает все сотворенное. Так где же зло? Как и откуда проникло оно в мир? Где корень его, где семя? Или его вовсе нет? Тогда чего же боимся мы, от чего убегаем? Но если даже опасения наши напрасны, то разве сами они — не зло, попусту терзающее наши сердца? Выходит, или зло — реально, или оно — наш страх. Но чем бы оно ни было, оно все-таки было, и я спрашивал себя, откуда оно, коль скоро Сотворивший все — благ, а потому и все сотворенное — благо?

Понятно, что всякое произведение ниже художника, но это не мешает и ему быть прекрасным; просто художник еще прекраснее. Творец — высочайшее Благо, и творение его — тоже благо, хотя и меньшее, ведь не зря же сказано, что все сотворенное «хорошо весьма» (Быт. I, 31). Где же природа, где источник зла? Не была ли злой та материя, из которой Он творил?[24] Он оформил ее и упорядочил, но все же осталась в ней закваска зла, не превращенная в добро? Но неужели же у

[24] Примечания: 24

«Зло материи — источник немощи и порока, она — первое зло. И если душа бывает восприимчива к материи, если она, соединяясь с материей, становится злой, то это лишь потому, что рядом с ней в течение всей ее земной жизни всегда находится материя». Плотин. Эннеады. «О природе и источнике зла» (1, 8, 14).

всемогущего Творца не хватило сил на то, чтобы преобразовать эту материю всецело, чтобы в ней не осталось уже ничего злого? Или почему Он попросту не уничтожил остаточное зло? Неужто эта материя могла существовать против Его воли? Кроме того, если материя вечна, то почему Он приступил к оформлению ее не сразу, а только по истечении столь долгого времени? А если такова была Его воля, то почему Он не начал с разрушения этого зла, чтобы пребыть одному — истинному, высочайшему и бесконечному Благу? Если же Он посчитал необходимым использовать материю при творении, то почему не уничтожил злую и не сотворил добрую? Если же Он не мог обойтись без той, вечной и не являющейся Его творением, то в чем тогда заключается Его всемогущество?

Такие мысли тревожили бедную душу мою, которая изнемогала от мучительной тоски, наводимой страхом смерти без познания истины. И только вера католической Церкви в Иисуса Христа, Сына Твоего и нашего Спасителя, твердо и непоколебимо пребывала в сердце моем. Конечно, вера моя, не утвердившаяся на догматах православия, была еще далека от совершенства, но зато она никогда не оставляла меня и изо дня

в день все больше укреплялась в душе.

Глава VI

К этому времени я уже окончательно охладел к лживым предсказаниям и нелепым сумасбродствам математиков, в чем также вижу, Господи, действие промысла Твоего, почему еще более хочу исповедать Тебе Твое милосердие ко мне. И здесь вижу руку Твою, сокрушившую мое упрямство и рассеявшую помрачение души. Ибо кто может избавить нас от смертоносных заблуждений, кроме Тебя, в Ком жизнь никогда не умирает и Чья мудрость просвещает других, сама не нуждаясь в просвещении, Кто управляет всем, вплоть до облетающих листьев?

Но как долго упорствовал я в заблуждении своем! Помню, как противился я убеждениям мудрого Виндициана и моего Небридия, юноши с острым умом. Первый говорил с высоты своего опыта, другой, хоть и не с такой уверенностью, следовал зову сердца; оба они уверяли меня, что нет ни науки, ни искусства предсказания будущего, а если иные гадания и сбываются, то это не более чем случайность: говоря о многом, предсказатели случайно наталкиваются на истину.

И вот Ты свел меня с одним человеком, впо-

следствии моим другом, который полагал себя астрологом, хотя и не обладал ни особыми знаниями, ни дарованиями в этой области. Но он был большим поклонником этих бредней, унаследовав свою страсть от отца, большого, как он говорил, знатока и любителя. Он рассказал мне об одном случае, даже не подозревая, сколь грозное оружие он вложил в руки противников этих пустых и суетных знаний.

Звали этого человека Фирмин, был он воспитан и благороден, речь его была изысканна и приятна. Однажды, когда он советовался со мною, как с другом, о некоторых делах своих, он спросил меня, что я думаю об астрологии, и в частности о его гороскопе. Я ответил, что в целом не отвергаю этой науки, но так как я к тому времени уже начал склоняться к мнению Небридия, то прибавил, что, как мне кажется, есть основания думать, что такого рода знания суетны и смешны. Тогда Фирмин рассказал мне, что его отец, большой почитатель астрологических книг, имел друга, не менее преданного астрологии, и вместе они провели немало изысканий в этой области, причем даже наблюдали за рождением животных, вычисляя их гороскопы. Случилось так, что, когда мать Фирмина была им беременна, забеременела

и одна рабыня в доме его друга; когда подошло им время рожать, отец Фирмина и его друг договорились вести наблюдения и сообщить друг другу, когда произойдут роды, для чего оба держали нарочных рабов, чтобы тотчас поставить другого в известность. Когда же обе женщины разрешились от бремени, то посланные рабы встретились ровно на полпути от своих домов и пришли по назначению секунда в секунду. Таким образом, гороскопы новорожденных полностью совпали, а между тем Фирмин, родившийся в фамильном доме от знатных родителей, преуспевал во всем и был счастливцем мира сего, а раб, по свидетельству самого же Фирмина, безо всякой надежды на будущее влачил свое рабское существование.

Когда я внимательно выслушал этот рассказ, не верить которому у меня не было никаких оснований, моя внутренняя борьба завершилась: с этого момента я астрологов в грош не ставил. И прежде всего я постарался излечить Фирмина. Отвечая на его вопрос о гороскопе, я ответил, что для его достоверности было бы очень кстати, если бы звезды сообщили составителю, кто были родители, были ли они свободны, богаты и знатны, какое обеспечили воспитание. То же, заметил я, не мешало бы знать и при составлении гороскопа

того раба. В этом случае, наблюдая одни и те же звезды, можно было бы составить различные предсказания, если же предсказания совпадают (а при тождестве знаков иначе и быть не может), то в них заключается немало лжи. Поэтому, продолжал я, если предсказания астрологов иногда и сбываются, то не благодаря этой науке, а в силу случайности или судьбы, а если нет, то и тут следует видеть скорее не научную ошибку, а тот же случай или судьбу.

Затем, размышляя об этом предмете и желая отыскать более основательные опровержения, чем рассказ Фирмина (ибо всегда найдутся такие, которые или самого Фирмина обвинят во лжи, или его отца), я обратил внимание на рождение близнецов. Действительно, рождаются они обычно один за другим, и промежуток времени между появлением на свет одного и другого настолько мал, что их гороскопы необходимо совпадают. И в этом случае астрологи скорее всего солгут. Так, они должны бы были предсказать Исаву и Иакову одинаковую судьбу, что, конечно же, было бы ложью. Таким образом, если предсказания сбываются, то не благодаря астрологии, а по непреложности судьбы. И Ты, Господи, высочайший и правосуднейший Правитель вселенной,

действуешь непостижимым для нас образом, и если кто вопрошает о своей судьбе, то сообразно со своими заслугами получает тот или иной ответ из глубины праведного суда Твоего, у которого человек не смеет спрашивать: что это? или: к чему это? Не смеет, ибо он — только человек.

Глава VII

Ты разрешил меня, Господи, от этих уз, но я все еще продолжал искать, откуда зло, и не находил выхода из этого лабиринта. Но Ты не допускал, чтобы волнения мыслей моих колебали основания веры в Твое бытие, в неизменяемость сущности Твоей, в Твой промысел о мире и суд над ним и, наконец, в то, что во Христе Иисусе, Сыне Твоем и Господе нашем, и в ведущем к Нему Святом Писании, за истинность которого ручается нам авторитет Твоей католической Церкви, Ты открыл нам путь ко спасению и дверь в жизнь вечную, которая последует за нашею смертью.

Утвердившись в этих спасительных истинах, я с еще большим усердием принялся размышлять о природе зла. Какие мучения терзали душу мою, сколь часто вздыхал я, Боже! И всему этому внимало ухо Твое, но я об этом не знал. Наконец, когда я в глубочайшем уединении настолько сосредоточился на этом вопросе, что громкие рыдания исторглись из души моей, они, как я понял, вознеслись прямо к престолу милосердия Твоего. Мне вдруг стало ясно: Тебе ведомы муки мои, которые оставались скрытыми даже от ближайших

друзей. «Я изнемог и сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего. Господи! пред Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя. Сердце мое трепещет; оставила меня сила моя, и свет очей моих, — и того нет у меня» (Пс. XXXVII, 9–11). Этот свет был внутри меня, я же был вне; он не заключался в пространстве, я же искал лишь пространственных форм. И потому я не находил себе места, и ничто не удовлетворяло меня. Телесный мир не давал мне ответа, но и не отпускал, чтобы я не мог искать ответ вне его. Я уже был выше дольнего, но еще ниже горнего, ниже Тебя, Господи, истинная радость моя; посередине пролегал путь к спасению: сохранить в себе образ Твой и служить Тебе, господствуя над телом. Когда же я противился Тебе, «устремляяся против Тебя с гордою выею, под толстым щитом своим» (Иов. XV, 26), тогда сокрушало меня низшее, и не было от него пощады. Вся гигантская чувственная масса восставала на меня, ум застилали ее подобия. И все это росло из раны моей; опухало лицо мое от гордыни, и, опухая, закрывались глаза мои.

Глава VIII

Ты же, Господи, пребывая вовек, не вовек негодуешь (Пс. CII, 9); Ты сжалился над прахом и пеплом, преобразил безобразие мое. Ты уязвлял сердце мое, чтобы не было мне покоя, пока не удостоверюсь в Тебе внутренним взором моим. Спадала опухоль от тайного врачевания Твоего, восстанавливалось помутненное зрение души моей от едких примочек целительных страданий.

Глава IX

Ты явил мне, Господи, что Ты «гордым противишься, а смиренным даешь благодать» (I Петр. V, 5), ибо Ты сам указал нам путь смирения, когда «Слово стало плотию и обитало с нами» (Ин. I, 14). Ты предоставил мне через одного человека, раздувшегося от гордыни, некоторые книги платоников, переведенные с греческого на латинский[25]. То, что я в них прочел, неопровержимо доказывало, хотя и другими словами, что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. I, 1–5). Душа же человеческая, хотя она и свидетельствует о свете, но сама не есть свет[26]. Слово, Бог — вот «Свет истинный. Который просвещает всякого человека, приходящего

[25] Примечания: 25

Скорее всего, речь идет об «Эннеадах» Плотина и некоторых работах его ученика Порфирия и переводах Викторина.

[26] Примечания: 26

«Познавший, как должно, себя самого, узнает вместе с тем и то, откуда он есть». Плотин. Эннеады. «О Благе, или Первоедином» (VI, 9, 7).

в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» (Ин. I, 9, 10). Но о пришествии Его, о том, что «Он пришел к своим, и свои Его не приняли», а также и о том, что «тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин. I? 11, 12) — об этом я там не прочел. Я нашел там подтверждения того, что Слово родилось «ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога», но что «Слово стало плотию и обитало с нами» (Ин. I, 13, 14) — этого там не было.

Я нашел в этих книгах, что Сын, обладая свойствами Отца, смиренно не считал Себя равным Богу, хотя по природе Своей — Бог[27]. Но о том, что Он «уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и вся-

[27] Примечания: 27

Странно, что Августин не хотел замечать того, что Плотин настойчиво подчеркивал чуть ли не в каждом своем трактате, а именно: иерархичность триады первоначал неоплатоников. Так, второе начало — Нус (чистый Ум или Дух) — эманация первого (Первоединого или Блага), а потому неизмеримо ниже его по своей природе. Третье же начало — Мировая душа — эманация Нуса.

кий язык исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца» (Флп. II, 7–10) — этого в тех книгах я не нашел.

Было там также сказано, что прежде всех времен неизменяемо пребывал единородный Сын Твой, извечный, как и Ты, и что от полноты Его приемлют души блаженство и обновляются в духе от премудрости Его, но что Он «умер за нас, когда мы были еще грешниками», что Ты «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (Рим. V, 8; VIII, 32) — этого там нет. «Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам», ибо будучи Сам «кроток и смирен сердцем» (Мф. XI, 25, 29), Ты «направляешь кротких к правде, и научаешь кротких путям Своим» (Пс. XXIV, 9), видя смирение наше и отпуская нам грехи наши. Но они, горделиво превозносящиеся своею наукой, хотя и познали Бога, но, «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. I, 21, 22).

И потому я нашел там, что приписали они нетленную славу Твою идолам и различным изображениям, подобиям «тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся»

(Рим. I, 23). Вот пища египетская, ради которой Исав потерял первородство, ибо первенец Твой, народ Твой, обратившийся сердцем к Египту, чтил вместо Тебя четвероногое, склоняя образ Твой, душу свою пред литым тельцом. Я нашел эту пищу в тех книгах, но есть не стал. Тебе угодно было, Господи, возвысить младшего Иакова, и Ты призвал язычников в наследство Свое. И я пришел к Тебе от язычников, взалкавши золота Твоего, которое вынес по воле Твоей народ Твой из Египта, ибо где бы оно ни было, оно было Твоим. Истинно сказал апостол Твой, обращаясь к афинянам: «Мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деян. XVII, 28), хотя о том же говорили и их сограждане, отчего появились и эти книги. Меня не прельстили египетские идолы, которым они служили золотом Твоим, ибо «они заменили истину Божию ложью и служили твари вместо Творца» (Рим. I, 25).

Глава X

Умудренный этими книгами, я вновь вернулся в себя; Ты стал уже помощником моим (Пс. XXIX, 11), помог мне погрузиться в самые глубины мои. И я увидел там оком души моей немеркнущий Свет, и это был уже не плотский свет, но совсем иной, сиявший над умом моим. Он не был разлит над умом так, как разливается масло по поверхности воды или как небо над землею; Он был над, ибо предстоял мне, сотворив меня, я же был под, ибо был творением Его. Кто знает Истину, тот знает и этот Свет, а узнавший Свет знает и вечность. О, вечная Истина, истинная Любовь, любимая вечность! Ты — Бог мой, Тебя взыскую ночью и днем. И в тот миг, когда я узнал Тебя, Ты привлек меня к Себе. Как долго искал я Тебя, но мои глаза были слабы, душу тяготили грехи[28]. Ты ослепил больные глаза мои, и я задрожал от любви и от страха. Я понял, сколь далек от Тебя, и

[28] Примечания: 28

«Если бы взор обратился к созерцанию, будучи затуманенным пороками и не очищенным или слабым от малодушия, неспособным взирать на очень блестящие предметы, то он бы ничего не увидел, даже если бы кто-нибудь и показал бы ему то, что доступно зрению». Плотин. Эннеады. «О прекрасном» (1, 6, 9).

будто с высот услышал голос Твой: «Я — пища для взрослых; расти, чтобы быть способным вкусить Меня, и я обновлю тебя в Себе».

Я понял, что «если Ты обличениями будешь наказывать человека за преступления, то рассыплется, как от моли, краса его» (Пс. XXXIX, 12), и спросил: «Неужто же истина — ничто, коль скоро не занимает ни конечного, ни бесконечного пространства?» И Ты ответил мне: «Я есмь Сущий» (Исх. III, 14). Я услышал это в сердце своем; все прежние сомнения мои развеялись, и теперь я скорее бы усомнился в том, что живу, чем в том, что есть Истина, постигаемая умом «чрез рассматривание творений» (Рим. I, 20).

Глава XI

Я рассмотрел творения Твои и увидел, что о них нельзя сказать ни того, что они есть, ни того, что их нет. Они есть, ибо — от Тебя, и их нет, ибо они — не Ты. Истинное же бытие — неизменяемо и вечно. «А мне благо приближаться к Богу» (Пс. LXXII, 28), так как, если не пребуду в Нем, не пребуду и в себе. Он же всегда пребывает в Себе, воистину, «Ты Господь мой; блага мои Тебе не нужны» (Пс. XV, 2).

Глава XII

И тут я понял, что только доброе может становиться хуже. Действительно, абсолютное добро не может претерпевать изменений, вообще же не доброму некуда ухудшаться. Ухудшение наносит вред, ибо умаляет доброе в добром; если бы оно не умаляло доброго, то не было бы и вреда. Итак, или оно не наносит вреда, но оно его наносит, или же то, что ухудшается, умаляется в добре. Если доброе совсем лишится добра, оно исчезнет, если же далее ухудшаться не сможет, то или начнет улучшаться, или пребудет не ухудшающимся. Но нельзя же сказать, что при полной лишенности добра оно начнет улучшаться. Значит, совсем лишившись добра, оно исчезнет и его не станет. Но пока оно есть, оно есть как доброе, и поэтому все, что есть, — благо. Выходит, то зло, которое я искал, не есть субстанция, ибо всякая субстанция — добро. Если бы оно было субстанцией, то эта субстанция или не могла бы ухудшаться, но это значит, что она была бы субстанцией абсолютного добра, или могла бы, но тогда в ней должно было быть добро, ибо только оно может ухудшаться.

Итак, я понял, что Ты сотворил все добрым и нет ни одной субстанции, которая была бы не сотворенной Тобой. Но так как все сотворенное не одинаково, то каждое порознь — хорошо, а все вместе — очень хорошо, ибо Ты сотворил все «хорошо весьма» (Быт. I, 31).

Глава XIII

И нет зла не только для Тебя, но и для всего, сотворенного Тобою, ибо нет ничего, что пришло бы извне и нарушило установленный Тобою порядок. Злом полагается то, что, взятое само по себе, не согласуется с чем-то другим; но если оно же согласуется с чем-то третьим, то здесь оно хорошо, как хорошо оно и само по себе.

Пусть же не говорят: «Лучше бы не было этого мира»; если бы был только он один, то и за него надлежало хвалить Тебя, Творца всего: «Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его, горы и все холмы, дерева плодоносные и все кедры, звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые, цари земные и все народы, князья и все судьи земные. Юноши и девицы, старцы и отроки — да хвалят имя Господа». Да хвалят Его и с небес «все Ангелы Его, все воинства Его, солнце и луна, все звезды света, небеса небес и воды, которые превыше небес, ибо Он повелел, и сотворились» (Пс. CXLVIII, 1–13). Поняв все это, я уже не желал лучшего; и хотя высшее, безусловно, лучше низшего,

но если бы существовало только одно высшее, то оно было бы все же хуже целого.

Глава XIV

Больны души тех, кто хулит что-либо в творении Твоем, как была больна и моя, когда и мне многое в нем не нравилось[29]. Но так как она не смела сказать, что ей не по нраву действия Творца, то и измыслила, что не нравящееся ей — не от Тебя. Потому она и поверила в басню о двух субстанциях, представляя Тебя разлитым в бесконечном пространстве и поклоняясь сотворенному кумиру в сердце своем. Но Ты исцелил ее, «отвратил очи ее, чтобы не видела суеты» (Пс. CXVIII, 37), и оставило меня безумие мое. Я проснулся от кошмарного сна и увидел Тебя, бесконечного, но не в пространстве, ибо увидел Тебя духовным зрением.

---

[29] Примечания: 29

«Не стоит уподобляться тем невежам, которые ругают художника: дескать, почему не все краски на его картине сочны и ярки, почему там свет, а здесь тень. Неужто они лучше него разбираются в живописи и картина бы выиграла, если бы была, скажем, сплошь ярко-красной? Да и любой город, как бы он хорошо ни управлялся, не мог бы существовать, если бы его жители были во всем между собой равны. Есть и такие, которые искренне возмущаются, когда действующие лица в драме не сплошь герои, но есть еще и слуги, и крестьяне, и шуты. Но ведь и они — неотъемлемая часть действа: оставь одних героев — и что останется от самой драмы?» Плотин. Эннеады. «О провидении (I)» (III, 2, 11).

Глава XV

Я обозрел сотворенный Тобою мир и увидел, что держится он только Тобою; Ты же содержишь этот мир, но содержишь не пространственно, а в руке Своей, в истине, ибо все, что существует, существует истинно; то же, что призрачно, — не существует. Я понял, что все соответствует своему времени и месту; что Ты, Боже единый и вечный, начал творить не по прошествии необозримых веков: это века начались, прошли и еще пройдут потому, что Ты действуешь и пребываешь.

Глава XVI

Из наблюдений я понял, что хлеб, вкусный здоровому, может отторгаться больным, что гноящимся глазам бывает несносен свет, столь милый глазам чистым. По той же причине не нравится грешникам и справедливость Твоя; но если уподобить их змеям или червям, то неужто же змеи и черви — плохи? Нет, ибо они созданы Тобою для низших ступеней мира и там хороши. Дурно же поступают грешники, которые, утрачивая подобие Твое, нисходят в неподобающие им области бытия; восстановив же подобие, они вновь могут приблизиться к высшему. Но сама эта греховность, неужто она — субстанция? Нет, это просто извращенность воли, отвернувшейся от высшей субстанции, от Тебя, Господи, и обратившейся к низшему, дабы утвердиться во внешнем.

Глава XVII

Я дивился тому, что уже люблю Тебя, а не Твой призрак, но не мог еще утвердиться в Боге моем, ибо привычки плоти тяжким грузом давили меня, увлекая вниз. Я уже твердо помнил и знал, что Ты есть Тот, к Кому надлежало прилепиться всею душою моей, но что этому противилось бренное тело мое, отягчавшее душу и подавлявшее многозаботливый ум. Я был непоколебимо уверен, что «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (Рим. I, 20), и размышляя о том, откуда дана мне способность различать красоту небесных и земных тел, здраво судить о преходящих предметах, когда я говорю о том, что то должно быть таким, а это — не таким, я осознал, что над моею изменчивой мыслью пребывает неизменная и вечная Истина. Путь к ней лежит от тела к душе, получающей от тела известия о внешнем (таковы возможности и животных), далее, к способности рассуждать, благодаря которой возникают суждения о чувственно воспринимаемом, затем, после осознания изменчивости телесного, — к самопознанию, желающему от-

влечься от суеты колеблющегося и утвердиться на незыблемом, и, наконец, когда в полной мере осознается, что неизменяемое лучше изменчивого, хотя оно и постигается через изменяемое, душа в робком и мгновенном озарении приходит к Тому, Кто есть Сущий. Тут я увидел «невидимое Твое, видимое чрез рассматривание творений», но не мог еще утвердиться на нем; я был отброшен назад слабостью своею, вернулся к земным делам своим, но унес в сердце своем любовное воспоминание, как бы некий голод по духовной пище, чей запах доносился до меня, но вкусить которую я еще не мог.

Глава XVIII

Я искал путь обретения силы и не находил его, пока не ухватился за «посредника между Богом и человеками, человека Христа Иисуса» (I Тим. II, 5), Который есть «сущий над всем Бог, благословенный во веки» (Рим. IX, 5). Он призывает нас, говоря: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. XIV, 6), и та пища, вкусить которую у меня не хватало сил. Он смешал ее с плотью, ибо «Слово стало плотию» (Ин. 1, 14), дабы премудрость Твоя, которою Ты создал все, стала для нас, младенцев, детскою пищей. Пока надмевала меня гордыня, я не мог принять смиренного Иисуса, Господа моего, не понимал, чему учит нас уничиженность Его. Он, Слово Твое, вечная Истина, возводит к Себе покорных; в низших пределах творения Твоего возвел Он Себе смиренное жилище, дабы покорных Ему оторвать от них самих и приблизить к Себе, излечив их от надменности и вскормив их любовью. Пусть же смирятся гордые, видя у ног своих Божество, немощное от принятия зрака раба; пусть падут они ниц пред Ним, и Он, восстав, поднимет и их.

Глава XIX

Я же думал иначе, видя в Христе, Господе и Боге моем, только мудрого мужа, с которым никто не мог сравниться, тем более что Он дивным образом родился от Девы, явив пример презрения к преходящим благам ради достижения вечности. Мне представлялось, что учение Его столь было значимо лишь по Божественному о нас попечению. О том же, что значили слова: «Слово стало плотию», я и не догадывался. Я знал лишь из Писаний, что Он ел, пил, спал, ходил, радовался, печалился, вел беседы; знал, что тело Его не могло соединиться со Словом Твоим без души и ума. В самом деле, Его телесные движения и покой, Его страдания и отдых. Его речи и молчание — все это были признаки изменчивых ума и души. Если все это было не так, то, значит, Писания лгали, но поскольку все так и было (ибо чему же тогда было верить?), то я и считал Христа человеком во всем, и по телу, и по уму, и по душе; превосходил же Он прочих лишь по великому превосходству Его человеческой природы и по

причастию к мудрости[30]. Алипий же, в свою очередь, полагал, что православная Церковь проповедует Бога, облекшегося в плоть, так что Христос — Бог и плоть; человеческого же ума и души Ему не приписывают[31]. Будучи твердо уверенным, что дела Его, о которых сохранились предания, могли быть совершены только живым и разумным созданием, он (Алипий) не был усерден в христианской вере. Позже, осознав заблуждение Аполлинариевой ереси, он стал верным сыном Церкви. Я же, признаюсь, гораздо позже понял, как словами: «Слово стало плотию» православная истина отделяется от Фотиниевой лжи. Опровержение ересей благоприятствует утверждению Церкви Твоей, «ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (I Кор. XI, 19).

---

[30] Примечания: 30

Так учил ересиарх Фотин, епископ Сирмии.

[31] Примечания: 31

Мнение Алипия совпадало с учением ересиарха Аполлинария, епископа Лаодикийского.

Глава XX

Книги платоников научили меня искать сверхчувственную истину, и я увидел «невидимое, видимое чрез рассматривание творений», но, отброшенный назад, понял, что созерцание истины недоступно мне в силу замутненности взора грешной души. Я знал, что Ты есть, что Ты — Сущий, бесконечный, но не в пространстве, что Ты неизменяем и вечен и что все от Тебя, иначе ничего бы и не было. Я был уверен в этом, но слабость моя мешала мне жить Тобою. Я высокоумно рассуждал, как будто был понимающим, но если бы не в Христе искал пути Твоего, оказался бы погибшим. Пытаясь казаться мудрым (о, гордыня моя!), я не стенал и не плакал, а, напротив, похвалялся познаниями своими. Где была любовь, стоящая на краеугольном камне, Иисусе Христе? Этому ли учили меня те книги? Но так было угодно Тебе, чтобы я познакомился с ними прежде, чем обратился к Писаниям Твоим, дабы впоследствии, когда уврачуешь Ты раны мои перстами Своими, я полнее увидел бы разницу между превозношением и смирением, между слепыми и зрящими путь, ведущий в блаженное

отечество наше, которое мало увидеть, но в которое еще надлежит и вселиться.

Если бы было иначе, если бы от Писаний Твоих я пришел к тем книгам, то, как знать, смог ли бы я устоять в крепости благочестия, а если бы и смог, то все же мог бы подумать, что для этого хватило бы и одних тех книг.

Глава XXI

Итак, я жадно ухватился за Книги, продиктованные Духом Твоим, и прежде всего за послания апостола Павла. Исчезли все недоумения, бывшие у меня прежде, когда многое у него казалось мне противоречивым и не совпадающим со свидетельствами Закона и пророков. Мне открылось единство святых изречений, я научился «радоваться с трепетом» (Пс. II, 11). Я нашел, что все то истинное, что было в книгах философов, есть в Писании Твоем, да не похваляются видящие, ибо не только видят, но и саму способность видеть имеют благодаря Тебе; да вразумятся они и излечатся, чтобы быть с Тобою. Кто вдалеке от Тебя и потому не видит, пусть вступит на дорогу, ведущую к Тебе: приблизившись, он узрит Тебя и пребудет с Тобою. Если кто-либо «по внутреннему человеку находит удовольствие в законе Божием», то что сделает он с другим законом, который «противоборствует закону ума его и делает его пленником закона греховного, находящегося в членах» (Рим. VII, 21–23)? Ты справедлив, Господи, мы же грешили, творили неправду и поступали нечестиво, а потому и были преданы древнему

грешнику, начальнику смерти диаволу, убедившему нас уподобиться его воле, не устоявшей в истине. Что же делать «бедному человеку»? «Кто избавит его от тела смерти» (Рим. VII, 24)? Только благодать Иисуса Христа, Господа нашего, Который пребывал с Тобою прежде всех веков, в начале путей Твоих, учением Которого истреблено «бывшее о нас рукописание, которое было против нас» (Кол. II, 14).

Но ничего этого не было в тех книгах. Не было в них облика благочестия, слез исповедания, «жертвы Богу духа сокрушенного; сердца сокрушенного и смиренного» (Пс. L, 19). Не говорилось там ни о спасении народов, ни о залоге Духа Святого, ни об искупившей нас Чаше. Никто не сказал там: «Только в Боге успокаивается душа моя; от Него спасение мое. Только Он — твердыня моя, спасение мое, убежище мое: не поколеблюсь более» (Пс. LXI, 2, 3). Напрасно искать там призыва: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. XI, 28). Они презрели учение Того, Кто кроток и смирен сердцем, ибо «Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. XI, 25). Ведь одно дело — увидеть с вершины горы блаженное отечество наше, но не найти дороги туда,

петляя по бездорожью среди ловушек и засад, и совсем другое — идти туда под водительством и охраной Небесного Царя; кто из изменивших Ему осмелится приблизиться? Так думал я, читая «наименьшего из Апостолов» (I Кор. XV, 9); узрел я дела Твои и устрашился.

Книга восьмая

Глава I

Господи, как возблагодарить Тебя, как исповедать ниспосланное мне милосердие Твое? «Все кости мои скажут: Господи! кто подобен Тебе, избавляющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?» (Пс. XXXIV, 10); я расскажу о том, как произошло это избавление, и все верные Тебе воскликнут: «Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле!» (Пс. VIII, 2). В сердце моем жили слова Твои, я был пленен Тобою; я не сомневался в вечности Твоей, но сама вечность виделась мною «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (I Кор. XIII, 12). Я уже твердо знал, что Ты — неизменяемая сущность и что все сущности — от Тебя, но не знать, а жить в Тебе — вот чего хотела душа моя. Преходящая жизнь моя была зыбкой, сердце мое жаждало очищения. Я искал пути, коим был наш Спаситель, но узость пути пугала меня.

По внушению Твоему я обратился к Симпличиану; он виделся мне смиренным рабом Твоим, осиянным Твоею благодатью. Я слышал о том, что с первых дней юности своей он благоговейно исповедал веру Твою; ныне же он был уже

седовласым старцем, в многолетнем служении своем повидавшим и узнавшим многое. Я чаял поведать ему о своих сомнениях, дабы он развеял их и наставил на тот путь, который привел бы к Тебе, Боже. Я видел, что Церковь полна, но члены ее идут кто так, кто этак. Но и жизнь в миру стала мне в тягость: страсть к деньгам и славе, заставлявшая меня смиряться с многими лишениями, остыла, ибо я «возлюбил обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей» (Пс. XXV, 8). Но любовь к женщине не оставляла меня. Апостол не возбранял супружеской жизни, однако, жалея нас, советовал избрать жизнь лучшую (I Кор. VII, 25–29). Я же, слабый, избирал худшее и потому бессильно плыл по течению; заботы иссушили меня, но я принуждал себя терпеть то, чего уже не желал терпеть. Я слышал из уст самой Истины: «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. XIX, 12); слышал я также и о том, что лживы люди, не знающие Бога, ибо не в зримых благах должно искать Сущего (Прем. XIII, 1); я был уже далек от этой лжи, давно презрел ее; все сотворенное свидетельствовало о Тебе, и я нашел Тебя, Творца всего, и Слово Твое, Слово у Бога, чрез Которого все начало быть, что начало быть.

Были, однако, такие гордецы, которые, «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих» (Рим. I, 21). Я был среди них, но «десница Твоя поддержала меня» (Пс. XVII, 36) и вызволила оттуда. Ты явил мне, что истинная мудрость — благочестие, те же, кто называли себя мудрыми — обезумели (Рим. I, 22). Я нашел драгоценную жемчужину, которую надлежало купить, продав все (Мф. XIII, 45, 46), но все еще колебался и пребывал в нерешительности.

Глава II

Итак, я обратился к Симплициану, по благости Твоей духовному наставнику Амвросия, почитавшего и любившего его как отца. Я рассказал ему о том, как кружили меня мои заблуждения, и когда упомянул, что прочел те книги платоников, которые некогда перевел Викторин, бывший в свое время ритором в Риме и перед смертью принявший христианство, Симплициан поздравил меня с тем, что попались мне книги тех философов, которые так или иначе, но были проникнуты мыслями о Боге и Слове Его, а не те, которые были полны лживых сказок «по стихиям мира» (Кол. II, 8). Затем, увещевая меня смириться пред Христом, он вспомнил еще раз о Викторине, с которым был некогда близко знаком. Не премину рассказать об услышанном, ибо, исповедуясь пред Тобою, хочу восхвалить неизреченную милость Твою. Итак, тот ученейший муж, глубокий знаток всех свободных наук, прочитавший, разобравший и переведший немало философских книг и наставлявший многих сенаторов, так что даже был почтен за свою ученость статуей в форуме, до самой старости своей был почитателем идолов,

участником нечестивых таинств (чем грешила почти вся тогдашняя римская знать), большим поклонником Осириса. Рим тогда усердно молился богам тех, которых победил: чудищам всяким; Анубиса чтили с собачьей главою, Поднявших меч на Нептуна, Венеру, Минерву[32].

Итак, все это Викторин чтил и много лет защищал своим ученым словом, но не побоялся насмешек и, подобно младенцу, принял крещение Твое, став дитятей Христа; подставил выю под смиренное ярмо и укротил гордыню под «позорным» Крестом. «Господи! Приклони небеса Твои, и сойди; коснись гор, и воздымятся» (Пс. CXLIII, 5). Это Ты, Господи, прикровенно коснулся и приклонил сердце его!

Симплициан рассказывал, что еще раньше Викторин начал изучать Св. Писание, читал христианские книги и тайно, по дружбе, признавался ему, что в душе он — уже христианин, на что тот отвечал, что таковым можно считать лишь того, кто стал уже членом Церкви Христовой. На это Викторин любил отшучиваться, что, дескать, христианином, по Симплициану, человека делают стены. И так они пререкались довольно долго:

---

[32] Примечания: 32
Вергилий. Энеида, кн. VIII.

Викторин не решался на последний шаг, опасаясь оскорбить своих многочисленных друзей — горделивых служителей демонов, этих кедров ливанских, еще не сокрушенных Господом (Пс. XXVIII, 5). Но потом, жадно читая и постигая прочитанное, он утвердился в вере и убоялся, что, отвергнув Господа пред человеками, сам будет отвержен пред Ангелами Божиими (Лк. XII, 9). Он стал считать себя великим преступником, ведь он стыдился присягнуть смиренному Слову Твоему, но не стыдился нечестиво поклоняться горделивым демонам. Ему опротивела ложь, истина же — пристыдила. И тогда он сказал Симплициану: «Пойдем в церковь: я хочу стать христианином». Наставленный там в началах веры, он вскоре объявил, что желает возродиться крещением. Рим изумлялся, Церковь ликовала, «нечестивые, увидя это, досадовали, скрежетали зубами своими и истаяли» (Пс. CXI, 10), но раб Твой, возложив на Тебя надежду свою, уже «не обращался к гордым и к уклоняющимся ко лжи» (Пс. XXXIX, 5).

Когда пришел час исповедания веры, которое приступающие к благодати крещения должны были произнести наизусть с высокого места пред всем христианским Римом, священнослужители

предложили Викторину сделать это тайно (что, в исключительных случаях, предлагалось тем, кто мог оробеть и смутиться), но он отказался: ведь не было же спасения в том, чему он обучал в риторской школе, но, однако, он делал это открыто перед многочисленными толпами безумцев; тем более не пристало стесняться ему провозгласить слова Твои пред кротким стадом Твоим. Когда он взошел произнести исповедание, все знавшие его (а кто его не знал?) радостно вскричали: «Викторин! Викторин!», так что возгласы их слились в один непрерывный гул. И как появление его вызвало у присутствующих шумный восторг, так голос его, раздавшийся при чтении исповедания веры, мгновенно заставил всех умолкнуть. Он произнес исповедание свое уверенно и искренне. Это вызвало всеобщее ликование: все хотели как бы принять его в собственное сердце, всячески выражая ему свою радость и любовь.

Глава III

Всеблагий Боже! Почему более радуются при спасении души погибавшей и отчаявшейся, нежели тогда, когда спасается тот, кто не подвергался большим опасностям и никогда не терял надежды? И сам Ты, Отец милосердия, не больше ли радуешься «об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»? Также и мы с удовольствием слушаем о радости ангелов при виде доброго пастыря, нашедшего заблудшую овцу и несущего ее домой на своих раменах; или о радости женщины, нашедшей потерянную драхму и внесшей ее в сокровищницу Твою; и когда читаем в Писании о возвратившемся сыне: «Сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся», то обливаемся слезами умиления от радости и веселья в доме Твоем (Лк. XV). Так всегда радуешься Ты святою любовью Своею к нам и святым Ангелам Твоим: ибо Ты неизменен, и все перемены наши не имеют места в Тебе, равно как и наше прошедшее и будущее в ведении Твоем всегда настоящее и всегда одинаково.

Отчего же душа более радуется, находя поте-

рянные любимые вещи, чем при неизменном обладании ими? Истинность этого подтверждает и собственный жизненный опыт, и примеры других. Так, победивший полководец торжествует и справляет триумф, но победил бы он, если бы не сражался? И чем труднее было сражение, тем больше и радости в триумфе. Мореплавателей застигает буря: все бледнеют и трясутся от страха; но вот небо проясняется, и волны стихают — какая радость следует за этим, причем тем большая, чем большую опасность удалось избежать. Заболевает дорогой нам человек, все предвещает его скорую кончину; но кризис миновал, и радости нашей нет предела — а ведь мы бы не радовались так, если бы он был все время здоров. Мало того, мы часто сами ищем подобных удовольствий, охотно приобретая их ценой предварительных лишений. Так, хорошо поесть и выпить — это ежедневное наше наслаждение, но достигаем мы его только путем воздержания, которое возбуждает в нас голод и жажду. И пьяницы любят соленое да кислое, отчего для них слаще их питье. Не потому ли в обычае не сразу после помолвки отдавать жен их мужьям, дабы последние больше ценили тех, за которыми долго ухаживали и воздыхали, будучи женихами?

Так бывает и в удовольствиях низких и постыдных, и в утешениях невинных и законных, и в любви самой чистой и непорочной; о том же говорится и в указанной нами евангельской притче о блудном сыне, который был мертв и ожил, пропадал и нашелся, так что в доме Отца его небесного возвеселились о нем более, чем о старшем брате, пребывавшем в доме неотлучно. Так бывает повсюду и во всем; тем больше радости, чем больше предшествует ей печали; без печали мы не знали бы и цены радости. Откуда это, Господи? А ведь Ты сам служишь Себе источником вечного блаженства, и многие из творений Твоих наслаждаются близ Тебя и от Тебя своей долей, насколько они способны вместить, неизменной радости; почему же человек, также Твое творение, находится в постоянной борьбе между счастьем и скорбями? Видно, такова уж воля Твоя и таковы Твои законы, чтобы здесь, на земле, от небесных высот и до глубин преисподней, от начала веков и до скончания их, от ангела до червяка, от первого вздоха и до последнего, — чтобы все творения Твои и все роды благ их были распределены по своим местам и временам сообразно свойствам и качествам самих творений. О, как Ты высок и недосягаем,

как глубок и непостижим! И однако Ты всегда рядом, мы же с трудом следуем за Тобою.

Глава IV

«О, Господи, спаси же! О, Господи, споспешествуй же!» (Пс. CXVII, 25); воззови и оживотвори нас; яви Свое могущество и преклони нас; зажги в нас любовь к Себе, дабы мы ощутили сладость Твою, и мы возлюбим Тебя, полетим к Тебе, обретши крылья. Сколько обратилось к Тебе таких, которые были ослеплены своими заблуждениями куда более Викторина, но, просветившись светом истины Твоей, уверовали в Тебя, и Ты дал им власть быть чадами Божиими (Ин. I, 9, 12)! Но чем менее их обращение бывает известно миру, тем менее и радуются о них даже те, которые их знают. Напротив, чем более распространяется о них слава, тем более и радости у всех и каждого, тем скорее и другие побуждаются к спасению, взирая на эти примеры. Но пусть при этом никто не подумает, что в скинии Твоей богатые и знатные предпочитаются бедным и уничиженным, ибо Ты сам, Боже наш, избрал немощное мира, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира сего, уничиженное и ничего не значащее, чтобы упразднить значащее (I Кор. 1, 27, 28). И однако же тот самый апостол, чьи слова мы сейчас

привели, называвший себя наименьшим из всех апостолов, после того, как проконсул Павел смирил свою гордость, уверовал в учение Господне из уст Савла и преклонился под благое иго Христа, сделавшись последователем Вышнего Царя вселенной (Деян. XIII, 7–12), сам переменил прежнее свое имя Савл на имя Павла в память столь блистательной победы[33]. Ибо победа над врагом тем значительней, чем лучшие отнимаются у него средства для борьбы, а таковые средства этот враг находит прежде всего в гордости знатных и сильных.

Итак, чем тяжелее было воспоминание о том, что душа Викторина служила диаволу как бы неприступной крепостью, а язык его — обоюдоострым мечом, поразившим столь многих

---

[33] Примечания: 33

Это — одна из версий, почему апостол изменил свое еврейское имя Савл на римское Павел. Прямых подтверждений этого в Св. Писании нет, хотя до обращения проконсула он называется там преимущественно Савл, после же него — Павел. Между тем наиболее распространенные мнения, помимо вышеприведенного, таковы: 1) Павел — изначальное второе имя апостола, что подтверждается тем, что евреи диаспоры имели обычай брать второе римское имя (а Павел был по происхождению римским гражданином (Деян. XXII, 27–29)), под которым они были известны окружающим их язычникам (вполне естественно, что запомнилось именно это «универсальное» имя «апостола языков»; подобное же произошло и с евангелистом Марком, чье еврейское имя было Инн); 2) Павел был маленького роста (лат. paulus — маленький); 3) апостол сам называл себя «наименьшим из апостолов».

несчастных, тем более мы, верные сыны Твои, должны были радоваться, когда Царь и Господь наш связал сильного и отнял у него сосуды (Мф. XII, 29), а потом, очистив их и освятив, сделал сосудами в честь Твою, потребными Владыке на всякое благое дело (II Тим. II, 21).

Глава V

Выслушав от старца Твоего Симплициана рассказ об обращении Викторина, я загорелся желанием последовать его примеру (затем, собственно, этот святой муж и вел свою речь). Когда же он поведал о том, что Викторин после выхода указа императора Юлиана, коим христианам запрещалось преподавание наук, в том числе и красноречия, предпочел отказаться от учительства, но не изменять Твоему Слову, Господи, коим Ты творишь красноречивыми и языки младенцев (Прем. X, 21), то этот человек показался мне теперь не столько смелым, сколько счастливым, ибо ему представился удобный случай отрешиться от тягостных мирских занятий и посвятить себя служению Тебе одному.

О, как желал и я достигнуть этого счастья, причем не в силу складывающихся обстоятельств, а исключительно по собственной воле. Но воля моя, увы, была в то время не столько в моей власти, сколько в руках врага моего, чьим пленником я тогда пребывал. Ибо развращенность моей воли порождала страсти, страсти же, когда им потакают, обращаются в привычку, а привыч-

ка, когда ей не противодействуют, становится необходимостью, как бы второй натурой. Вот из каких звеньев состояли те цепи, коими сковал меня враг мой. Во мне уже родилась и новая воля — служить Тебе бескорыстно и наслаждаться Тобою, Господи мой, как единственным источником истинных наслаждений. Но воля эта была еще слаба и не могла победить той, которая господствовала во мне и утвердилась через долговременные привычки. Таким образом, две воли боролись во мне, ветхая и новая, плотская и духовная, и эта борьба раздирала душу мою.

На собственном опыте я познавал, что «плоть желает противного духу, а дух — противного плоти» (Гал. V, 17). Между тем я, служивший ареной борьбы, был один и тот же; но все же меня было больше на стороне того, что я одобрял, нежели на стороне того, что я осуждал; в первом случае я действовал свободно, в последнем же (хотя и это был тоже я) — по принуждению, являясь скорее страждущим, чем действующим. Впрочем, и греховные привычки зависели от меня; по своей же воле я дошел до того, что делал то, чего не хотел делать. И может ли кто, да и вправе ли жаловаться, когда за преступлением грешника следует праведное наказание? Я не мог сказать,

что потому доселе не отрешился от мирского и не последовал за Тобою, что не знал истины; нет, истину я познал, но, привязанный к земному, отказывался от борьбы для Тебя и так же боялся освободиться от всех препятствий к этому, как надлежало бояться самих этих препятствий.

Да, находясь под гнетущим бременем мира сего, я находил в этом некоторое наслаждение, подобно тому, как нечто подобное бывает с нами во сне; даже мысли мои, коими я пытался возноситься к Тебе, походили на усилия желающих проснуться, но, одолеваемых сладкой дремотой, вновь погружающихся в сон. И как никто из нас не захотел бы вечно спать, да и по общему суждению бодрствование лучше сна (но мы весьма часто, особенно если сильно устали, желаем продолжить приятный для нас покой и охотно предаемся ему, хотя уже наступило время для дел, которое и мы сами не хотели бы зря потратить в праздности и неге), так же точно я был уверен в том, что для меня несравненно лучше было бы предаться влечению Твоей любви, нежели поддаваться обольщению своих страстей; но я одобрял одно, а следовал другому, дозволяя врагу налагать на меня оковы и пленяясь ими. Мне нечего было сказать в свое оправдание, слыша Твои

слова, переданные апостолом: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. V, 14). Убежденный Твоею истиной, которою Ты повсюду просвещал меня, проникнувшись ее очевидностью, я действительно ничего не мог ответить Тебе, кроме разве тех вялых и бессвязных слов, которые часто говорят спящие, когда их пытаются пробудить: «Сейчас, сейчас, еще чуть-чуть, погоди маленько!» Но это «сейчас» час от часу откладывалось, этому «чуть-чуть» не было видно конца. Тщетно услаждался я законом Твоим по внутреннему человеку, когда иной закон в членах моих противоборствовал закону ума, делая меня пленником закона греха, пребывавшем во мне самом. Ибо закон греха — насилие сроднившейся с нами привычки, которая увлекает и порабощает в нас и ум наш. И хотя это порабощение тягостно нам и ненавистно, но не есть ли это праведное возмездие суда Твоего за то, что мы по своей воле предаемся этому рабству? «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим, VII, 22–25).

Глава VI

Исповедуюсь пред Тобою во славу имени Твоего, Господи Боже мой, прибежище мое, Избавитель мой, и расскажу, как спас Ты меня, разрушив узы пленивших меня плотских вожделений и мирских сует.

Я не переставал предаваться гибельным занятиям, иссушавшим душу мою, и каждый день обращался к Тебе и воздыхал, посещая церковь Твою, насколько дозволяли мне это обременявшие мирские дела мои. В то время при мне находился мой Алипий, свободный от общественных должностей, которые он трижды уже занимал в качестве опытного юриста, получившего образование в Риме, ожидая возможности вновь получить такую же должность, если представится случай; нечто подобное случалось и со мной по отношению к занимаемой мною кафедре красноречия. Что же касается Небридия, то он уступил нашим дружеским просьбам и пошел в помощники к нашему задушевному другу Верекунду, медиоланцу и учителю грамматики (как раз тогда Верекунд крайне нуждался в помощнике и на правах дружбы настоятельно требовал

его из нашей среды). Небридий в данном случае не искал для себя никаких выгод, ибо при его образовании и способностях мог без труда найти себе более выгодное место, но будучи человеком любезным и притом преданнейшим другом, не смог отказать нашим совместным просьбам. Притом теперь он имел возможность избегать встреч с сильными мира сего, что могло бы стеснить его свободу, каковой он дорожил больше всего на свете, а также получил достаточно досуга для чтения и размышлений обо всем, что относилось к мудрости.

Однажды, когда Небридий по какой-то причине отсутствовал и мы с Алипием остались дома вдвоем, к нам заглянул наш африканский земляк Понтициан, занимавший видное место при дворе. Зачем он заходил — мы так и не узнали. Как бы там ни было, когда мы уселись и завели беседу, Понтициан случайно заметил лежащую на игорном столике книгу; взяв ее и раскрыв, он с изумлением обнаружил, что это книга апостола Павла (он был уверен, что это — одна из книг по ораторскому искусству). Так как он был христианином, причем самым искренним и горячо преданным вере, он радостно приветствовал меня. Когда же я объяснил ему, что изучаю Св.

Писание со всею серьезностью и усердием, он упомянул об Антонии, египетском отшельнике, чье имя гремело по всему христианскому миру, а мы ничего о нем не слыхали. Узнав о нашем невежестве, Понтициан повел обстоятельный рассказ, стараясь поближе познакомить нас с этим великим человеком и внушить к нему глубочайшее почтение, удивляясь тому, что нам до сих пор о нем ничего не было известно. Мы дивились, слушая речи Понтициана о чудесах Твоей благодати, заверенных самыми положительными свидетельствами и совершившихся столь недавно, только что не на наших глазах, в недрах истинной православной католической церкви. Таким образом, удивлялись все: и мы, слушая о таких великих делах, и Понтициан, узнав, что мы слышим об этом в первый раз.

Закончив рассказ об Антонии, Понтициан перешел к разговору о монастырях и монахах, ожививших бесплодные пустыни, об их уединении и добронравии, чье благоухание возносилось прямо к Тебе, о чем мы также ничего не знали. Мы даже не знали о том, что под самим Медиоланом, в котором мы жили, существовал монастырь, в котором братья-отшельники под руководством Амвросия жили как одна святая семья. В заклю-

чение своей беседы Понтициан рассказал нам об одном событии, в котором он сам принимал некоторое участие: однажды, находясь в придворной свите в Тревире (Трире), когда император был в цирке, он и три его товарища вышли погулять за городские стены в парк. Там они стали прохаживаться парами, при этом несколько отдалившись друг от друга. Понтициан с одним из друзей пошел в одну сторону, а двое других, пойдя в противоположную, набрели на некую хижину, в которой обитали рабы Твои, те самые «нищие духом», каковых есть Царство Небесное (Мф. V, 3), и нашли там книгу, описывающую жизнь Антония. Один из них начал читать, дивясь все больше и больше, и наконец решил оставить мирскую службу и служить впредь только Тебе. А нужно сказать, что оба они были тайными осведомителями. И вот, исполнившись святой любви и горького стыда, он говорит своему другу: «Что мы творим, чего ждем от труда своего, чего домогаемся? Неужто лишь того, чтобы нас объявили „друзьями императора“? Но и это — прибавит ли нам покоя и безопасности? Увы, через столько опасностей мы стремимся к еще большим! И когда это будет, да и будет ли вообще? А другом Божиим я могу стать прямо сейчас».

Так рождалась в нем новая жизнь. Затем, вновь погрузившись в чтение, он еще более изменился в сердце своем, окончательно сделав выбор, и сказал другу: «Я отвергаю все прежние свои упования и прямо сейчас, не сходя с этого места, начинаю служить одному только Богу. Не хочешь, уходи, но только не перечь». Тот ответил, что готов остаться с ним. Тут они оба, как те, кто желал построить башню, сели и вычислили издержки (Лк. XIV, 28) и приняли решение бросить все и следовать за Тобою. Между тем Понтициан со своим спутником отыскали их и стали уговаривать вернуться, ибо день уже клонился к закату. Те же поведали им о своем решении и о том, как к нему пришли, попросив их или присоединиться, или не отговаривать. Не отважившись на первое, Понтициан с товарищем почтительно поздравили их, поручили себя их молитвам и, влача сердце свое в прахе земном, удалились во дворец, те же, прильнув сердцем к небу, остались в хижине. У них обоих были невесты: узнав о происшедшем, они посвятили Тебе свое девство.

Глава VII

Таков был рассказ Понтициана. Ты же, Господи, сделал так, что, слушая его, я как бы взглянул в лицо самому себе, выйдя из-за собственной спины, где прятался до сих пор. И вот увидел я свой позор и убожество, свои язвы и струпья. Я увидел и ужаснулся, и некуда мне было бежать. Я хотел отвернуться, но рассказ продолжался, и Ты как бы говорил мне: «Гляди, зри всю неправду свою и ненавидь ее». А я ведь и раньше знал ее, и только притворялся, что не знаю, закрывал глаза и прятался, пытаясь забыть. Теперь же, слушая о тех, кто в душевном порыве вручил себя Тебе для исцеления ран, все больше и больше любя их и восхищаясь, я все сильнее ненавидел себя; ведь прошло уже почти двенадцать лет с той поры, как я, девятнадцатилетний юноша, прочитав «Гортензия», решил оставить все и искать только мудрость, но прилепившись к мирскому, все откладывал и откладывал эти поиски, хотя одни только они уже несравненно лучше всех сокровищ и услад земных. Как жалка была юность моя! Даже тогда, когда я просил Тебя о целомудрии и воздержании, я говорил: «Дай, но только попоз-

же». Я боялся, вдруг ты услышишь меня и дашь прямо сейчас; я искал пресыщения страстями, а не их угасания, я погрязал в богомерзком суеверии, сам не будучи в нем убежден; я думал, что просто предпочитаю его другим учениям, в то время как даже не утруждал себя смиренному их исследованию, но противился им, как враг.

Я говорил себе, что, презрев мирские упования, все откладываю и откладываю свое обращение к Тебе только потому, что не нахожу ничего определенного, что указало бы мне верный путь. Но вот пришел день, когда я глянул себе в глаза, и совесть моя возопила: «Вот оно, слово твое! Сколько раз говорил ты, что сбросишь мирское бремя, если прозреешь истину. Но истина перед тобой, а ты — все тот же. А между тем они, отнюдь не тратившие многие годы на поиски и размышления, тотчас же, прозрев, расправили плечи, обретая крылья». Так терзался я стыдом, слушая Понтициана. Но вот рассказ был окончен, и мы распрощались: он ушел к себе, а я — в себя. Что только не наговорил я душе своей, какими только словами не бичевал ее, но она сопротивлялась, боясь идти за Тобой, отрекалась и замыкалась в себе. Ей нечего было возразить, но остался страх быть извлеченной из мутного потока привычной

жизни, в котором она задыхалась.

Глава VIII

Так разделился дом души моей в себе самом, и с болью в наиукромнейшем уголке его, сердце моем, я обратился к Алипию с горестными стенаниями: «Что происходит с нами? Вот, простецы силой берут Царство Небесное, мы же, со всей своей хваленой ученостью, прозябаем в плотской грязи! Или нам стыдно следовать за такими, а оставаться здесь — не стыдно?» Не помню, что еще я наговорил ему перед тем, как выбежал прочь, но он, потрясенный моим возбуждением и необычными речами, молчал и не проронил ни единого слова. Крайнюю взволнованность мою передавали не столько слова, по большей мере бессвязные, сколько выражение глаз, цвет лица, интонации голоса. Я бросился в садик, расположенный при нашем доме, где в полном одиночестве сошелся в яростной битве с самим собой. Я желал драться до конца, до какого — я не знал, но Ты знал. Желая обрести разум, я сходил с ума, я умирал, чтобы ожить; я видел зло вокруг себя, но еще не видел блага у своего порога.

Итак, я выбежал в сад, вслед за мной, боясь оставить меня одного в таком состоянии, вышел

и Алипий, но я уже не замечал его. Душа моя глухо стонала, все кости мои кричали, чтобы я шел к Тебе, вознося хвалы. Да и что тут было идти? Не было ведь нужды ни в кораблях, ни в колесницах, ни даже в ходьбе. Стоило лишь захотеть — и ты уже у цели, но нужна была здоровая воля, чтобы хотеть, а моя была наполовину парализована, и одна часть тщетно пыталась сдвинуть с места другую. Страдая от нерешительности, я отчаянно жестикулировал, как это часто бывает с людьми, желающими что-то сделать, но надлежащие члены которых или отсутствуют, или скованы, или изнемогли от усталости. Я делал не то, что хотел, а то, что мог: рвал волосы, хлопал себя по лбу, сцеплял и расцеплял пальцы, но разве это мне было нужно? Мне нужно было совсем другое, и не столь уж трудное — достаточно было просто захотеть. Но я пока научился лишь хотеть хотеть. Дальше, однако, дело не шло: тело охотно повиновалось всем ничтожным желаниям души, душа же все не решалась на главное — то, исполнение чего зависело только от ее доброй воли.

Глава IX

Откуда это в нас и почему? Господи, просвети меня милосердием Твоим, позволь узнать, уж не за грех ли Адамов сынам его назначено так, что душа приказывает телу — и оно повинуется, приказывает себе — и встречает отпор. Стоит душе пожелать — и рука движется, и не заметить промежутка времени между приказом и его исполнением. Душа говорит себе самой: делай, и — ничего. А ведь душа едина, и если она приказывает себе пожелать, то, значит, она хочет пожелать. Но она не вкладывает себя целиком в это желание, и приказ ее — половинчат. Действенность приказа соразмерна силе желания, и если желание слабо, то и приказ не исполняется. Будь воля целостной, то не нужен был бы и приказ: стоило бы только пожелать. Следовательно, одновременность желания и нежелания — это болезнь души: ее поднимает истина, ее пригибает долу привычка. Душе недостает целостности, одни ее желания борются с другими, и то, что есть в одних, того нет в других.

Глава X

«Да погибнут от лица Божия» (Пс. LXVII, 3) пустословы и соблазнители, которые, заметив в человеке наличие этих двух типов желаний, поспешили заявить, что в нем-де две души двух разных природ, доброй и злой. Они-то и злы, ибо мыслят по-злому, но и они могут стать добрыми, если познают истину и согласятся с нею, и тогда и о них можно будет сказать: «Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе» (Еф. V, 8). Но они в гордыне своей не пожелали стать светом в Господе, ибо, полагая свою душу единосущной с Богом, хотели светить в самих себе, а потому и остались тьмой, отвернувшись от истинного Света, «Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. I, 9). Одумайтесь и устыдитесь, обратитесь к Нему, просветитесь, «и лица ваши не постыдятся» (Пс. XXXIII, 6).

Так я колебался, служить мне или не служить Господу Богу моему, желая этого и не желая, и оставаясь при этом самим же собой. Я разделился в самом себе и боролся с самим собой, и это разделение, эта борьба свидетельствовали не о двух душах, а об одной, но только больной и терпящей

наказание. И наказание это было не от меня, «но от живущего во мне греха» (Рим. VII, 17), ведущего свое начало от греха Адама, совершенного по свободному выбору.

Если бы природ было столько, сколь есть враждующих друг с другом воль, то сколько бы их было? Уж никак не две. Например, кто-нибудь из них[34] станет рассуждать так: «Идти ли мне на наше сборище или отправиться в театр?» И вот уже поднимается шум, дескать, борются две природы. Но ведь оба-то желания злы, так что тут уже две злые природы. Допустим, они скажут, что желание идти к ним — добро. Ну, а если кто-либо колеблется, идти ли в театр или в нашу церковь, что тогда? Или им придется признать, что идти в церковь — добро, или же допустить, что в человеке по меньшей мере две злые природы и две злые души. Так что или они вынуждены будут отказаться от своей прежней лжи, чтобы нагромоздить новую, или признать истину, что одна и та же душа бывает обуреваема противоположными желаниями.

Итак, пусть не говорят, видя колеблющихся, что в них борются две души, происходящие от

---

[34] Примечания: 34
Здесь, как и выше, речь идет о манихеях.

двух субстанций и двух враждующих начал — доброго и злого, ибо Ты, Боже, уличаешь их и опровергаешь многочисленными свидетельствами: например, некто размышляет, погубить ли соседа при помощи яда или меча, отнять у него то поместье или это, расточать состояние или накоплять, пойти в цирк или театр и т. п. Добавлю и третье желание: не обокрасть ли соседа; добавлю и четвертое: не прелюбодействовать ли с его женой. Ведь бывает же, что многие желания приходят одновременно, и ни одно не хочет уступать другим. Вот они и начинают четвертовать душу, а ведь можно пожелать и многое другое. Сколько же тогда нужно будет допустить субстанций? А есть ведь еще и добрые пожелания. Я спрашиваю: хорошо ли читать Апостола, петь псалмы, разумно толковать Евангелия? Но бывает же так, что хочется одновременно и то, и другое, и третье. Сами желания хороши, но их спор разрывает душу до тех пор, пока она не успокоится радостно на чем-то одном. И так как вечность сулит нам горние блаженства, а наслаждение преходящими благами удерживает долу, то и тут одна и та же душа, не имея целостной воли и желая и то, и это, мечется со скорбью и стенает, истина зовет к одному, привычка тянет к другому.

Глава XI

Так мучился и я, и стенал, и упрекал себя, запутавшись в своих же тенетах, которые хотя и ослабли, но все еще цепко держали меня. И Ты, Господи, не давал мне роздыху, в суровом милосердии Своем бичуя стыдом и страхом, дабы я не отступил и оборвал удерживающую меня пуповину. Я говорил себе: «Вот сейчас, сейчас», и уже принимал было решение, и тут же вновь слабел, скатываясь в прежнюю яму; там, переведя дыхание, я вновь начинал подъем, тянулся, и вот, казалось, уже достигал самого края, еще чуть-чуть — и снова вниз. Я без конца колебался, жить ли жизнью или же умереть смертью. И чем ближе я подбирался к цели, тем больший ужас охватывал меня; я уже не мог отступить, но и лишился сил продвигаться вперед: я замер на месте.

Что удерживало меня? Сущий вздор и суета сует. Они тихонько дергали меня за одежды, шепча: «Ты покидаешь нас? Что ж, мы уйдем, но знай: теперь тебе нельзя уже и то, и это». То и это! Господи, что это были за «то» и «это»! Отврати, Боже, в милосердии Своем душу раба Твоего от

«того» и «этого». Что за мерзости предлагали они мне, но я уже и не очень-то их слушал, и голоса их звучали во мне все слабее. Но все же они задерживали меня, мешали вырваться и устремиться к Тебе. Привычка говорила мне: «Ну как же тебе без них!» Но и ее прежде властный голос дрожал, ибо там, куда я обратил уже взор свой, виделась мне истинная чистота, целомудренная и блаженная. Честен и радостен был ее лик, ласков голос, нежны протянутые мне руки, многочисленны добрые примеры. Мне виделось там множество прекраснейших отроков и отроковиц, дивных мужей и жен, чистых вдов и девственных стариц. И чистота их не была бесплодной: от Тебя, Господи, супруга своего, породила она столько радостей! Я будто бы слышал слова: «Что же ты боишься? Неужто ты не сможешь того же, что смогли все они? Ведь не своею же силой они здесь, но Божией благодатью. Не ищи опоры в себе, ее там нет: возложи все упования свои на Господа и не бойся. Он подхватит тебя и исцелит твои раны». Я сгорал от стыда, ибо звучали еще во мне и прежние голоса, медлил и не решался. И опять зазвучали дивные слова: «Не слушай голоса нечистой плоти твоей, и она умолкнет. Она нашептывает тебе о телесных наслаждениях, но они вопреки закону

Господа твоего». Так спорил я сам с собой в сердце своем. Алипий же, боясь отойти от меня, молчаливо ожидал, чем кончится дело.

Глава XII

Глубокое размышление обнажило пред взором моим всю нищету мою. Буря, бушевавшая во мне, разрешилась ливнем слез. Такой плач требовал полного одиночества: я встал и отошел от Алипия — даже его присутствие стало мне в тягость. Алипий понял меня и остался на месте; кажется, я что-то ему сказал, но голос душили слезы. Не помню, как упал я под какой-то смоковницей и разрыдался. Я как бы вопрошал Тебя: «Доколе, Господи, гнев Твой? Прости мне все прегрешения, избавь от этих „завтра“ и „потом“. Почему не сейчас? Почему в сей же миг не покончить со всею мерзостью моею?»

Так причитал я и плакал, так сокрушался в сердце своем. И вдруг я услышал детский голос, раздавшийся из соседнего дома и напевавший: «Возьми и читай». Я удивился, ибо никогда не слышал такого напева ни в одной детской игре. Я встал, поняв эти слова как божественное повеление; открыть первую же книгу, которая мне попадется, и прочесть ту главу, на которой ее раскрою. Я слышал об Антонии, что его вразумили евангельские стихи, на которые он случайно

наткнулся: «Пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. XIX, 21); эти слова сразу же обратили его к Тебе. Взволнованный, я поспешил на то место, где мы сидели с Алипием. Там я нашел апостольские послания, открыл их и прочел первую попавшуюся главу: «Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. XIII, 13, 14). Читать далее уже не было нужды: сердце мое озарил спокойный свет, и мрак моих сомнений истаял.

Я отметил это место и уже совершенно спокойно все разъяснил Алипию. Он, в свою очередь, рассказал мне, что происходит с ним, о чем я и не догадывался. Затем он попросил меня показать найденное мною место, прочел его и продолжил читать дальше. А дальше следовало: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях». Алипий без колебаний отнес эти слова к себе. Укрепленный таким наставлением, он тут же принял доброе решение, соответствующее его нравам, которые были куда лучше моих. Тут

отправляемся мы к матери и говорим ей, что случилось. Радости ее не было предела. Она ликовала и благословляла Тебя, Который «может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем» (Еф. III, 20). Она видела, что Ты даровал ей во мне куда больше, чем она имела обыкновение просить в своих молитвах, стеная и плача. Ты обратил меня к Себе, и я отбросил прочь все мирские упования, крепко утвердившись в вере, как Ты и обещал ей много лет тому назад. «Ты обратил сетование ее в ликование» (Пс. XXIX, 12) гораздо большее, чем она могла мечтать, куда более чистое и драгоценное, чем могла она ожидать от внуков, плотских детей моих.

Книга девятая

Глава I

«О, Господи! я раб Твой, я раб Твой и сын рабы Твоей; Ты разрешил узы мои. Тебе принесу жертву хвалы, и имя Господне призову» (Пс. CXV, 7, 8). «Все кости мои скажут: Господи! кто подобен Тебе» (Пс. XXXIV, 10). Так скажут они, а Ты скажи душе моей: «Я спасение твое» (Пс. XXXIV, 3). Кто я и что? Чем не погрешил я в помыслах и делах своих, а если не в них, то в своей воле? Ты же, Господи, благостный и милосердный, призрел на меня в бездне смерти моей, очистил сердце мое от мерзости и нечистот; теперь всеми силами своими не желал я того, чего я желал, но желал того, чего желал Ты. Откуда, из каких глубин вызволил Ты во мгновенье ока свободную волю мою, дабы подставил я плечи под легкое бремя Твое, Господи Иисусе, «Твердыня моя и Избавитель мой» (Пс. XVIII, 15)? Как сладко стало мне вдруг лишиться сладких дурманов; радостно было мне прежде держать их при себе, теперь же стало радостно их оставить. Ты избавил меня от них и Сам, высшее Наслаждение, занял их место. Ты — Сладость сладости, Свет светов. Тайна тайн для всех, кто не ищет этого в самом себе. Душа

моя стряхнула груз всех забот и печалей: уже не нужно было просить и кланяться, гоняться за деньгами, валяться в грязи, чесать свою похоть. Я по-младенчески блаженно лепетал пред Тобою, Свет мой. Сокровище мое и спасение, Господь мой и Бог мой.

Глава II

Я принял решение не порывать в одночасье со своею службой, но отойти потихоньку; пусть юнцы, помышляющие не о мире и законе Твоем, но о лжи и безумии, о пустопорожней болтовне на форуме, оттачивают свое оружие не у меня. Да и до виноградных каникул[35] оставалось всего ничего, так что я решил повременить до них, уйти в отпуск и уже не возвращаться на рабское торжище, ибо уже был выкуплен Тобою. Решение наше было ведомо Тебе, из людей же знали о нем только свои. Мы условились до поры до времени молчать, хотя нам, восходящим из долины плача, Ты дал «изощренные стрелы сильного, с горящими углями дроковыми» (Пс. CXIX, 4), обжигающие «уста лживые и языки лукавые» (там же, 2). Ты уязвил сердца наши любовью Своею, осветил темных и оживил мертвых, и мы, собрав в себе образы рабов Твоих, погрузились в размышления. Их примеры жгли нас, растопляя лед бесчувствия, так что и «языки лукавые» не могли

---

[35] Примечания: 35

Каникулы, связанные со сбором винограда. Начинались 22 августа и продолжались до 15 октября.

остудить нашего пыла, но только еще больше подзадоривали нас.

Поскольку имя Твое святится по всей земле, то нашлось бы и немало таких, которые приветствовали бы наши намерения и обеты, но мне казалось пустым бахвальством уйти, не дождавшись близких каникул, с публичной должности, обращая этим на свой поступок особое внимание. Пошли бы толки, что я хочу возвеличить себя, мне же были близки апостольские слова: «Да не хулится ваше доброе» (Рим. XIV, 16).

Тут еще приключилась со мною болезнь: дыхание затруднилось, голос осип и стали донимать боли в груди. Поначалу я было встревожился, ибо эта болезнь могла принудить меня отказаться от учительства, но когда овладело мною и укрепилось желание «остановиться и познать, что Ты Бог» (Пс. XLV, 11), то я даже обрадовался, ибо теперь у меня появился предлог уйти так, чтобы не обидеть родителей моих учеников. С радостным чувством я претерпел оставшиеся дни (дней двадцать или около того); во мне уже не было прежнего рвения, но нисшедшее на меня терпение помогло мне спокойно снести это бремя. Возможно, кто-либо из братьев, рабов Твоих, упрекнет меня в том, что в то время, как сердце

мое было полно решимости служить Тебе, я позволил себе задержаться на этой кафедре лжи. Что ж, спорить не стану, но только Ты, всеблагостный Господи, отпустил мне со всеми прочими и этот грех, омыв и освятив святою водою Твоею.

Глава III

Верекунд томился и тосковал, глядя на наше счастье: он видел, что крепко связавшие его узы принудят его покинуть наше сообщество. Не будучи христианином, он взял себе в жены христианку, и именно она оказалась ему помехой, не давала вступить на путь, избранный нами. Стать же христианином он считал для себя возможным лишь при том условии, которое и оказалось для него невыполнимым[36]. Он предложил нам гостить в его имении столько, сколько мы пожелаем; Ты, Господи, воздашь ему в час воздаяния праведным. Отчасти, впрочем, Ты ему уже воздал: когда мы были вдали от него, в Риме, он, заболев и находясь при смерти, крестился и умер уже христианином. Ты одарил не только его, но и нас, ибо нам радостно сознавать, что столь добрый к нам друг наш и благодетель стал овцою стада Твоего. Благодарим Тебя, Господи наш! Верный щедротам Своим, Ты одарил его за это именьицем в Кассициаке, где мы наслаждались Тобою

[36] Примечания: 36

Верекунд считал, что истинный христианин должен жить в безбрачии, а развестись с женой-христианкой не мог.

вдали от мирской суеты, красотами Твоего рая, ибо отпустил ему земные прегрешения его.

Но в то время он тосковал, а Небридий, хотя он тогда еще также не был христианином, но губительнейшим образом полагал, что тело Сына Твоего было призрачным, радовался вместе с нами. Впрочем, к тому времени он уже почти выбрался из этого болота, и хотя еще был весьма далек от принятия таинств Церкви Твоей, но стал уже пытливым исследователем истины. Он умер вскоре после нашего обращения, не только крестившись, но и явив себя истинным христианином, живя у себя в Африке целомудренно и достойно, обратив всех домашних своих в христиан. Теперь он уже в лоне Авраамовом (хотя и неясно, как следует разуметь это самое «лоно»). Там сейчас милый друг мой Небридий, усыновленный Тобою сын отпущенника Твоего. И где же быть этой чистой душе, как не там? Теперь он не преклоняет уже телесное ухо свое к устам моим, но припадает духовными устами к источнику Твоему, почерпая от мудрости Твоей. Но не думаю, что он столь пьянился ею, что совсем позабыл про меня: Ты ведь, Господи, помнишь обо мне, утоляя жажду его.

Так жили мы тогда, утешая Верекунда, угова-

ривая его уверовать, оставаясь в браке, и ждали, пока Небридий будет готов последовать за нами. Он был уже совсем близок к этому, но каникулы подходили к концу. Они казались мне длинными как никогда: я рвался к свободе и досугу. «Сердце мое говорило от Тебя: „ищите лица Моего“; и я хотел искать лица Твоего, Господи» (Пс. XXVI, 8).

Глава IV

И вот наконец настал тот день, когда я не в мыслях, а на деле освободился от преподавания риторики. Ты убрал мой язык оттуда, откуда давно восхитил сердце мое, и я, благословляя Тебя и радуясь, отправился со своими в деревню. Там я кое-что начал пописывать, и хотя этими книгами уже служил Тебе, но в них еще было немало от школьного высокоумия. Это заметно и в диалогах с друзьями, и в беседе с самим собою пред лицом Твоим, и в переписке с отсутствующим Небридием[37].

Смогу ли припомнить все благодеяния Твои? Я вспоминаю себя, каким я был в то время, и мне сладостно говорить Тебе, Боже, о тех тайных уколах, коими Ты укрощал меня, о том, как повергал ниц, ибо должно было исполниться писанное «всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими» (Лк. III, 5), как самого

---

[37] Примечания: 37

Имеются в виду диалоги «Против академиков», «О блаженной жизни», «О порядке», а также «Монологи». Переписка с Небридием почти полностью утрачена.

Алипия, брата сердца моего, смирил и подчинил имени Сына Твоего, Иисуса Христа, Господа и Спасителя нашего, имени, которое прежде он не желал вставлять в писания наши. А ведь было время, когда он предпочитал школьные кедры церковным травам. Я вспоминаю, как взывал к Тебе, Господи, читая смиренные псалмы Давида, изгонявшие дух гордыни, как славно проводили мы время с Алипием, наслаждаясь покоем, как радовалась мать, соединявшая в себе женственность и мужскую ясность веры, материнскую любовь и христианское благочестие. Я читал псалмы, и любовь к Тебе наполняла меня. Как хотел я прочесть их всему миру, дабы сокрушилась гордыня людская! Но ведь их и читают по всему миру, «и ничто не укрыто от теплоты Твоей» (Пс. XVIII, 7).

Я не переставал возмущаться манихеями, но в то же время и жалел их, ибо им неведомы наши таинства, лекарство от их безумия, они отвергают противоядие, которое могло бы возвратить им ясность ума. Мне хотелось, чтобы они сейчас оказались рядом со мной и увидели, как светлеет лицо мое, сколько радости в глазах моих, когда я читаю: «Услышь меня, Боже правды моей! В тесноте Ты давал мне простор. Помилуй меня и

услышь молитву мою» (Пс. IV, 2). Пусть бы смотрели и слушали, а я бы и не подозревал об этом, дабы никто из них не подумал, что я говорю это и делаю ради них. Действительно, знай я об их присутствии, я бы был другим, да и они бы не поверили, не увидев, как изливается наедине с собою душа моя в любви к Тебе.

Я трепетал от страха и согревался верою в милосердие Твое, Отче. И все это отражалось в голосе и глазах, когда я читал слова Духа Твоего: «Сыны мужей! доколе слава моя будет в поругании? доколе будете любить суету и искать лжи?» (Пс. IV, 3). А разве я не любил суету, разве не искал лжи? А Ты, Господи, уже прославлял Святого Твоего, «воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах» (Еф. I, 20), да исполнится обещание Его послать другого Утешителя, Духа истины (Ин. XIV, 16,17). И Он послал Его, ибо прославлен, воскрес из мертвых и взошел на небеса. И восклицает пророк: «Сыны мужей! доколе слава моя будет в поругании? доколе будете любить суету и искать лжи? Знайте, что Господь отделил для Себя святого Своего» (Пс. IV, 3, 4). Он вопрошает «доколе», он восклицает «знайте», а я так долго не знал, любил суету и искал лжи! И потому я читал и содрогался: в призраках, за которыми я столько

лет гонялся, была суета и ложь. Жалили меня воспоминания мои, и я стенал громко и тяжко. О, если бы услышали меня те, кто любит суету и ищет лжи! Неужто не смутились бы они, неужто не очистились бы в сердцах своих, неужто не возопили бы: «Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (Рим. VIII, 34)?

Я читал: «Гневаясь, не согрешайте» (Пс. IV, 5). Как волновали меня, Господи, эти слова. Я гневался на себя за прошлое, дабы впредь не грешить, и гневался справедливо, ибо грешила во мне не чуждая мне природа, порожденная мраком, как утверждают те, кто не хочет гневаться на себя, собирая на себя «гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога» (Рим. II, 5). Блага мои были не вне меня, и не телесными глазами при свете дня надлежало искать их. Кто ищет радости от внешнего, быстро иссыхает, изливаясь на зримое и преходящее, лижа образы своим изголодавшимся воображением. О, если бы, истомившись от голода, они возопили: «Кто покажет нам благо?» (Пс. IV, 7). Пусть услышат они в ответ, что запечатлен в нас «свет лица Твоего, Господи» (там же), но сами мы — не свет, «Который просвещает всякого человека» (Ин. I, 9). Мы просвещены

Тобою, а потому «были некогда тьма, а теперь — свет в Господе» (Еф. V, 8). О, если бы узрели они это внутреннее и вечное! Как желал я показать им это, но не мог. Пусть бы принесли они мне сердца свои, отвратившиеся от Тебя ко внешнему, и спросили: «Кто покажет нам благо?» Оно там, где я гневался на себя, в тайниках сердца, где я был уязвлен, где убил и принес в жертву ветхого человека; там «Ты исполнил сердце мое веселием», там «хлеб и вино умножились» (Пс. IV, 8). Ну, а следующий стих принуждал сердце мое трепетать и изумляться: «Спокойно ложусь я и сплю» (Пс. IV, 9). Что значат слова сии? Не то ли, что исполнилось писанное: «Поглощена смерть победою» (I Кор. XV, 54)? Ты — Сущий и неизменный, и нет никого, кто был бы подобен Тебе, и Ты утвердил меня, малого, в моей надежде, Я читал и горел, но не знал, чем могу я помочь глухим мертвецам, к которым некогда принадлежал и я, пес, лающий на слова, светлые от света Твоего. Так страдал я, размышляя о врагах Писания Твоего.

Как вспомнить мне все, что передумал я в эти праздничные дни? Но не забыл я и не умолчу ни о жесткости бича Твоего, ни о дивном Твоем милосердии, Боже. Ты мучил меня тогда зубною болью, и когда она стала совсем невыносимой

и я утратил способность даже говорить, я написал на дощечке просьбу, с которой обратился к своим: помолиться за меня. Как только они преклонили колена, боль тотчас же отпустила меня. Признаюсь, я был устрашен, ибо ничего подобного со мною никогда не было. Так еще сильнее укрепилось в глубине сердца моего признание могущества Твоего, и я радостно восхвалил имя Твое. И, преисполненный веры, я не желал успокаиваться о прежних грехах своих, еще не прощенных таинством крещения Твоего.

Глава V

Каникулы закончились, и я отказался от места. Пусть ищут медиоланцы для своих школяров других торговцев словами, я же определился на службу Тебе. Да и грудная болезнь сделала из меня никудышнего учителя. Я написал письмо предстоятелю Твоему Амвросию, мужу святому, в котором изложил все прежние заблуждения свои, попросив указать мне книги, чтение которых лучше подготовило бы меня к принятию благодати. Он рекомендовал мне пророка Исаию, ибо, как мне кажется, он яснее других предвосхищал Евангелия и немало говорил о призвании язычников. Но я не понял даже первой главы и, решив, что и вся книга такова, отложил чтение ее до тех пор, пока не освоюсь с языком Писания.

Глава VI

Когда пришло время записаться на крещение, мы оставили деревню и вернулись в Медиолан. Алипий хотел креститься вместе со мной. Приняв решение смирять и укрощать плоть, он отважился на необычный поступок: пошел босиком по промерзшей тогда земле Италии. Мы взяли с собой и Адеодата, сына греха моего. Было ему тогда всего пятнадцать лет, но умом он уже превосходил многих весьма ученых мужей. Исповедаю Тебе дары Твои, Боже, ничего не получил от меня этот прекрасный мальчик, я только запятнал его грехом. Он был воспитан в учении Твоем, но это Ты внушил нам это, и никто другой. Есть у меня книга «Об Учителе», в которой он беседует со мною. Ты знаешь, что все мысли, вложенные там в уста собеседника, принадлежат ему, отроку шестнадцати лет. Много видел в нем я прекрасных даров Твоих, иногда даже страшась их изобильности. Кто, кроме Тебя, мог сотворить такое чудо? Ты рано забрал его у нас, но теперь я спокоен за него, и за отрочество его, и за юность. Мы взяли его тогда в товарищи, чтобы наставить в учении Твоем.

Мы крестились, и оставила нас тревога за прежние прегрешения наши. Я не мог в те дни нарадоваться, созерцая всю глубину намерения Твоего спасти род человеческий. Сколь слез пролил я над псалмами, взволнованно звучащими под сводами Церкви Твоей. Звуки вливались мне в уши, истина оседала в сердце; благоговение охватывало меня, и я рыдал, сладко и утешительно.

Глава VII

Незадолго до этого в медиоланской церкви было принято решение утешать и наставлять с помощью пения. Братья пели искренне и ладно, и устами, и сердцами. В то время Юстина, мать малолетнего императора Валентиниана, соблазненная арианской ересью, преследовала Амвросия. Поэтому многие верующие денно и нощно бодрствовали в церкви, готовясь в случае надобности принять смерть вместе со своим епископом, рабом Твоим. Там же все время молилась и мать моя, исполненная тревоги и бдения. Мы все волновались, весь город жил в смятении и беспокойстве. Тогда-то и решили петь гимны и псалмы по обычаю Восточной Церкви, дабы успокаивать верных, и с той поры этот обычай неукоснительно соблюдается и усвоен уже почти во всем христианском мире.

В те дни предстоятелю Твоему было видение, в коем открыто было место погребения мучеников Протасия и Гервасия, чьи тела сохранились нетленными в сокровищнице Твоей, дабы в надлежащее время быть явленными для обуздания царственной злобы. Они с надлежащими поче-

стями были перенесены в базилику Амвросия, и начались чудеса: исцелялись не только одержимые (причем демоны сами признавались в своем поражении), но и страдавшие от других недугов. Так, один медиоланец, слепой уже много лет и хорошо всем известный, узнав о происходящем, попросил поводыря отвести его к этому месту. Придя, он прикоснулся платком к носилкам, где лежали те, чья смерть «дорога в очах Господних» (Пс. CXV, 6), а затем поднес его к глазам своим. И что же? Глаза его тут же прозрели! Весть во мгновение ока облетела весь Медиолан, и лютая противница Твоя, хотя и не отреклась от своих заблуждений, но вынуждена была умерить свою ярость. Благодарю Тебя, Господи! Откуда и куда повел Ты воспоминания мои? Вот, я с трепетом говорю о великих делах Твоих, а ведь тогда и они не принудили нас броситься в Твои объятья! Тем более плакал я и воздыхал за пением гимнов Твоих, пока не проникло веяние ветра в дом мой травяной.

Глава VIII

Ты, Который «одиноких вводит в дом» (Пс. LXVII, 7), ввел в наш дом Еводия, молодого человека из нашего муниципия. Прежде он служил осведомителем, затем крестился, оставил службу и посвятил свою жизнь Тебе. Мы проводили все время вместе и вместе же решили продолжить наше служение. После долгих раздумий мы решили отправиться в Африку. По дороге, в Остии, мать моя скончалась.

Я многое опускаю, ибо тороплюсь. Прими, Господи, исповедь мою и благодарность за многие дела Твои. Но здесь я не умолчу, расскажу о том, что родилось в душе моей к этой рабе Твоей, родившей меня телом для преходящей жизни, а светом сердца своего — для жизни вечной. Я не могу не сказать о Твоих ей дарах: не сама же она создала себя, не сама воспитала. Ты сотворил ее, и ни мать ее, ни отец не знали, какой она будет, но только Ты. Ее наставляли в страхе Твоем розги Христа Твоего в верной семье, все члены которой были в Церкви Твоей. За воспитание свое она не столько хвалила свою мать, сколько старую служанку, носившую когда-то еще отца ее. За

это пользовалась она в старости своей особым почетом в доме, почему и доверили ей воспитание хозяйских детей. Преисполненная святой строгости и суровая в наказаниях, в наставлениях она была разумна и рассудительна. Она, например, даже в жару разрешала им пить воду только за обедом, говоря: «Сейчас вы пьете воду, а, повзрослев, станете распоряжаться и винными погребами. Плохо, если привычка к питью закрепится в вас с самого детства». Таким образом, когда поучая, а когда и приказывая, умеряла она детскую жадность и во всем добивалась умеренности, дабы не прельщало детей недолжное и непристойное.

И, однако, как признавалась мне слуга Твоя, мать моя, незаметно овладела ею страсть к вину. Дело в том, что, зная ее скромность и воздержанность, родители поручили ей доставать вино из погребов. И вот, черпнув сосудом из бочки, она, прежде чем перелить содержимое в бутылку, отхлебывала по глоточку. Поначалу вино ей не нравилось, и делала она это только из детского озорства, как бы назло старшим. Но мало-помалу она попривыкла и стала пить целыми кубками. Где была тогда строгая старушка? Да и кто в силах одолеть тайные пороки наши, если Ты, Госпо-

ди, не смилостивишься над нами, не излечишь прикровенным врачеванием Твоим? Нет отца, матери и кормилиц, но всегда есть Ты, Создатель, призывающий нас к Себе, Который даже через злых людей сотворяешь доброе, чтобы спасти наши души. Что сделал Ты тогда, как исцелил? Бранным и грубым словом, сорвавшимся из чужих уст, как острым ножом Ты удалил назревавшую опухоль. Служанка, сопровождавшая ее, обозвала свою младшую хозяйку горькой пьяницей. Слова эти вмиг отрезвили ее: увидев всю скверну своего поступка, она тотчас осудила ее и вмиг от нее избавилась.

Так друзья, похваливая, портят, а враги, браня, исправляют. Но Ты воздаешь им не за то, что делаешь через них, а за их намерения. Служанка, разгневавшись, вовсе не хотела исцелить хозяйку; она или просто искала ссоры, или боялась за себя, ибо вовремя не донесла. Ты же, Господи, Творец и Правитель неба и земли, безумием одной души исцелил другую. И если кто-либо, желавший исправления другого и исправивший его словом своим, прочтет эти строки, пусть поразмыслит и не станет приписывать себе этого исправления.

Глава IX

Воспитанная в целомудрии и воздержании, скорее подчиняясь родителям благодаря Тебе, чем Тебе — благодаря родителям, она была отдана замуж и служила мужу, как господину, стараясь обратить его к Тебе. Муж любил ее и уважал, хотя и не хранил ей верности. Она же спокойно переносила его измены; по крайней мере, у них никогда не было из-за этого ссор. Она все ждала, что он обратится к Тебе и обретет целомудрие. В муже ее сочеталась необычайная доброта и необычайная же вспыльчивость, и она знала, что когда он разгневан, ему нельзя перечить ни словом, ни делом. Но когда он успокаивался, ему можно было объяснить любой свой поступок. А между тем у многих женщин, чьи мужья были куда терпеливей, на лицах часто появлялись следы от пощечин, и когда в беседе между собой они винили своих мужей, мать обыкновенно винила их язык. Она часто как бы в шутку говорила им, что брачный контракт — это документ, превращающий их в служанок, а потому им не должно превозноситься перед своими господами. Зная темперамент ее мужа, соседки не раз удивлялись:

как это Патриций ни разу не побил свою жену, более того, ни разу всерьез с ней не рассорился? Они все допытывались, в чем секрет, она же отвечала им то, что я привел выше. Понявшие это не раз ее благодарили, не понявшие же продолжали страдать.

Дурные служанки начали было восстанавливать против нее свекровь, но мать моя, неизменно услужливая и кроткая, взяла над ними верх, так что та даже пожаловалась сыну на служанок и потребовала их наказать. Когда тот выполнил материнскую просьбу, она пригрозила остальным, что и впредь будет наказан всякий, кто, желая угодить ей, станет поносить невестку. После этого в доме установился мир и порядок, и зажили они дружно и в полном согласии. «Бог мой, милующий меня» (Пс. LVIII, 18), Ты ниспослал рабе Твоей, выносившей меня в чреве своем, еще один благостный дар. Где бы ни повстречались ей ссорящиеся, везде могла она примирить их и успокоить. Она терпеливо выслушивала жалобы и упреки обеих сторон и всегда находила слова, умеющие примирить их и утишить злобу. Я бы не счел этот дар за великое благо, если бы не знал по собственному горькому опыту, что люди часто склонны раздувать такие ссоры, передавая

врагам все дурное, что говорит о них противная сторона. А ведь им следовало бы не разжигать злыми словами людскую вражду, но гасить ее словами добрыми. Такова была мать моя, наставленная Тобою в сердце своем.

И вот свершилось — к концу жизни своей муж ее стал христианином: это она приобрела его для Тебя, простив ему все, что терпела от него — язычника. Была она преданной служанкой служителей Твоих, и те из них, кто ее знал, чтили и любили в ней Тебя, ибо видели Тебя в сердце ее. Такова была ее святая жизнь: она была «женою одного мужа, известная по добрым делам» (I Тим. V, 9, 10), воспитывала сыновей, не столько мучаясь при родах, сколько — видя, что они сбиваются со стезей Твоих. Но вот и мы, по милости Твоей, стали служителями Твоими. И обо всех нас, живших до смерти ее в дружеском союзе и вместе получивших благодать Твоего крещения, она заботилась как о своих детях, служа нам, как родителям своим.

Глава X

Уже близок был день ее ухода, но мы не знали об этом — Ты знал. Случилось так (и в том проявилось тайное попечительство Твое), что мы остались с ней вдвоем. Мы стояли у окна и смотрели на внутренний садик того дома в Остии, где остановились, поджидая корабль. Мы вели сладостную беседу, «забывая заднее и простираясь вперед» (Флп. III, 13), спрашивали друг у друга пред лицом Истины, какова будущая жизнь святых; «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (I Кор. II, 9), но устами сердец своих желали мы припасть к живительным струям Твоего небесного источника, «ибо у Тебя источник жизни» (Пс. XXXV, 10), дабы, омывшись живительной влагой, объять в меру слабых сил наших величие ее. Когда же речь у нас пошла о том, что любое телесное удовольствие, каким бы чистым оно ни было, есть ничто по сравнению с радостями той жизни, то, возносясь к Тебе всем сердцем своим, мы перебрали все творения Твои и дошли до самого неба, откуда светят нам светила великие и звезды. Так, войдя в себя, думая и говоря о творениях Твоих, пришли

мы к душе нашей и вышли из нее, дабы достичь страны неиссякаемой полноты, где Ты вечно питаешь Израиля пищей истины, где жизнь — это Премудрость, от Которой — все. Несотворенная и неизменная, она вечно пребывает в «сейчас», ибо для вечности нет «вчера» и «завтра». И говоря о ней и к ней стремясь, мы чуть-чуть прикоснулись к ней сердцами своими. И, вздохнув, мы обрели «начаток Духа» (Рим. VIII, 23) и вернулись к себе, к словам своим, возникающим и тающим в воздухе.

Что подобно Слову Твоему, Господу нашему, вечно пребывающему в Себе, нестареющему и все обновляющему! Я говорил: «Пусть умолкнут волнения плоти и все представления о земле, воде и воздухе, пусть умолкнет само небо и сама душа, пусть выйдет она из себя, забыв о себе; пусть умолкнут сны и воображения, всякий язык, всякий знак, все возникающее и преходящее, что может сказать о себе: „Не мы создали себя, но Тот, Кто живет вечно“; и вот, в наступившей тишине заговорит Он Сам, один, не через них, а от Себя. Да услышим слово Его не из плотских уст, не в ангельских напевах, не в грохоте бури, не в притчах и подобиях, а от Него Самого, любимого нами в творениях Его, услышим так, как слы-

шали сейчас, когда, оставив самих себя, духом прикоснулись к вечной Премудрости. О, если бы это мгновение могло продлиться! Если бы все низшее исчезло и она одна восхитила бы и объяла глубокой радостью своих созерцателей! Не это ли жизнь вечная? Не об этом ли мы воздыхали, читая: „Войди в радость господина твоего“» (Мф. XXV, 21)? И когда это будет? Не тогда ли, когда «не все мы умрем, но все изменимся» (I Кор. XV, 51)?

Так говорил я; возможно, слова были другими, но Ты знаешь, Господи, что в тот день ничтожным казался нам весь этот мир с его жалкими наслаждениями, и мать отвечала мне: «Сын мой! Зачем мне эта жизнь? Какие мирские надежды удерживают меня здесь? Было только одно, почему я хотела задержаться в этой жизни: прежде чем умереть, я хотела увидеть тебя православным христианином. Но Господь даровал мне большее: дал увидеть тебя смиренным рабом Его, презревшим земное счастье. Что же еще? Что мне здесь делать?»

Глава XI

Уже не вспомню, что я ответил ей, но не прошло и пяти дней, и она слегла в лихорадке.

В один из этих дней она на короткое время лишилась чувств, а придя в себя, спросила у меня и брата, стоявшего рядом: «Где я была?» Затем, увидев глубокую скорбь нашу, добавила: «Здесь похороните мать вашу». Я молчал: слезы душили меня. Брат, желая ее утешить, что-то сказал насчет того, что ей следует потерпеть, дабы, если и умереть, то умереть на родной земле. Мать встревожилась за него, сказав мне: «Что он говорит?», а затем прибавила: «Не беспокойтесь о теле, похороните где придется. Об одном прошу, поминайте меня у алтаря Господня». После этих слов она умолкла, страдая от усиливающейся болезни. Я же, думая о дарах Твоих, которыми Ты одаряешь сердца верных, радовался и благодарил Тебя; я ведь хорошо помнил, как некогда волновалась она о своем погребении, все предусмотрела и приготовила себе место рядом с могилой мужа. Жили они в мире и согласии, и она, по человеческой слабости, мечтала еще о добавке, чтобы люди говорили: «Вот судьба! Столько лет она про-

вела вдали от дома, а теперь вернулась, и прах ее смешался с прахом супруга». Я не знал, когда по благости Твоей ослабело в сердце ее это суетное желание. Я радовался и удивлялся, видя это, хотя еще в тех словах, сказанных матерью у окна: «Что мне здесь делать?», уже читалось безразличие к тому, где и как ей умереть.

Уже гораздо позже я случайно узнал, что незадолго до смерти она, беседуя с моими друзьями, говорила о презрении к жизни и о благе смерти. Они, придя в изумление от ее мужества, ниспосланного Тобою, спросили ее, неужто ей не жалко быть погребенной в чужом городе, вдали от дома. «Ничто не далеко от Господа, — ответствовала она, — неужто при конце мира Он не вспомнит, где меня воскресить?»

Итак, на девятый день болезни, на пятьдесят шестом году жизни своей (мне же было тогда тридцать три года), верующая и благочестивая душа рассталась со своим бренным телом.

Глава XII

Я закрыл ей глаза; невыразимая печаль переполняла душу мою, рвалась наружу, желая излиться слезами. Но я внимал голосу разума, и глаза оставались сухими. Тяжко мне было в этой борьбе. Когда изошел дух ее, Адеодат, еще дитя, жалобно заплакал, но мы принудили его замолчать. И так же принудил я то детское во мне, что стремилось расплакаться чистым голосом сердца, сдержаться и умолкнуть. Мы не хотели отмечать кончину ее жалобами и стенаниями, коими оплакивают горькую долю умерших, как бы полное их исчезновение. Но разве горька была для нее эта смерть, да и умерла ли она? Не об этом свидетельствовали и ее нравы, и «нелицемерная вера» (I Тим. 1, 5) ее.

Что же так болело во мне? Свежа была рана оттого, что разрушились милые привычки, сладостная наша совместная жизнь оборвалась. Мне отрадно было вспоминать, как ласково благодарила она меня во время последней своей болезни, называла добрым сыном и с любовью вспоминала, что никогда не слышала от меня ни одного грубого слова. Но разве, Господи мой,

можно сравнивать мое почтение к ней с ее служением мне? Лишился я любящей души, великой утешительницы моей; ранена была душа моя, ополовинена жизнь: ведь ее жизнь и моя стали единой жизнью.

Мы удержали мальчика от плача; Еводий запел псалом, и мы вторили ему: «Милость и суд, буду петь; Тебе, Господи, буду петь» (Пс. С, 1). Услышав пение, пришли многие из братьев и несколько женщин. Те, кому это полагалось, начали обряжать тело, я же стоял в стороне, беседуя с людьми о том, что приличествовало этому скорбному часу, лекарством истины пытаясь смягчить свои муки, ведомые Тебе, но неизвестные слушателям моим, полагавшим, что я не чувствую никакой боли. Я же исповедался Тебе в слабости своей, пытался преградить путь скорби; но она, на время как бы успокоившись, вновь прорывала хрупкую плотину и подхватывала меня своим бурным потоком. Я оставался внешне спокойным, но Ты знаешь, Боже, что творилось в сердце моем! И еще угнетало меня то, что так потрясает меня смерть, неизбежно наступающая по законам плоти, и эта двойная печаль томила душу мою.

Тело было вынесено; мы пошли и вернулись без слез. Даже во время молитвы, когда, по обычаю

тех мест, тело до положения в гроб лежало рядом с ним, даже тогда я сумел удержаться от слез. Весь день я тайно скорбел, моля Тебя утишить боль. Но Ты не сделал этого, думаю, затем, чтобы явить, сколь крепки узы привычки даже для души, избравшей истину и отвернувшейся от лжи.

Я решил сходить в бани, ибо слышал, что греки, назвав бани βαλανειον, хотели этим сказать, что они «прогоняют скорбь» (βαλειν ανιαν). Но вот, грязь сошла, а скорбь осталась. Затем я поспал и, когда проснулся, почувствовал, что боль смягчилась. Я лежал в полном одиночестве на ложе своем, и тут пришли мне на память строки из гимна, написанного рабом Твоим Амвросием:

Господь, всего Создатель — и неба, и земли Ты — света дню податель и ночи тишь — внемли! Утешь в печали душу, дай сипы поутру, Чтоб тело, отдохнувши, вновь принялось за труд.

И тут вернулись ко мне прежние воспоминания: я вспомнил верную служанку Твою, ее благочестие, ее святую ласку и любовь, которых я навсегда лишился, и мне так захотелось плакать о ней, о себе и за себя, что сдерживаться более не было уже сил: и слезы обильно полились из глаз моих. И успокоилось в них сердце мое, и только двое слышали плач мой, я и Ты, Господи.

И теперь, Боже, Тебе пишу я исповедь свою. Пусть тот, кто прочтет эти строки, осуждает меня, если сочтет, что я согрешил этим плачем над матерью своею, долгие годы плакавшей обо мне, пусть посмеется надо мною; но если есть в нем великая любовь, пусть он заплачет о грехах моих пред Тобою, Отцом всех братьев во Христе Твоем.

Глава XIII

Исцелившись от раны, нанесенной сердцу моему плотью и кровью, я изливаю теперь пред Тобою, Боже, за эту рабу Твою иные слезы, те, что текут, когда душа сострадает другой душе, умершей в Адаме. И хотя, ожив во Христе, но не разрешившись еще от тела, она жила, прославляя имя Твое и верою, и благочестием, я все же не решусь утверждать, что с того момента, как Ты возродил ее крещением, не вышло из ее уст ни единого слова, противного заповедям Твоим. А ведь сказано, что «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. V, 22), и горе всякому, даже самому достойному, если Ты не пожелаешь смилостивиться над ним. Только по милосердию Твоему мы уповаем на спасение. Что есть все заслуги наши, как не дары Твои? Истинно сказано, что мы только люди, а потому «хвалящийся хвались о Господе» (II Кор. X, 17). Итак, Господи сердца моего, забыв на время о добрых делах ее, за которые никогда не устану благодарить Тебя, теперь молю Тебя за грехи ее: услышь меня и прости ее во имя Искупившего нас Единородного Твоего, принявшего крестные

муки и ныне сидящего одесную Тебя, дабы ходатайствовать за нас (Рим. VIII, 34). Я знаю: она была милосердна и от всего сердца прощала должникам своим; прости и Ты ей грехи ее, если она в чем-либо прегрешила пред Тобою за столько лет после крещения. Прости ей, Господи, молю, превознеси милость над судом (Иак. II, 13), ибо Ты обещал милость к милостивым. А быть такими — Твой дар, и это Ты сказал: «Кого помиловать — помилую, кого пожалеть — пожалею» (Исх. XXXIII, 19).

Думаю, Ты исполнил эту просьбу мою, но «благоволи же, Господи, принять добровольную жертву уст моих» (Пс. CXVIII, 108). Ведь и в день кончины своей думала она не о похоронах, не о посмертных почестях, не о погребении в родной земле, но просила только об упоминании ее у алтаря Твоего, которому служила, не пропуская ни единого дня, ибо знала, что там подается святая Жертва, учением Которой истреблено «бывшее о нас рукописание, которое было против нас» (Кол. II, 14), и одержана победа над врагом. Он ведет счет проступкам нашим, ищет, в чем обвинить, но ничего не находит в Том, в Ком наша победа. Кто искупит кровь невинную, кто заплатит цену, которую Он заплатил, дабы выкупить нас

у врага? К этому таинству прилепилась душа верной Твоей. Да не похитит ее никто у Тебя, да не проберутся к ней силой или хитростью лев или змей; она ведь не скажет им, что ничего не должна, дабы никто не уличил ее и не схватил, но только скажет, что прощена уже Тем, Кому никто не вернет то, что Он отдал за нас, Сам не будучи должен.

Да пребудет она в мире с супругом своим, кроме которого никого не знала и которому служила, «принося плод в терпении» (Лк. VIII, 15), чтобы приобрести его для Тебя. Внуши же, Господи, рабам Твоим, братьям моим, сынам Твоим, господам моим, которым служу словом и сердцем, чтобы они, читая эти строки, поминали у алтаря Твоего Монику, служанку Твою, вместе с Патрицием, мужем ее, через плоть которых Ты ввел меня в эту жизнь. Пусть с любовью поминают их, родителей моих в сем преходящем мире и братьев моих в Тебе, Отец вечный, Пастырь православного стада Твоего, Правитель небесного Иерусалима, о котором воздыхает в странствии своем народ Твой. И пусть молитвами многих исполнится последняя просьба ее, — через исповедь мою, а не только через одни мои молитвы.

Книга десятая

Глава I

Да познаю я Тебя, ибо «теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (I Кор. XIII, 12). Да исполнится душа моя силой, да пребудет достоянием Твоим, «не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного» (Еф. V, 27). На это уповаю, об этом говорю, этою надеждой утешаюсь (Рим. XII, 12) и радуюсь здравостью утешения. Все прочие блага стоят тем меньше, чем больше о них печалятся, и тем дороже, чем меньше о них плачут. «Ты возлюбил истину в сердце» (Пс. L, 8), и «поступающий по правде идет к свету» (Ин. III, 21). И я хочу поступать по правде в сердце своем пред лицом Господа в исповеди моей и в писании пред лицом многих свидетелей.

Глава II

Что могло бы укрыться во мне от Тебя, Господи, даже если бы я и не пожелал исповедаться Тебе, пред очами Которого «все обнажено и открыто» (Евр. IV, 13)? Я только бы скрыл Тебя от себя, сам же от Тебя бы не скрылся. И теперь, когда вопль мой свидетельствует о моем недовольстве собою, Ты склоняешься ко мне, дозволяя любить Тебя и услаждаться этой любовью, стыдясь себя и отвергая ради Тебя, находя в Тебе источник примирения и с Тобою, и с самим собой. Тебе, Господи, известно, каков я есть, и ведомо, зачем исповедаюсь Тебе. Я делаю это не телесными словами, но духовными, стенаниями помышлений моих, коим внемлет ухо Твое. Если я плох, то исповедь Тебе — разочарование в себе, если — хорош, то исповедоваться — значит не приписывать своих добродетелей самому себе, ибо это Ты, Боже, «благословляешь праведника» (Пс. V, 13), Ты же, оправдывая нечестивого, «веру его вменяешь в праведность» (Рим. IV, 5). Так совершается исповедь моя: беззвучно и немолчно. Молчат уста, но сердце вопиет любовью. Я говорю людям только ту истину, которую Ты уже услышал от меня.

Ты же услышал от меня только то, что Сам мне и внушил.

Глава III

Что мне до того, что услышат люди признания мои? Разве в силах исцелить они недуги мои? Им любопытно узнавать о чужой жизни, но лень исправлять свою собственную. Зачем им знать от меня, каков я, если они не желают узнать от Тебя, каковы они сами? Слыша признания мои, откуда узнают они, правду ли я говорю, «ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем» (I Кор. II, 11)?

Если же услышат они от Тебя о себе, то кто из них усомнится, кто скажет: «Господь глаголет неправду»? Ибо слышать от Тебя о себе не то ли же самое, что узнавать себя? А если кто, познав себя, скажет: «Это неправда», тот разве не солжет при этом сам себе? Но так как любовь «все покрывает, всему верит» (I Кор. XIII, 7), в особенности же верит тем, с кем соединяет воедино, то я, Господи, исповедаюсь Тебе вслух, дабы люди, которым я не могу доказать правдивости признаний моих, верили мне любовью.

Но Ты, Врач сердца моего, ответь мне, какова польза от моих признаний? Пусть исповедь прежних беззаконий моих, которые Ты покрыл

и простил мне, чтобы наделить меня блаженством в Тебе (Пс. XXXI, 1, 2), возродив душу мою верой и таинством Твоим, — пусть эта исповедь побудит сердца читающих и слушающих ее не отчаиваться от осознания собственного бессилия, но бодрствовать в любви к милосердию Твоему и в радости от благодати Твоей, укрепляющей немощных, которые через нее постигают собственную немощь. И добродетельным приятно слышать о своих прошлых беззакониях; не потому приятно, что они — беззакония, а потому, что они были, а теперь их нет. Но почему, Господи мой, Коему ежечасно исповедуется совесть моя, успокаивающаяся более надеждой на Твое милосердие, чем на свою непорочность, почему, скажи, я исповедываюсь Тебе письменно, т. е. перед людьми, не в том, каким я был, а в том, каким я стал? Польза первых признаний очевидна, но многие, знающие меня или слышавшие обо мне, желают знать, каков я теперь; а ведь слуху их недоступно сердце мое, каким бы оно ни было. Они хотят услышать исповедь о внутренней жизни моей, которая недоступна ни их слуху, ни зрению, ни как бы то ни было еще: выходит, они согласны верить мне, хотя и не могут узнать наверняка, правду ли я говорю. Любовь, делающая

их добрыми, подсказывает им, что в словах моих нет лжи. Самая их любовь верит словам моим.

Глава IV

Но для чего им знать обо мне? Возможно, они хотят разделить со мной мою радость, слыша, как я, по благодати Твоей, приближаюсь к Тебе? Или желают молиться за меня, узнавая, как сильно препятствует мне в этом греховность моя? Для таких людей я готов продолжать. Ибо немало пользы в том, Господи, если многие возблагодарят Тебя за меня и будут молиться пред Тобою обо мне. Душа же брата моего любит во мне то, что по учению Твоему достойно любви, и оплакивает то, что достойно сожаления по слову Твоему. Только дух братний поступает так, а не дух сынов чуждых, «которых уста говорят суетное, и которых десница — десница *лжи*» (Пс. CXLIII, 8). Но дух братний, одобряя меня, радуется обо мне, осуждая меня, печалится обо мне, потому что и в том и в другом случае — любит меня. Для таких людей я пишу: пусть порадуются они тому, что есть во мне доброго, пусть посокрушаются злому. Доброе во мне — Твой дар, злое же — мое преступление, осуждаемое Тобою. Пусть братья мои и порадуются, и посокрушаются обо мне: и хвала, и плач из сердец их пусть восходят пред

лице Твое, как кадило благоуханное (Пс. L, 3). Ты же, Господи, приемля фимиам святого храма Твоего, призри ко мне по великому милосердию Твоему и, продолжая благое промышление Твое, истребляй несовершенства мои.

Такова польза исповеди не о моем прошедшем, но о моем настоящем, которую я приношу не только пред Тобою, но и пред сынами человеческими, верующими, сообщниками в радости моей и соучастниками в моей смертности, пред согражданами и спутниками моими в жизни моей. Они слуги Твои, братья мои, которых Ты благоволил усыновить и повелел мне служить им, если хочу по благодати Твоей жить с Тобою. Если бы Сын Твой, Слово Твое, только наставлял, этого было бы мало. Но Он указал нам путь своим примером. Вот и я исполняю повеление Твое словом и делом под сенью крыл Твоих. Сам я мал и ничтожен, но вечно жив Отец мой, и Он сохранит меня. Кто произвел меня, Тот и сохраняет. Ты — сокровище мое, которое всегда со мною. Итак, расскажу теперь тем, кому Ты велишь мне служить, не о том, каким я был, а о том, каким стал. Но я «сам не сужу о себе» (I Кор. IV, 3): пусть помнят об этом слушающие меня.

Глава V

Ты же, Господи, судишь меня, «ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем» (I Кор. II, 11)? Но есть нечто в человеке, чего не знает и сам дух человеческий, живущий в нем, а Ты, Господи, создавший человека, знаешь все. Да и сам я, хотя уничижаю себя пред лицом Твоим и почитаю себя прахом и пеплом, однако же знаю о Тебе нечто такое, чего не знаю о себе. Конечно, теперь мы видим Тебя как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, и еще не познали, как Ты познал нас (I Кор. XIII, 12); кроме того, когда я удаляюсь от Тебя, то бываю ближе к себе, чем к Тебе, и все-таки я знаю о Тебе, что Ты не можешь согрешать, о себе же не знаю, каким искушениям могу противиться, а каким — нет. Но так как Ты верен Своим обещаниям, то верю: Ты не пошлешь нам искушений, превосходящих наши силы. Итак, я исповедаюсь и в том, что о себе знаю, и в том, чего не знаю. Ибо и то, что я знаю, знаю лишь посредством света Твоего, а чего не знаю, не знаю только до тех пор, пока не воссияет «свет Твой во тьме, и мрак Твой будет как полдень» (Ис. LVIII, 10).

Глава VI

Нисколько не сомневаясь и по твердому убеждению люблю Тебя, Господи! Ты коснулся словом Твоим сердца моего, и оно возлюбило Тебя. И земля, и небо, и все, что в них есть, отовсюду внушают мне любовь к Тебе, непрестанно убеждая к этому всех людей, «так что они безответны» (Рим. I, 20). Но Ты тем паче помилуешь, ибо говоришь: «Кого миловать — помилую; кого пожалеть — пожалею» (Исх. XXXIII, 19; Рим. IX, 15), хотя небо и земля и глухим возвещают хвалы Твои. Что же люблю я в Тебе? Не телесную красоту, не преходящую славу, не ясность света, не нежные напевы, не благоухание цветов, не манну и мед, не прекрасные тела. Не это я люблю, любя Бога моего, и все-таки люблю и это, когда люблю Господа моего. В Боге же сияет для душ людских нечто вне пространства, звучит что-то вне времени, благоухает то, что не разносится в воздухе, насыщает то, чем нельзя пресытиться, объемлется необъятное. Вот что люблю я, любя Господа моего.

Но что же такое Бог мой? Я спросил у земли, и она ответила: «Это не я»; и все, что на земле, повторило то же. Я спросил у моря и бездны, и

у всех, живущих там, и они сказали: «Не мы Бог твой, ищи выше». Я спросил у воздуха с ветрами его и услышал: «Заблуждался Анаксимен — это не я». Я обратился к солнцу, луне и звездам, и они ответили мне: «Не мы Бог, Которого ты ищешь». И тогда я сказал всему, что подлежит телесным чувствам моим: «Коль вы не боги, скажите мне о Боге моем». И воскликнули они мне в ответ: «Он тот, Кто сотворил нас». И тогда я спросил сам себя: «Кто ты?» И ответил: «Человек». Вот, состою я из тела и души; тело снаружи, душа внутри. В чем же, в душе или в теле искать мне Бога моего. Конечно, душа лучше тела. Духу телесные чувства возвестили все ответы и неба, и земли, и всего, что в них есть: «Не мы Бог, но Он сотворил нас»; внутренний человек осознал при помощи внешнего; я, внутренний человек, познал это; я, дух, с помощью телесных чувств. Я вопросил всю вселенную о Боге, и она ответила: «Не я, но Сотворивший меня».

Не всем ли существам, чьи органы чувств здоровы, открывается та же картина вселенной? Тогда почему не всем очевидно то же самое? Большие и малые твари видят вселенную, но не могут вопрошать ее, ибо лишены разума, обсуждающего то, что возвещают чувства; они не могут иссле-

довать природу так, чтобы «невидимое Господа, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений стали видимы» (Рим. I, 20). Что же до людей, то хотя они и наделены разумом, но из-за чрезмерного увлечения и пристрастия к тварям не могут судить о них надлежащим образом. Тварь возвещает о свойствах Божиих не вопрошающим только, но и обсуждающим; она не изменяет своего вида, чтобы одному казаться так, а другому — иначе, но при этом для одних она нема, для других — красноречива. Можно даже сказать, что она красноречива для всех, но понимают ее язык лишь те, кто сопоставляет услышанное с голосом внутри них звучащей истины. И истина говорила мне: «Бог твой не есть ни небо, ни земля, ни что-либо телесное. Об этом говорит сама природа телесного: это масса, в которой часть всегда меньше целого. Куда лучше всего этого душа, образующая тело и оживляющая его, чего не способна сделать материя. Но Бог — это Жизнь жизни ее».

Глава VII

Итак, что же люблю я, когда люблю Господа моего? Кто Он, превосходящий самые возвышенные силы души моей? Через душу свою стану восходить к Нему. Я не буду останавливаться на жизненной силе души моей, которой я связан с телом и оживляю его. Не с ее помощью я отыщу Бога моего, ибо в противном случае Его бы нашли «и конь, и лошак несмысленный» (Пс. XXXI, 9); ведь такою же силою оживляются и их тела. Есть другая сила, не только оживляющая, но и дающая способность ощущать; она велит глазу не слышать, а уху — не видеть, но каждому органу делать свое дело; разное получаю я через них, но при этом остаюсь единым духом. Но и эта сила не интересует меня — и она есть и у коня, и у лошака, также наделенных телесными чувствами.

Глава VIII

Оставляю в стороне и эту силу, постепенно восходя к Создавшему меня. И вот вхожу я в обширные владения памяти, сокровищницы бесчисленных представлений о всякого рода вещах, доступных чувствам. Там сокрыто также и то, о чем мы думаем, всячески видоизменяя постигаемое чувствами. Там находится все, что мы вверили памяти и что не поглотило еще забвение. Когда я обращаюсь к ней и вызываю представления, то одни являются тотчас, другие — нет, как бы отыскиваемые в каких-то дальних сундуках; иные появляются не ко времени, будто бы вопрошая: «Не нас ли ты звал?», и я отстраняю их рукою сердца моего из воспоминаний до тех пор, пока не отыщу желаемое. Другие же представления по мере вызова появляются легко и легко же уходят на задний план, уступая место новым, дабы затем вновь так же легко появиться, когда я вновь призову их. Так часто бывает, когда я что-либо рассказываю по памяти.

В памяти сохраняются раздельно и по родам все впечатления, которые проникли туда каждое в свое время и каждое своим путем, например,

свет, цвета и формы вещей — через глаза, звуки — через уши, запахи — через ноздри и т. п. Все это принимается на хранение в обширные кладовые памяти, чтобы при необходимости быть выданными обратно. Не сами вещи входят в память, а только образы вещей, представляемые разуму при воспоминании о них. Но кто скажет, как возникают эти образы того, что было воспринято чувствами и сокрыто в глубине души? Ибо даже находясь в темноте и безмолвии я, если пожелаю, могу воспроизвести в памяти цвета и звуки, прежде как бы спрятанные и отложенные в сторону. Я легко могу востребовать их: язык в покое, горло молчит, а я пою; и зрительные образы, хотя они и во мне, не вмешиваются и не мешают, пока я роюсь в другой кладовой. То же происходит и с воспоминаниями от ощущений, полученных от других органов чувств: я отличаю, ничего не обоняя, запах лилий от запаха фиалок, предпочитаю мед виноградному соку, мягкое жесткому, ничего при этом не пробуя и не ощупывая, но только вспоминая.

Все это происходит во мне, в обширных хранилищах памяти. Там есть и небо, и земля, и море, и все, что я смог воспринять чувствами, — все, кроме мною забытого. Там встречаюсь я и с са-

мим собой и вспоминаю, что я делал и что при этом чувствовал. Там находится также и то, что я узнал от других и принял на веру. Пользуясь всем этим и сопоставляя воспринятое непосредственно мною и принятое на веру от других, я создаю различные образы: я вплетаю их в прошлое, из них тку ткань будущего. «Я поступлю так-то», — говорю я себе в уме своем, затем прибавляю: «О, если бы случилось то-то». «Да оградит Господь от того-то», — продолжаю я, и когда говорю, тут же предстают предо мною образы того, о чем говорю, и эти образы я также извлекаю из памяти; не будь их там, что бы я мог вообще сказать?

Велика сила памяти, Господи, беспредельна величина этой сокровищницы. Кто исследует глубины ее? Но и в нее не могу я вместить себя. Разум тесен для себя же. Но где находится то, что он не в силах вместить? Ужели вне его? И как он не вмещает этого? В великом изумлении перед всем этим цепенеют чувства мои и разум умолкает. И мне уже непонятно, как могут люди изумляться высоте гор, глубине океана, просторам рек, вращениям звезд, забывая о самих себе. Не удивляет их и то, что, говоря обо всем этом, я не вижу этого пред собою, но в памяти своей содержу и горы, и океан, и реки, и звезды, и будто

бы вижу их во всем их величии. Но не их поглотил я, а их образы, и я твердо знаю, что и какими телесными чувствами запечатлено во мне.

Глава IX

Но не только это хранит в себе память моя. Там есть и то, что узнал я посредством различных наук, все это как бы втиснуто в какое-то место, которое не есть место; тут уже не образы, а как бы сами предметы. Все мои познания в грамматике, диалектике и многом другом живут в моей памяти, причем не в виде их образов, а непосредственно сами они. Они не отзвучали и исчезли, подобно звукам, оставив в памяти только свой след, не пропахли в воздухе, оставив образ запаха, не прочувствовались, подобно пище, во рту, чтобы затем, потеряв свой вкус в желудке, сохранить воспоминание о нем в памяти: не сами эти явления хранит в себе память, но с изумительной быстротою овладевает их образами, раскладывает их и при воспоминании удивительным образом находит.

Глава X

Когда я слышу, что есть три рода вопросов: существует ли? что существует? в каком виде существует? — я получаю и удерживаю образы звуков, из которых составлены эти слова, и знаю, что они прозвучали в воздухе и уже исчезли. Мысли же, обозначенные этими звуками, я не мог воспринять ни одним из телесных чувств и нигде не мог увидеть, кроме как в уме. В памяти хранились не образы этих мыслей, а сами мысли. Откуда они вошли в меня? Пусть объяснит, кто может. Вот, обозреваю я все двери плоти моей и не нахожу входа для них. Глаза вопрошают: «А был ли у них цвет?»; уши вторят: «Звучали ли они?»; затем ноздри: «Каков их запах?»; чувство вкуса: «Коль нет у них вкуса, то при чем здесь я?»; осязание: «Раз они бестелесны, то как я могло их ощупать?» Откуда же и как проникли они в память мою? Не знаю. Не чужой же разум внушил их мне: нет, я все проверил собственным, признал их правильность и доверил на хранение, дабы при случае востребовать назад. Значит, они были в уме еще до того, как я их усвоил, но в памяти их тогда еще не было. Но если не в памяти, то

где? Ведь когда мне сказали о них, я узнал их и признал за достоверные. Выходит, они все-таки были в моей памяти, но были запрятаны столь глубоко, что не напомни мне кто-либо о них, сам бы я о них и не вспомнил.

Глава XI

Поэтому-то мы и говорим, что изучать то, что дано нам в образах чувственного восприятия, но созерцается без образов, как бы само в себе внутри нас, значит не что иное, как размышлением как бы перебрать то, что и прежде содержалось в памяти, но хранилось беспорядочно и было разбросано кое-как, а затем разместить все это и упорядочить, дабы теперь оно было всегда под рукой и легко доставалось при обычном усилии ума.

Сколько хранится в памяти уже известного, того, что всегда под рукой, о чем мы говорим, что изучили это и знаем! Но если я перестану время от времени перебирать это, оно вновь канет в ее глубинах, рассеется по укромным тайникам. И тогда опять придется все это находить и извлекать как нечто новое, знакомиться с ним и сводить воедино. Отсюда и слово cogitare[38]. Cogo и cogito так же соотносятся друг с другом, как ago и agito, facio и factito. Ум овладел этим глаголом, поскольк-

[38] Примечания: 38

Думать. Августин полагает, что это слово связано со словом cogendo (собирать).

ку именно в уме происходит собирание, сведение воедино, а это и называется обдумыванием.

Глава XII

Таким же образом память содержит бесчисленные законы и комбинации измерений и чисел; их не могло сообщить ей ни одно из телесных чувств, ибо нету них ни запаха, ни вкуса, они не светятся и не издают звуков, их нельзя пощупать. Я слышу только звуки обозначающих их слов, но слова — одно, а обозначаемое ими — совсем другое. Обозначение может быть сделано и на греческом, и на латинском, но сами предметы не зависят ни от греческого, ни от латинского. Я видел планы, начертанные рукою мастеров: линии на них порою настолько тонки, что напоминают паутинки; но линии, хранящиеся в моей памяти, это не их образы, это — нечто иное. Их знаешь, не связывая ни с каким телом, их узнаешь, погружаясь в себя. Телесные чувства дают представления о числах, ибо пересчитываем же мы видимые предметы. Но сами числа не суть образы этих предметов, они куда реальней. Пусть смеются надо мною те, кто не может этого понять; я же посочувствую их смеху.

Глава XIII

Все вышеупомянутые представления я удерживаю в памяти своей, помню и то, как им обучился. Память моя хранит и многочисленные опровержения сказанного мною: опровержения ложны, но память о них — истинна. Я разграничил правильное и ложное и запомнил эту грань. Запомнил я также и то, что часто занимался этим разграничением, но как часто и в связи с чем — помню смутно. Также и то, что я сейчас различаю и понимаю, я складываю в памяти, чтобы потом вспомнить, что сегодня я это понимал. Я помню, что я помнил, и вспомню о том, что вспомнил сейчас. Такова удивительная сила памяти!

Глава XIV

Даже мои душевные волнения хранит та же память, но не так, как они существуют в душе в момент страсти, а иначе, так, как приличествует это памяти. Я вспоминаю о былой радости, но это уже не радует меня так, как радовало тогда; вспоминаю о грусти, но не грущу; прежние страхи, приходя на ум, уже не страшат; страсть вспоминается бесстрастно. А бывает и так, что бывшую печаль я вспоминаю с радостью, а радость — с тоской. И речь ведь идет не о теле, а о душе. Чему было бы удивляться, если бы о бывшей болезни я вспоминал с радостью? Но ведь память-то и есть душа, ум. Когда мы хотим что-либо запомнить, то часто говорим: «Держи это в уме»; забыв о чем-то, вздыхаем: «Из ума вон». Но когда я радостно вспоминаю о прошлой печали, то в душе моей радость, а в уме — печаль. Причем душа радуется радостью, ум же не печалится от печали. Что же, память не связана с душою? Нет, память — это как бы желудок души, а радость и печаль — ее пища; в памяти она переваривается, теряя вкус. Сравнение это может показаться смешным, но некоторое сходство здесь есть.

И вот из памяти своей я извлекаю сведения о четырех чувствах, волнующих душу: страсти, радости, страхе и печали. Все мои рассуждения о них я нахожу в памяти, причем ни одно из этих волнующих чувств при воспоминании о нем меня не волнует. Еще прежде, чем я начал вспоминать о них, они находились в памяти моей, иначе я бы и не извлек их на свет своим воспоминанием. Возможно, как пища поднимается из желудка при жвачке, так и воспоминание вызывает эти чувства из памяти. Почему же вспоминающий о них не ощущает при этом ни сладости радости, ни горечи печали? Но кто бы стал говорить о страхах и печалях, если бы вынужден был при этом бояться и печалиться? Но, с другой стороны, мы не смогли бы ничего о них сказать, если бы память не хранила не только обозначения этих чувств, но и воспоминания о знакомстве с ними нашей души. Душа, по опыту знающая о них, передала эти знания памяти, и та их удержала.

Глава XV

Но как удержала, с помощью образов или без? Когда я говорю о камне или солнце, то хотя и не воспринимаю их в данный момент телесными чувствами, но образы их, конечно же, тут, в памяти. Я называю телесную боль, хотя сейчас у меня ничего не болит. Но представление о ней должно быть в моей памяти, иначе как бы отличил я ее от наслаждения? Я говорю о телесном здоровье, но, хотя я и здоров, не будь образа здоровья в памяти, я бы не вспомнил, что значит это слово. И больные ничего не знали бы о здоровье, если бы не помнили о нем. Я называю числа и вспоминаю о них, не об их образах, но именно о них самих. Я называю образ солнца, и вот он в памяти. Не образ образа, а сам образ, предстающий при воспоминании о нем. Я говорю о памяти и понимаю, о чем говорю. Откуда узнал я о ней, как не от нее самой? Неужели же и себя она видит в образе?

Глава XVI

Я вспоминаю о забвении и знаю, о чем вспоминаю. А ведь я вспоминаю не название, а то, что оно обозначает; если бы я забыл об этом, то и не знал бы, что это такое. Когда я говорю о памяти, то вот она, сама память, но когда я говорю о забвении, то здесь есть и память, и забвение: память, о которой я вспоминаю, и забвение, о котором вспоминаю. Но ведь забвение — это утрата памяти. Как же я вспоминаю то, при наличии чего я не могу вспоминать? Но я должен помнить о забвении, иначе откуда бы мне было знать, что это такое. О забвении помнит память, ибо не будь ее, не было бы и забвения. Выходит, не само забвение существует в памяти, но только образ его; будь там оно само, мы бы ничего не вспоминали. Кто в силах постигнуть все это? Кто поймет, как это все происходит?

Да, Господи, я размышляю над этим, тружусь над собой; я стал для себя землею, которую должно возделывать в поте лица своего. И ведь речь идет не о глубинах небесных и водных, не о звездных пространствах, не о тайнах земных; речь идет обо мне, о моей душе. Далеко от меня то, что

вне меня, но близок ли себе я сам? Непостижима мне сила памяти моей, но без нее для меня не было бы и меня. Что сказать мне, если я знаю, что помню о забвении? Сказать, что в памяти моей нет того, о чем я помню? Или сказать, что храню память о забвении затем, чтобы не забывать? И то и другое — нелепо. А что же еще? Возможно, следует сказать, что в памяти моей хранится не само забвение, а его образ? Но где существовало забвение прежде, чем образ его запечатлелся в памяти? Я вспоминаю Карфаген, его улицы и площади, лица людей, с которыми там встречался. Я помню пережитые мною печали и радости. Но все это было до того, как память схватила и удержала их образы, после чего я уже могу вспоминать об этом, перебирая в уме, хотя этого передо мною уже нет. И если в памяти хранится только образ забвения, то необходимо, чтобы где-то существовало и само забвение. Но даже если это и так, то как удержала память его образ? Ведь любое воспоминание должно было стереться в тот миг, когда ей повстречалось на пути забвение. Все это таинственно и непостижимо, но я все-таки твердо знаю, что помню о забвении, погребающем все, о чем мы помним.

Глава XVII

Велика сила памяти, Господи, ужасают неизъяснимые тайны ее глубин. И это — моя душа, я сам. Что же я такое, Боже? Какова природа моя? Сколь неизмерима жизнь в ее бесконечном многообразии! Широки поля памяти моей, бесчисленны ее пещеры и гроты: вот образы тел, вот и подлинники, дарованные различными науками, вот какие-то зарубки, оставленные переживаниями души; душа их уже не ощущает, но память хранит, ибо в ней есть все, что было когда-то в душе. Я ношусь по ней, стремглав погружаюсь в самые глубины, но не нахожу ни краев, ни дна. Такова сила памяти, такова сила жизни в том, что живет для смерти. Что делать мне, Боже, истинная Жизнь моя? Оставлю в стороне эту силу мою, что называется памятью, устремлюсь к Тебе, сладостный Свет мой. Я поднимусь душою к Тебе, ибо Ты выше меня, прикоснусь к Тебе, прильну всем сердцем своим. Память есть и у животных, и у птиц: как бы иначе находили они логова свои и корм? Оставлю ее, дабы прильнуть к Тому, Кто отделил меня от четвероногих, сделал мудрее птиц. Пренебрегу памятью своею, чтобы найти

Тебя. Но где найти? Истина моя, сладость и милосердие мое, где мне найти Тебя? Если не найду Тебя в памяти своей, то и не вспомню, а если не вспомню, то и не найду.

Глава XVIII

Потеряла женщина драхму и искала со светильником (Лк. XV, 8); если бы не помнила о ней, то и не нашла бы. А если бы и нашла, то откуда бы узнала, что это ее, если бы не помнила? Я помню, как искал и находил потерянное. И когда искал и спрашивали меня: «Не это ли то, что ты ищешь?», я отвечал: «Нет» до тех пор, пока не показывали мне искомое. Если бы я не помнил о том, что я ищу, как бы распознал я его, хотя бы мне его и указали? Если какой-либо предмет исчезает из поля зрения, но память хранит его образ, то его ищут до тех пор, пока он вновь не появится перед глазами. Найденное распознается по образу, хранящемуся в памяти. И мы никогда не скажем, что нашли потерянное, если не узнаем его, а узнаем только в том случае, если помним.

Глава XIX

Ну, а когда сама память теряет что-то, как это бывает, когда мы забываем и силимся припомнить, то где ищем мы, как не в памяти же? И если она представляет нам что-либо другое, мы это отбрасываем, и так продолжается до тех пор, пока не найдем то, что ищем. И тогда мы радостно говорим себе: «Вот оно!» Мы не сказали бы так, не узнай в нем искомого, и не узнали бы его, если бы не помнили. Но, однако же, мы о нем забыли! Или мы забыли только о части его, память же, привыкнув к целому и как бы охромев, требует возвращения недостающего? Мы повстречали знакомого, чье имя вылетело из головы, и мы мысленно перебираем разные имена, но лишь одно составляет с ним целое, и память не успокоится до тех пор, пока не сведет их воедино. А где было это имя, как не в самой памяти? Если даже нам напомнит его кто-то другой, все равно оно уже находилось там. Мы ведь не примем его на веру, но, вспомнив, подтвердим его истинность. Ну, а если имя полностью забыто? Тут-то и вспоминать нечего, а меж тем мы все равно ищем, а значит, все-таки забыли не до конца.

Глава XX

Как же искать мне Тебя, Господи? Когда ищу я Тебя, я ищу блаженной жизни. Буду искать, чтобы жила душа моя. Душа оживляет тело, душу же оживляешь Ты. Но как искать мне блаженную жизнь? Ее я пока не достиг, не могу сказать себе: «Вот она!» Но так как искал я ее, то как искал? Так ли, что вспоминал о ней, как бы зная о ней прежде, но забыв, хотя и помня о том, что забыл, или же я никогда не знал о ней, или настолько забыл, что и не вспомню об этом? Но разве не все стремятся к блаженству? Откуда же они узнали об этом, если так этого желают? Где увидели, чтобы полюбить? Не знаю как, но как-то она есть у нас, жизнь блаженная, хотя есть по-разному. Одни блаженны, уже достигнув ее, другие — счастливы надеждой; последним хуже, чем первым, но и они стократ блаженнее тех, кто и не живет блаженной жизнью, и не уповает на нее. Но и эти должны же что-то знать о ней, коль скоро и они о ней мечтают, хотя и непонятно, откуда у них эти знания.

И я задаю себе вопрос: если это воспоминание, то, значит, некогда мы все были блаженны,

каждый ли сам по себе, или же в том человеке, через которого грех вошел в мир, в котором мы все умираем и от которого рождаемся в скорби. Но суть не в этом, а в том, действительно ли это воспоминание. Мы не любили бы блаженной жизни, если бы не знали ее. Мы слышали это слово, но влечет-то нас не оно, а то, что оно только обозначает. Грек ведь не поймет и не затрепещет от радости, если ему скажут по-латыни: «блаженная жизнь», ибо она не связана ни с Грецией, ни с Римом, но стремятся к ней и римляне, и греки, и все остальные. Таким образом, она известна всем, и нет человека, который бы на вопрос, хочет ли он быть счастливым, искренне ответил бы: «Нет». Этого никогда бы не случилось, если бы у людей не сохранилось воспоминание о том, что есть блаженная жизнь.

Глава XXI

Но что это за воспоминание? Таково ли оно, какова моя память о Карфагене? Нет, блаженная жизнь — не тело, ее не увидеть глазами. Может быть, оно подобно воспоминаниям о числах? Тоже нет, ибо, зная числа, мы не стремимся к обладанию ими, зная же и любя блаженную жизнь, мы хотим обладать ею, хотим быть счастливыми. Возможно, оно похоже на воспоминание о красноречии? Нет, хотя многие хотят быть красноречивыми, даже не будучи таковыми. Однако они имеют представление о нем, слушая речи ораторов, получая от них удовольствие. Но откуда им было узнать о блаженной жизни? Может быть, мы вспоминаем о ней, как вспоминаем о радости? Пожалуй, да. Я вспоминаю о прежней радости даже в печали, как вспоминаю и о счастье, когда несчастлив. Но никакие внешние чувства никогда не сообщали мне о ней: я не видел ее, не нюхал, не слышал, не щупал, не пробовал на язык. Я узнал о ней, когда возрадовалась душа моя, и память сохранила это знание. Я вспоминаю о ней когда с тоскою, а когда и со стыдом — в зависимости от того, что доставляло мне эту

радость. Ведь порою доставляли мне радость и всякие непотребства, и память о них внушает мне отвращение, порою же радовался я доброму и чистому, и я вспоминаю об этом с тоской; я печален, ибо в прошлом уже эта радость.

Где же и когда я узнал блаженную жизнь, если помню и тоскую о ней, если так ее люблю? И ведь не я же один: все жаждут обладать ею. Если бы знание о ней не было твердым, не было бы и твердого желания ее иметь. Что же это такое? Если спросить у двух людей, стремятся ли они в армию, то один мог бы ответить утвердительно, другой — отрицательно, но если бы спросили у каждого из них, хочет ли он быть счастливым, оба не колеблясь бы ответили: «Хочу». Но при этом один из них затем и стремится к военной службе, чтобы быть счастливым, другой с этой же целью хочет ее избежать. И это потому, что у каждого своя радость, но блаженными хотят быть решительно все. Спросите их, что есть общего в их желаниях, и они ответят: «Мы хотим радоваться», и эту радость они и называют блаженной жизнью. У каждого свой путь, но цель — одна. А поскольку никто не может сказать, что это, если у него нет собственного опыта, то мы, услышав о блаженной жизни, узнаем о ней, порывшись в

своей памяти.

Глава XXII

Да будет далека, Господи, от сердца раба Твоего, который исповедуется Тебе, да будет далека мысль полагать себя блаженным, какою бы радостью он ни радовался. Есть только одна радость, которой не дано испытать нечестивым, но только тем, кто чтит Тебя бескорыстно: их радость — Ты сам. И истинно блаженна только та жизнь, в которой вся радость — это Ты, от Тебя и ради Тебя; только в этом блаженство, и другого не дано. Тот же, кто ищет радости в другом, гоняется за призраками; но и у такого есть свое представление о радости, которого он не бежит, также стремясь к блаженству.

Глава XXIII

Но можно ли всерьез утверждать, что все хотят блаженной жизни? Ведь те, которые не желают радоваться о Тебе (а в этом и состоит блаженная жизнь), не стремятся к действительно блаженной жизни. Или же все хотят ее, но «плоть желает противного духу, а дух — противного плоти» (Гал. V, 17), и потому многие довольствуются тем, на что им хватает сил, предпочитая радоваться этому и не желать обрести силы для большего. Если же я спрошу у них, в чем хотят они обрести радость, в истине или во лжи, то они, без сомнения, ответят, что в истине, ибо и блаженство они хотят обрести истинное, а не ложное. Но ведь Истина — это Ты. Значит, именно этой блаженной жизни желают все, все хотят радости от истины. Есть немало людей, которые охотно обманывают других, но я не знаю никого, кто хотел бы быть обманутым. Где же узнали они о блаженной жизни, как не там, где узнали они и об истине? Выходит, они любят то и другое: и блаженную жизнь, и истину. Но и истину любят они лишь потому, что в памяти их хранится воспоминание о ней. Почему же они ей не радуются, почему не блаженны? Потому,

что другое захватило их; оно прежде сделает их несчастными, чем слабая память сообщит им о том, что сделало бы их счастливыми; «на малое время свет есть с ними», пусть ходят, пока «не объяла их тьма» (Ин. XII, 35).

Почему же истина порождает ненависть, почему невзлюбили они Того, Кто проповедовал им ее? Они ведь хотят блаженной жизни, а она — это радость об истине. Не потому ли, что истину любят так, что, что бы ни любили, хотели бы, чтобы оно и было истиной? И так как никто не хочет обманываться, то тем более не хочет, чтобы его уличили в том, что он обманывается. Итак, истину ненавидят из любви к тому, что считают истиной. Они любят ее ласку, но ненавидят ее укоры. Желая обманывать, но не желая обманываться, ее любят, когда она показывает себя, и ненавидят, когда она показывает их. За это и претерпят они от нее: она раскроет их, но не откроется им сама. Увы, такова человеческая душа: слепая и вялая, гнусная и недостойная, она хочет прятаться, но не любит, когда прячутся от нее. Получает же она обратное: от истины ей не укрыться, но истина легко укрывается от нее. Но даже и в нищете своей душа хочет радоваться истине, а не лжи. Счастье же она обретет только

тогда, когда сможет радоваться самой Истине, единому Началу всего истинного.

Глава XXIV

Вот, Господи, сколько времени плутал я тропами памяти моей, и нигде не находил Тебя вне ее. Я ничего не нашел, чего бы не помнил о Тебе с того дня, как узнал о Тебе. И когда я узнал о Тебе, то уже не забывал Тебя. Где нашел я истину, там нашел я и Господа моего, мою Истину, нашел, чтобы никогда уже не забыть. Ты пребываешь в памяти моей, и вспоминая Тебя, я радуюсь о Тебе. Так щедро одарил Ты меня, призрев на мою нищету.

Глава XXV

Где пребываешь Ты, Боже, в памяти моей? Где это место, где храмина Твоя? Ты удостоил ее Своим пребыванием, но в какой ее части? Я обозрел те места, что есть и у животных, там нет Тебя, ибо там — только образы телесных предметов. Затем перешел к тем, где хранятся состояния души, но и там не нашел я Тебя. Я вошел в обитель самой души, ибо и о ней есть своя память; и там я Тебя не застал. Ты ведь не телесный образ и не состояние души, которое испытывает она, радуясь и негодуя, желая и боясь, вспоминая и забывая; наконец, Ты и не душа, ибо Ты — Господь Бог души моей. Все прочее изменчиво, Ты же — неизменен, и все-таки Ты удостоил память мою Своим святым пребыванием в ней. Но зачем вопрошаю я о месте: разве есть там место? Несомненно одно: Ты пребываешь в ней, ибо я помню Тебя с того дня, как узнал Тебя, и нахожу Тебя в ней, когда вспоминаю о Тебе.

Глава XXVI

Где же нашел я Тебя, чтобы узнать Тебя? Тебя не было в памяти моей до того, как я узнал Тебя. Где же нашел я Тебя, чтобы узнать, где, как не в Тебе, надо мной? Не в пространстве же, Господи, мы удаляемся от Тебя, не в пространстве устремляемся к Тебе. Истина повсюду, глаголя всем, кто спрашивает ее, хотя спрашивают все о разном. Ясно звучит Твой голос, но не всем дано ясно услышать. Все спрашивают о том, о чем хотят, но не всегда слышат то, что хотят. Блажен тот, кто не желает услышать то, что он хочет услышать, но желает услышать то, что скажешь ему Ты.

Глава XXVII

Поздно возлюбил я Тебя, истинная Красота, ветхая и вечно юная, как поздно возлюбил я Тебя! Ты был во мне, я же был вовне. Я искал Тебя во внешнем, позоря соразмерное творение Твое своим безобразием. Ты был со мной, я же — без Тебя Вдали от Тебя удерживал меня мир, которого бы не было, не будь он в Тебе. Ты позвал, и крик Твой прорезал глухоту мою; Ты сверкнул, и Твой блеск отогнал слепоту; пролилось благоухание Твое, и вот уже я задыхаюсь без Тебя; я отведал Тебя, и теперь я алчу и жажду; Ты прикоснулся ко мне, и зажглась во мне любовь.

Глава XXVIII

Когда прильну я к Тебе всем существом своим, исчезнут все боли и печали; живой станет жизнь моя, исполненная Тобою. Блажен тот, кто полон Тобой, я же не полон и потому тягощусь сам собой. Радости мои, заслуживающие сожаления, спорят с печалями, заслуживающими похвалы. За кем будет победа — я о том не знаю. Спорят недобрые печали с добрыми радостями — кто возьмет верх? Увы мне! Господи, спаси и помилуй! Сжалься, вот раны мои — я не скрываю их. Ты врач, я больной; Ты жалостлив, я жалок. Скольким искушениям подвергается человек в жизни сей, сколько переносит он тягот и лишений! Ты повелел их терпеть, но не любить. Никто не любит того, что он терпит, даже любя само терпение свое. Но сколько бы ни радовался он терпению своему, все же предпочел бы ничего не терпеть. Благополучия желает он в беде и боится беды в благополучии. Где между ними середина? Горе мирскому счастью, двойное горе: от страха перед бедой, от ущербной радости. Горе мирской беде, двойное горе: от тоски по счастью, от жестокости беды. Так искушается жизнь человеческая,

искушается повсюду и всегда.

Глава XXIX

Все упование мое лишь на Твое великое милосердие к нам. Дай, что велишь, повели, что хочешь. Ты повелел быть воздержанными, «и я знаю, — сказал некто, — что никто не будет воздержанным, если не даст ему Бог. Сие есть мудрость: знать, чей это дар». Воздержанность собирает нас, приводит к единству; мы утратили его, уйдя от Тебя, потеряли себя, разбросав по сторонам. Недостаточна любовь, любящая что-то помимо Тебя и не ради Тебя. Ты — Любовь, неугасимая и вечная. Зажги меня, Боже, Господь милосердный! Ты повелел быть воздержанным: дай, что велишь, повели, что хочешь.

Глава XXX

Ты велишь, конечно, воздерживаться от того, что есть «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (I Ин. II, 16). Ты повелел не вступать в незаконное сожительство, брак же допустил, хотя и посоветовал избрать нечто лучшее. Ты дал мне избрать это лучшее прежде, чем я стал совершать таинства Твои. Но и доселе хранит моя память образы, связанные с прежней привычкой. Они обступают меня даже во время бодрствования, но тогда я во всеоружии; когда же они приходят во сне, то доходит до моего согласия. И тогда эти мертвые образы обретают такую власть над душой и телом, какой не могут добиться в другое время живые. Но разве тогда я — уже не я? И, однако, как отличаюсь я бодрствующий от себя же, но спящего! Где тогда разум мой, оберегающий меня в дневное время от куда больших соблазнов? Он что, закрывается вместе с глазами? Спит вместе с другими чувствами? Но ведь и во сне мы часто даем отпор, помним о своем решении и целомудренно пребываем в нем, не поддаваясь на соблазны. И все же разница есть, причем такая, что проснувшись, мы легко обретаем покой в сво-

ей совести; явь и сон столь далеки друг от друга, что нам совершенно ясно, не мы совершили то, что каким-то образом совершилось в нас.

Ужели десница Твоя, Боже всесильный, не может исцелить недуги души настолько, чтобы изобилием благодати угасить эту распутную тревогу снов моих? Ты преумножишь Свои дары, и душа, освободившись от клея похоти, устремится к Тебе, примирится с собой и даже во сне не будет похотствовать под воздействием скотских образов, не будет соглашаться на них. Пусть не только в этой жизни, но даже и в этом возрасте мне настолько опротивеет подобное состояние, чтобы его легко можно было усмирить даже легким усилием воли спящего чистым сном. Разве так трудно это сделать Тебе, всемогущему, Который «может сделать несравненно больше всего, чего мы просим» (Еф. III, 20)? Но сейчас, еще пребывая в этом зле, я рассказываю Богу моему о том, что мне даровано, скорбя о несовершенстве своем, уповая, что Ты довершишь милость Свою и доведешь меня до полноты мира, в котором пребудет с Тобою все во мне, и внутреннее, и внешнее, в тот час, кода будет «поглощена смерть победою» (I Кор. XV, 54).

Глава XXXI

Есть и другая забота — восстанавливать ежечасно рушащееся тело едой и питьем. «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое» (I Кор. VI, 13), уничтожит голод наш дивной сытостью, когда тленное сие облачит в нетление (I Кор. XV, 53). Но ныне сладка мне эта забота, и я борюсь с этим чувством, дабы не быть плененным им. Я «усмиряю и порабощаю тело мое» (I Кор. IX, 27) частым постом, и муки мои изгоняются удовольствием. Голод и жажда — мука; они жгут и убивают, как лихорадка, требуя лекарства — еды и питья. А поскольку лекарство всегда рядом, ибо Ты утешаешь нас дарами Твоими, кои предоставляют нам по слову Твоему и земля, и море, и самое небо, то бедствие наше стало называться наслаждением. Ты научил меня относиться к еде, как к лекарству, но в тот момент, когда я перехожу от тягостного голода к благодушной сытости, расставляются для меня силки чревоугодия. Сам этот переход — наслаждение, и другого перехода нет. Мы едим для поддержания здоровья, но к этому примешивается и удовольствие — опасный спутник, пытающийся

забежать вперед, желающий, чтобы ради него добровольно делалось то, что необходимо делается ради здоровья. Но того, что достаточно для здоровья, недостаточно для наслаждения, и где грань между тем и этим — определить порою очень трудно. Эта неопределенность радует душу, ибо служит как бы извинением излишества: она довольна, что не видит меры потребного здоровью и что ссылкой на здоровье может прикрыть службу чревоугодию. Этим соблазнам стараюсь я противостоять, взывая к деснице Твоей. Тебе исповедую свою тревогу, ибо здесь еще пребываю в смятении.

Слышу голос Господа моего: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объеданием и пьянством» (Лк. XXI, 34). От пьянства я далек, да не приближусь к нему по милости Твоей. Но чревоугодие порою подкрадывается к рабу Твоему: помилосердствуй, пусть и оно удалится от меня. «Никто не будет воздержанным, если не даст ему Бог». Многое даешь Ты по молитвам нашим, и многое получили мы раньше, чем попросили о том. Я не был пьяницей, но знал немало таких, которых Ты излечил. Ты делаешь так, что одни не становятся тем, чем они и не были, другие же перестают быть тем, чем были.

И Ты же делаешь так, что мы знаем, от Кого и то и другое. Слышал я и другой голос Твой: «Не ходи вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих» (Сир. XVIII, 30); и еще: «Едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (I Кор. VIII, 8). Слышал и такое: «Я научился быть довольным тем, что у меня есть; умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии» (Флп. IV, 11, 12). Вот истинный воитель Твой; не прах, как мы! Но призри на нас, Господи, ибо ведомо Тебе, что мы — из праха, что из праха сотворил Ты человека, который пропадал и нашелся. Ведь и он, которого я так полюбил за эти слова, был прахом пред лицом Твоим, но Ты укрепил его милостью Твоею. Укрепи и меня, дай, что велишь, повели, что хочешь.

Павел признает, что все получил от Тебя, ибо говорит: «Хвалящийся хвались Господом» (I Кор. I, 31). Слышал я и такую молитву: «Пожелания чрева и сладострастие да не овладеют мной» (Сир. XXIII, 5), ибо кто, как не Ты, Боже Святый, даешь нам силу исполнить то, чему велишь исполниться.

Ты научил меня, Отче, разуметь, что «для чистых все чисто» (Тит. I, 15), но горе тому, кто ест, вводя в соблазн. Всякое творение Твое хорошо и

не предосудительно, если принимается с благодарением; да, еда не приближает нас к Богу, но «кто ест, не уничижай того, кто не ест, и кто не ест, не осуждай того, кто ест» (Рим. XIV, 3). Я понял это и благодарю Тебя, Боже мой, Учитель мой, разверзающий уши мои и озаряющий сердце мое. Избавь меня от всех искушений. Не нечистой еды я боюсь, а нечистой страсти. Я знаю, что Ною было дозволено всякое мясо, то же и Илии, и даже Инн, дивный постник, вкушал саранчу. Знаю также, что Исав прельстился чечевицей, Давид укорял себя за желание напиться, и даже Господь наш искушался хлебами. Да и народ Твой в пустыне достоин осуждения не за то, что взалкал мясной пищи, а за то, что возроптал на Господа.

Будучи искушаем, я ежедневно борюсь с чревоугодием моим. Его не победишь так, как плотскую похоть, враз оборвав все связи. Тут потребна умеренность, и, натягивая вожжи, надо порою их ослаблять. Найдется ли при этом такой, кого не увлечет за пределы необходимого? Кто бы он ни был, он — великий праведник, да прославляет он имя Твое. Я же не таков: я слабый человек и грешник. Но и я прославляю имя Твое, и пусть Тот, Кто победил мир, ходатайствует за меня, немощного члена Тела Своего, ибо и «зародыш

мой видел очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные» (Пс. CXXXVIII, 16).

Глава XXXII

Чары запахов не соблазняют меня. Их нет — я их не ищу, есть они — не гоню и вполне могу вообще обходиться без них. Так кажется мне, хотя я могу и заблуждаться. Горестны потемки возможностей моих, сокрытых во мне; душа вопрошает себя о силах своих, по опыту зная, сколь сомнительны бывают ответы. В этой жизни, подверженной искушениям, никто не может быть спокойным за себя: если он стал лучше, то, значит, может и ухудшиться. Остается молиться, уповая на обещанное милосердие Твое.

Глава XXXIII

Крепче пленяли меня услады слуха моего, но Ты освободил меня от них. Признаюсь, я и сейчас отдыхаю, слушая песни, одушевленные изречениями Твоими и исполненные чистыми и сладостными голосами. Но уже не цепенею я от наслаждения и в любой момент могу встать и уйти. Песни эти, однако, требуют для себя и мыслей, их животворящих, достойного себе места в сердце моем, но вряд ли предоставляю я им соответственное им. Иногда, как мне кажется, я уделяю им больше почета, чем того следует: я чувствую, что святые слова больше зажигают наши души благочестием, если они спеты красиво, если же плохо — то куда меньше. Каждому из наших душевных движений присущи свои особые интонации голоса, говорящего и поющего, и они, в силу тайного сродства, эти движения вызывают. Плотское удовольствие, расслабляющее душу, часто обманывает меня; сопровождая разум, оно не желает смиренно следовать ему, но стремится вырваться вперед, руководить им. Так грешу я, часто замечая это только впоследствии.

Порою же, пытаясь избежать обмана, я впадаю

в другую крайность, грешу чрезмерною строгостью: тогда я хочу, чтобы и моих ушей, и ушей всех верных Твоих не касались сладостные напевы, на которые положены псалмы Давида. Мне кажется тогда, что прав был Афанасий, епископ Александрии, который заставлял произносить псалмы почти без интонаций, скорее речитативом, чем пением. Но когда вспоминаю я те слезы, которые пролил под звуки церковного пения, когда я только утвердился в вере своей, хотя тогда меня более трогали чистые и взволнованные голоса, чем заключенный в этих песнях смысл, я вновь признаю великую пользу этого обычая. Так колеблюсь я: и наслаждение опасно, и спасительная сила пения установлена опытом. Не решаясь вынести окончательное решение, я все же склоняюсь к пользе церковного пения; да исполняется слабая душа благочестием под эти чарующие звуки. Когда же со мною бывает, что меня больше волнует само пение, чем то, что поется, я каюсь и понимаю, что лучше бы мне было не слушать этого пения вовсе. Таков я, слабый человек, поплачьте обо мне и вместе со мною те, кто ищет доброго в сердце своем. «Призри, услышь меня, Господи, Боже мой» (Пс. XII, 4), сжалься и исцели меня, ибо стал я сам для

себя загадкой, и в этом недуг мой.

Глава XXXIV

О похоти телесных очей моих остается сказать мне в этих признаниях, которые да будут выслушаны ушами храма Твоего, ушами братскими и добрыми. На том и закончим рассказ о соблазнах плотских, которые до сих пор тревожат сердце мое; «оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище» (II Кор. V, 2).

Радуют глаза наши красивые формы, милы им яркие и приятные краски. Да не овладеет все это душою моей, да овладеет ею Бог, который сотворил все это, конечно, «хорошо весьма», но не они, а Он — Благо мое. Они тревожат меня весь день, в отличие от голосов, на смену которым приходит тишина. И сам царь красок, солнечный свет, заливающий все, что мы видим, обволакивает меня и ласкает, даже если я, занятый другим, не замечаю его. Он дорог душе моей, и если он исчезает, она ищет его с тоской и омрачается печалью.

О, Свет, который видел Товит, когда, закрыв глаза, указывал сыну дорогу жизни, идя впереди него ногами любви; который видел Исаак очами, отяжелевшими и сомкнутыми от старости: ему дарована была милость не благословить сынов

своих, узнав их, а, благословив, узнать; который видел Иаков, ослепший с годами, когда, просветленный им изнутри, благословил во внуках предреченные племена будущих народов, возложив на них таинственно перекрещенные руки: Иосиф, глядевший земными глазами, хотел поправить его, но Иаков повиновался внутреннему взору. Таков он, единый Свет, и едины все, кто видит его и любит. Этот же, мирской свет, служит к соблазну тех, кто прельщается преходящими благами. Те же, которые прославляют за него Тебя, Творца всего, и его почтут во имя Твое, но не прильнут к нему, не ослепнут душою.

Таким хочу быть и я; сопротивляюсь соблазнам глаз, возвожу очи горе. «Очи мои всегда к Господу; ибо Он извлекает из сети ноги мои» (Пс. XXIV, 15). Ты все время выпутываешь их, они же — все время попадают в сети, расставленные повсюду. Но «не дремлет и не спит хранящий Израиля» (Пс. CXX, 4).

А сколько еще добавили люди к тому, что прельщает взор наш! Создания разных искусств и ремесел: одежда и утварь, дома и картины — сколь превосходит все это в многообразии своем простые потребности наши, и в мирской нашей жизни, и в церкви. Увлеченные внешним

творением своим, оставляют в сердцах своих люди Того, Кто их создал, разрушают то, что Он создал в них. Ты, Господи, истинное украшение наше, да не устанем славить Тебя, принесшего за нас искупительную Жертву. Искусные руки узнают о прекрасном от души, источник же прекрасного — Ты, Который выше всякой души. От души взяли мастера мерила свои для создания красивых вещей, но не взяли мерила для пользования ими. Оно тут, но они не видят его. «Сила у них; но я к Тебе прибегаю» (Пс. LVIII, 10), они же зря растрачивают силы свои на утомительные наслаждения.

Я говорю это и понимаю, что говорю, но вот, замираю пред красотой, и ноги мои опутаны. Ты извлекаешь их из сети, Господи, «милость Твоя пред моими очами» (Пс. XXV, 3). Я жалко попадаюсь, Ты же жалостливо вызволяешь меня; порою я не чувствую этого, ибо сети были тонки, порою же мне больно, ибо был крепко опутан ими.

Глава XXXV

Есть здесь и еще один вид искушения, несравненно более опасный. Кроме похоти плоти, требующей наслаждений и удовольствий для всех внешних чувств, губящей слуг Твоих, удаляя их тем от Тебя, те же внешние чувства внушают душе желание не наслаждаться через плоть, а исследовать через нее. Это — пустое и жадное любопытство, которое рядится в пышные одежды знания и науки. Оно стремится познавать, а поскольку из всех телесных чувств зрение наиболее пригодно для этого, то вожделение сие и называется в Писании «похотью очей». Глаза даны нам для того, чтобы мы видели, но мы говорим «видеть» и тогда, когда познаем. Не говорим же мы: «Прислушайся, как оно красно»; или: «Принюхайся, как блестит»; или: «Отведай, сколь ярко»; или: «Пощупай, как сверкает», но часто говорим: «Посмотри, как звенит, гляди, как вкусно; взгляни, что пахнет, посмотри-ка, сколь оно твердо». Потому-то всякое знание, доставляемое внешними чувствами, и названо «похотью очей». Обязанность видеть, т. е. то, что приличествует одним глазам, присваивают себе

и другие телесные чувства, когда с их помощью что-либо изучается.

Тут явственно видно различие между тем, что требуется внешним чувствам для наслаждения, и что — для любопытства. Наслаждение ищет лишь красивого, сладкозвучного, вкусного да мягкого, а любопытство — вообще всего, подчас даже противного, не из желания страдать, а чтобы познавать. Можно ли наслаждаться видом растерзанного трупа? А между тем люди сбегаются поглазеть, поскорбеть и попутаться. Они не хотели бы увидеть такое и в кошмарном сне, наяву же, однако, они тут как тут, будто бы сюда их гонит молва о чем-то прекрасном. То же касается и прочих чувств. Поэтому-то и любят люди глазеть на всякие диковинки, рыться в тайниках природы: пользы от подобных знаний нет никакой, но люди хотят знать, чтобы знать. Отсюда и повсеместное увлечение магией, отсюда и эти нескончаемые требования знамений и чудес; не спасения при этом ищут, а утоления любопытства.

В этом сумрачном лесу, полном ловушек и опасностей, я уже немало попортил да пораскидывал. Ты дал мне это сделать, Господь спасения моего. Но осмелюсь ли я сказать, когда ежечасно

и отовсюду в нашу жизнь с шумом вламываются тысячи вещей, вызывающих наше любопытство, что ни одна из них не принудит меня ко внимательному изучению ее и не внушит пустого интереса? Театр, понятно, оставляет меня равнодушным; нету мне дела и до тайного хода светил; душа моя не взывает к теням, ибо ей противны любые святотатства. Но как избавиться мне от того врага моего, который все нашептывает мне, дабы я попросил у Тебя какого-либо знамения? У Тебя, Боже, Которому я обязан служить в смирении и простоте! Молю Тебя именем Царя нашего и небесного Иерусалима, обители скромности и целомудрия; насколько далека сейчас от меня эта мысль, да пребудет она еще дальше. Если же прошу я Тебя о спасении ближнего, то цель моя совсем иная; Ты знаешь это, Господи, я же знаю, что Ты даешь мне и будешь давать силу охотно подчиняться Тебе.

Сколь ничтожны и презренны пустяки, ежедневно искушающие наше любопытство, но сколь велико их множество, и сколь многие уже пали и еще падут! Кто исчислит это? Сколько раз мы вначале слушаем пустую болтовню только затем, чтобы не обидеть собеседника, но мало-помалу втягиваемся в разговор и вот, слушаем уже

внимательно, жадно ловя каждое слово. Я уже не хожу смотреть в цирк, как травят собаками зайца, но увидев то же на охоте, поневоле отвлекаюсь от мыслей своих. Нет, я не направлю в ту сторону своего коня, но сердце, пусть и ненадолго, свернет с дороги. И если Ты тут же не вразумишь меня, дабы я вновь вознесся всеми помыслами к Тебе, извлекая какой-то урок и из увиденного, то я так и могу остаться во власти нелепого любопытства. А когда я дома, разве не привлекает порой моего внимания какая-нибудь ящерица, охотящаяся на мух, или паук? Малы эти существа, а вред — велик. И таких-то пустяков полна моя жизнь, и одна надежда моя на великое Твое милосердие. Сердце наше — вместилище всякой ерунды, в нем накоплены кучи различного вздора, отвлекающего нас от молитв. И даже когда устремляем мы кущам Твоим голос нашего сердца, откуда-то врываются пустяковые мысли, прерывая столь серьезное занятие.

Глава XXXVI

Неужто мы, видя, что Ты благоволил изменить нас, будем оставлять это без внимания или полагать надежду свою в чем-либо ином, кроме милосердия Твоего? А ведь Ты начал уже изменять нас, Господи, и Ты знаешь, насколько уже изменил. Меня Ты, во-первых, избавил от страсти оправдываться, ибо Ты «прощаешь все беззакония мои, исцеляешь все недуги мои; избавляешь от могилы жизнь мою, венчаешь меня милостию и щедротами» (Пс. CII, 3, 4). Ты пригнул выю гордыни моей страхом Твоим, приучил меня к благому ярму Твоему. И теперь я несу его, и оно легко мне и приятно: так обещал Ты, так и сделал. Таким оно было всегда, но я не знал о том, а потому так долго боялся надеть.

Ужели, Владыка единый, правящий всем без гордыни, ибо кто сравнится с Тобою, Ты избавил меня и от третьей напасти; желать, чтобы люди любили меня и боялись не ради чего-то другого, а просто так, поскольку в том есть своя радость, которая вовсе не радость? Жалка такая жизнь, нелепо и мерзко тщеславие. Это-то и есть главная помеха любви к Тебе и страха перед Тобою,

ибо «Ты гордым противишься, а смиренным даешь благодать» (I Петр. V, 5), мечешь на мирское тщеславие громы, от коих «потрясается и вскоколеблется земля, дрожат и подвигаются основания гор» (Пс. XVII, 8). И так как иные общественные дела можно исполнить, только любя Тебя и боясь, то тут-то враг и расставляет силки, заманивая в них лукавыми похвалами. А поскольку нам сладостно, чтобы любили нас и боялись не ради Тебя, но ради нас самих, то враг наш, уподобляя нас себе, и держит нас этим в своем плену, дабы мы разделили с ним наказание его. Это он решил вознести престол свой, утвердить его «на краю севера» (Ис. XIV, 13), чтобы ему, злопыхателю и нелепому подражателю Твоему, служили исполненные мрака и холода.

Мы — «малое стадо» Твое, Господи (Лк. XII, 32). Владей нами, укрой под сенью крыл Твоих, будь нашей славой, пусть нас любят ради Тебя, пусть боятся в нас слова Твоего! Кто сможет защитить тщеславных на Суде Твоем? «Нечестивый хвалится похотию души своей; корыстолюбец ублажает себя» (Пс. IX, 24), но кто похвалит их? Человека похвалят за дары, полученные им от Тебя, и пусть он радуется этим дарам, а не похвалам — они не его. Хвалящий же лучше хвалимого, ибо первому

угоден в человеке Твой дар, второй же гордится Твоим, как своим.

Глава XXXVII

Ежедневно мы подвергаемся искушениям, Господи, и наибольшее из них — уста хвалящего. Ты приказываешь нам и здесь владеть собою: дай, что велишь, повели, что хочешь. Тебе ведомы стенания сердца моего, Ты видел потоки слез моих. Как мне понять, насколько очистился я от этой скверны; Ты ясно видишь это, я же — смутно. При других искушениях я могу проверить себя, тут же я бессилен. Когда речь идет о плотских радостях и суетствованиях души, тут мне понятно, чего я достиг, и об одном лишь я вопрошаю себя: каково мне без них, легко или тяжко. К богатству стремятся, дабы им служить одной или нескольким из трех страстей[39], и если душа не знает, насколько дорого ей ее богатство, пусть откажется от него, и узнает. Но если мы не знаем, как действует на нас отсутствие похвал, то неужто же нам следует опуститься до жизни настолько дурной и порочной, чтобы все возненавидели нас? Что может быть нелепее подобной мысли! И коль скоро

[39] Примечания: 39

«Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (I Ин. II, 16).

похвала — неизменная спутница хорошей жизни и добрых дел, то пусть будут и они, и спутница их. Но, конечно, при этом я останусь в полном неведении относительно того, о чем шла речь.

В чем же исповедуюсь я Тебе, Господи, когда говорю об искушении? Не в том ли, что мне приятны похвалы? Но истина выше всех похвал, и если бы спросили меня, что бы я предпочел, стать заблуждающимся безумцем и слышать всеобщие похвалы или же твердо стоять в истине, хотя бы все меня за то и порицали, я знаю, что бы я ответил. Одного я боюсь: как бы чужое одобрение не увеличивало мою радость от чего-то доброго во мне. А оно, увы, увеличивает ее, равно как порицание — уменьшает. И мало того; как только я обеспокоюсь этим, как тут же подкрадывается ко мне и извинение. Ты, Господи, знаешь ему цену, но меня оно смущает. Оно таково: Ты, Господи, повелел нам быть не только воздержанными, т. е. подавлять любовь к не должному, но и справедливыми, т. е. любить достойное, не только Тебя, но и ближнего; далее, если я радуюсь похвалам достойного человека, то почему бы мне не считать, что я радуюсь возрастанию в нем добра, и наоборот, когда я слышу от него порицание, то огорчаюсь его недостаткам, так как он не по-

нимает, что есть добро. Ведь я порою огорчаюсь похвалам себе, когда хвалят во мне то, что мне самому не нравится, или перехваливают то, что я считаю незначительным. Но опять-таки, откуда я могу знать, что подвигает меня на это: забота о ближнем или желание, чтобы хвалящий разделял со мною мое мнение обо мне. И если мое собственное мнение о себе не встречает похвалы, это значит, что не хвалят и меня, ибо или хвалят то, что мне самому не нравится, или перехваливают то, что мне нравится, но не слишком. Ну, не загадка ли я сам для себя?

Но в Тебе, непреложная Истина, я нахожу, что беспокоиться от похвал себе мне надлежит не ради себя, а ради ближнего. Отчего так, не знаю, ибо тут я меньше знаю себя, чем Тебя. Молю Тебя, Господи, яви мне самого меня, дабы я мог исповедаться братьям в ранах моих. Они помолятся за меня, а я спрошу себя еще и еще: если, слушая похвалы себе, я беспокоюсь о благе ближнего, то почему меня меньше смущают несправедливые упреки, когда они адресованы не мне, а другому? Почему я больше уязвляюсь оскорблением мне, а не ближнему? Неужто и это от меня сокрыто? Что же, продолжать «обольщать себя самого» (Гал. VI, 3), лгать перед Тобою устами и сердцем? Да не

будет! Удали от меня безумие мое. Господи, да не будут слова мои елеем, который повредит голове моей (Пс. CXL, 5).

Глава XXXVIII

«Я беден и нищ» (Пс. CVIII, 22), но становлюсь лучше, когда, опротивевши себе, с горькими стенаниями ищу я милосердия Твоего, доколе не восполнится ущербность моя и не исполнюсь я мира, недоступного горделивым. Речи же и дела, становясь известными людям, искушают любовью к похвалам, которая может стать попрошайкой, клянчащей голоса для утоления похоти своей. И даже тогда, когда я изобличаю ее в себе, она искушает меня этим, ибо нередко презрение к суетной славе — одежда, в которую рядится еще более суетная похвальба. Нельзя хвалиться презрением к славе: нет никакого презрения, если оно — только повод для похвальбы.

Глава XXXIX

В нас гнездится еще и другое зло, обнаруживаемое этим искушением, опустошающее души тех, которые нравятся себе даже тогда, когда не нравятся другим, и даже более того — когда они другим противны. Да они и не хотят нравиться. Радуясь собою, они становятся противными Тебе, ибо дурное почитают за доброе, Твое добро — своим, а если и Твоим, то совершенным благодаря им. Они не порадуются Твоим дарам в них, но позавидуют тем, кто ими воспользуется. Таковы опасности, такими страхами терзается сердце мое; Ты видишь это, Господи, и не перестаешь исцелять раны мои, хотя и ежечасно наносишь все новые и новые.

Глава XL

Какими путями не прошла со мною Истина, уча, чего остерегаться и к чему стремиться, когда обращался я к Ней со скудными домыслами своими, ища утешения и спрашивая совета! Я обошел, насколько смог, чувствами своими телесный мир, изучал жизнь, оживляющую тело мое, исследовал сами чувства. Оттуда обратился я к сокровенным глубинам памяти с бесчисленными сокровищами их. Я смотрел и поражался, без помощи Твоей я ничего не мог понять, кроме того, что это — не Ты. И не сам я к этому пришел, хотя и проник повсюду, стараясь во всем разобраться и все оценить: кое о чем мне сообщили чувства, о них самих — нечто во мне, ставшее как бы мною самим; я постигал чувства свои, роясь в сокровищницах памяти, где одно прятал, другое — рассматривал, а что-то и извлекал на свет. Но и та сила, с чьею помощью я делал все это, не была Тобою, вечным Светом, у Которого я вопрошал о том и этом, слушая уроки Твои и приказания.

Мне нравится, Господи, путешествовать по просторам памяти; в этом радость моя, сладостное убежище от мирских сует. Во всем, однако, что

я перебираю, спрашивая Тебя, не нахожу я пристанища для души моей. Оно в Тебе, собирающем рассеянное ради единства его, и ничто во мне не отходит от Тебя. И Ты дозволяешь мне порою ощутить в глубинах моих чувство неизъяснимой сладости, которое, продлись оно долее, уж и не знаю, чем бы было, но уже не жизнью. Но затем я ниспадаю обратно, и вновь поглощает меня мир с привычными делами своими, и я сильно плачу, но и мир сильно держит меня. Такова сила привычки: я могу быть здесь, но не хочу, а там хочу, но не могу. Воистину, я достоин двойного сожаления.

Глава XLI

Вот почему я рассмотрел грехи мои, недуги души, подчиняющие ее тройному вожделению, и воззвал к деснице Твоей для спасения моего. Узрел я, раненный сердцем, сияние Твое и, ослепленный им, возопил: «Кто способен вынести это?» В смятении моем я думал: «Отвержен я от очей Твоих» (Пс. XXX, 23). Ты — Истина, Которую я взалкал, но по жадности своей я хотел обладать вместе с Тобою еще и ложью. Но кто захочет изолгаться настолько, чтобы самому перестать понимать, в чем истина? Так я потерял Тебя, ибо Ты не сожительствуешь с ложью.

Глава XLII

Кто примирит меня с Тобой? Ангелы ли? Но как воззвать к ним, как молиться? Многие, искавшие пути к Тебе, шли на это; они искали видений, по справедливости став жертвами собственных вымыслов. Они желали найти Тебя, кичась своею наукой, раздуваясь от гордыни, а не смиренно ударяя себя в грудь. Они привлекли в сотоварищи себе духов обманчивых, опутавших их сетями магии и чародейства. Они искали посредника, который очистил бы их, но встретили «сатану, принявшего вид Ангела света» (II Кор. XI, 14). И соблазнилась их плоть, ибо тот был бесплотен.

Были они смертные и грешники. Ты же, Господи, Которого они гордо искали, бессмертен и свободен от греха. И посреднику между Тобою и людьми надлежало в чем-то уподобиться Богу, а в чем-то — людям. Если бы он был подобен только людям, он был бы далек от Бога, если бы — Богу, был бы далек от людей. У ложного же посредника, определенного по правосудию Твоему к посрамлению гордых, есть одно общее с людьми — грех. Он, однако, хочет казаться и в чем-то подобным Богу; будучи бесплотным, он

похваляется бессмертием.

Но так как «возмездие за грех — смерть» (Рим. V, 1, 23), то и объединяет его с людьми как раз то, за что он вместе с ними осужден на смерть.

Глава XLIII

Истинный Посредник, Которого сокровенное милосердие Твое предназначило для людей смиренных, дабы на Его примере учились они подлинному смирению, человек Иисус Христос, встал между смертными грешниками и Тобой, бессмертным и праведным; смертный, как люди, праведный, как Бог. И так как награда за праведность — жизнь и мир, то ею, соединявшей Его с Богом, он изгнал смерть для оправдания грешников, приобщившись к ней вместе с ними. Он явлен был древним святым, дабы они спаслись верою в будущие муки Его, как и мы спасаемся верою в бывшие. Как человек, Он — Посредник, как Слово — Бог. Он Бог у Бога, единый Бог вместе с Богом.

Сколь возлюбил Ты нас, Отче, если Сына Своего не пощадил и предал за нас, нечестивых. Сколь возлюбил, что Он, Который «не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. II, 6–8), Он, единственный свободный среди мертвых, «имеющий власть отдать жизнь и имеющий

власть принять ее» (Ин. X, 18), принял крестную муку. Он за нас пред Тобой победитель и жертва: потому победитель, что — жертва. Он за нас пред Тобой первосвященник и приношение: потому первосвященник, что — приношение. Он, рожденный Тобою и служивший нам, сделал нас из рабов сынами Твоими. Уповаю на Него, Господи; Ты исцелишь все недуги мои через Того, Кто сидит одесную Тебя, ходатайствуя за нас. Многочисленны и сильны недуги мои, но еще сильнее врачевание Твое: недоступно нам было Слово Твое, но вот, «Слово стало плотию и обитало с нами» (Ин. I, 14).

Ужаснувшись греховности своей, обремененный нищетою, задумал я в сердце своем бежать в пустыню, но Ты удержал меня, говоря: «Христос затем умер за всех, чтобы живущие не для себя жили, но для Того, Кто умер за всех». Вот, Господи, во всем полагаюсь я на Тебя: «открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего» (Пс. CXVIII, 18); ведомы Тебе недуги мои, все невежество мое: излечи меня, Боже, и исцели. Твой единственный Сын, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. II, 3), выкупил меня кровью Своею. Да не клевещут на меня обуянные мирскою гордынью: я думаю о выкупе, принимая и поднося

причастие. Я, бедный, хочу насытиться с теми, кто принимает и насыщается; «да восхвалят Господа ищущие Его» (Пс. XXI, 27).

Книга одиннадцатая

Глава I

Господи, милосердный и вечный: неужто Тебе неведомо то, о чем говорю я Тебе? Или же временное Ты видишь во времени? Зачем я рассказываю Тебе это, да еще и столь подробно? Не затем, конечно, чтобы Ты это узнал от меня, но чтобы и я, и читающие эти строки еще больше возлюбили Тебя, воскликнули в сердце своем: «Велик Господь и достохвален» (Пс. CXLIV, 3). Я говорил, и еще скажу, что подвигает меня на это любовь к Твоей любви. Мы ведь молимся, хотя Истина и говорит нам: «Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. VI, 8). О своих чувствах исповедуемся мы, говоря Тебе о своих страданиях и о милостях Твоих. Доверши освобождение наше, начатое Тобой, дай нам счастье в Тебе, ибо в себе мы несчастны. Ты ведь призвал нас стать нищими духом, плачущими и кроткими, алчущими и жаждущими правды, милостивыми, чистыми сердцем и миротворцами. Немало я поведал Тебе, Господу моему, но Ты сам повелел мне это в сердце моем; «Ты благ, ибо вовек милость Твоя» (Пс. CXVII, 1).

Глава II

Как и когда завершить мне рассказ мой, ведущийся языком стиля, о всех увещаниях Твоих, об угрозах и ласках, о тех утешениях, коими Ты направил меня проповедовать слово Твое и раздавать тайны Твои людям Твоим? Как сообщить обо всем по порядку, когда столь быстро утекает отмеренное мне время? А ведь давно уже решил я поразмыслить о законе Твоем, понять, что знаю, а в чем беспомощен, что высветилось во мне светом Твоим, а где еще мечутся тени мрака, пребывающего во мне, доколе не поглотит сила Твоя немощь мою. Этому я хочу посвятить все свое время, остающееся свободным от насущных забот и служения людям, не всегда обязательного, но все же исполняемого мною.

Господи мой, внемли молитве моей, услышь желание сердца моего; ведь хочет оно совершить задуманное не только ради себя, но и на пользу любимым братьям; Ты знаешь, Боже, что это так. Да послужу Тебе мыслью и словом, да принесу их в жертву Тебе. Даруй мне все это, ибо я нищ и беден, Ты же «богатый для всех призывающих Тебя» (Рим. X, 12). Избави, Господи, уста мои от

неразумия и лжи: да не впаду в заблуждение, да не введу в заблуждение других. Внемли и сжалься, Господи Боже мой, Свет слепых и Сила немощных, неизменный Свет зрячих и неизменная Сила сильных. «Из глубины взываю к Тебе, Господи» (Пс. CXXIX, 1), внемли душе моей. «Твой день и Твоя ночь» (Пс. LXXIII, 16), по мановению Твоему быстро течет быстротечное время. Одари меня им, дабы я мог поразмыслить над тем, что сокрыто в законе Твоем; я стучусь, да откроется. По велению Твоему написано столько страниц, повитых глубокою тайной. Густы их леса, и олени Твои спешат туда отдохнуть, попастись и пожевать свою жвачку. Господи, дай понять, открой мне тайны этих страниц. Голос Твой — радость моя, услада услад моих. Дай мне, что я люблю, ибо и эта любовь — от Тебя. Не оставляй даров Твоих, и я исповедую Тебе все, что откроется мне Тобою в книгах Твоих. «Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего» (Пс. CXVIII, 18) от начала, когда создал Ты небо и землю, и до вечного Царства с Тобою в небесном граде Твоем.

Помилосердствуй, Господи, услышь желание мое. Ведь не ищу я ничего земного: ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пышных одежд, ни телесных наслаждений; я даже не

прошу того, что необходимо телу в этом нашем житейском странствии — все это приложится взыскующим «Царства Божия и правды Его» (Мф. VI, 3 3). Призри, Отче, на желание мое; молю Тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, сидящего одесную Тебя, Сына Человеческого, Которого Ты определил быть Посредником между Тобою и нами, через Которого Ты искал нас, не искавших Тебя, чтобы мы искали Тебя; во имя Слова Твоего, через Которое Ты создал все, в том числе и меня; во имя Единственного Твоего, через Которого Ты усыновил верных, в том числе и меня; молю Тебя во имя Его, нашего Ходатая, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. II, 3), кои ищу я в книгах Твоих. Моисей писал о нем; так говорит он сам, так говорит истина.

Глава III

Дай мне услышать, дай понять, каким образом Ты сотворил в начале небо и землю? Так написал Моисей, но он ушел к Тебе, и нет его предо мною. О, если бы он был тут! Я бы ухватился за него, просил бы его, умолял бы именем Твоим раскрыть и разъяснить мне эту тайну; я весь обратился бы в слух, жадно внимая словам, исходящим из его уст. Впрочем, если бы он заговорил на еврейском, то напрасно бы потревожил мой слух: разум бы мой молчал. Вот если бы он заговорил по-латыни, то я сразу бы понял его, но и в этом случае, откуда бы мне было знать, правду ли он говорит. А если бы и знал, то разве от него? Конечно, нет. Сама истина, сокрытая в глубинах души и живущая в мыслях, не нуждающаяся ни в каких языках: ни в еврейском, ни в латинском, ни в греческом, ни в варварском, беззвучно сказала бы мне: «Он говорит правду»; и я, нисколько не колеблясь, поверил бы и сказал человеку Твоему: «Ты говоришь правду». Но я не могу спросить у Моисея и потому обращаюсь к Тебе, высочайшая Истина, просветившая его и вразумившая оставить нам эти письмена, которые мы не в силах разрешить

сами собою (II Петр. I, 20), к Тебе обращаюсь и молю: пощади меня, грешного; Моисею, рабу Твоему, Ты даровал написать, мне же даруй уразуметь написанное.

Глава IV

Мы видим: небо и земля существуют; они сами говорят нам, что сотворены, ибо изменчивы. То же, что существует и не сотворено, постоянно и неизменно, ибо в несотворенном нет ничего, что могло бы прибавляться, убывать или изменяться. Они также свидетельствуют и о том, что не сотворили себя сами, да и не могли сотворить. «Мы существуем, — говорят нам они, — ибо сотворены. Нас не было прежде нашего бытия, как же могли мы сотворить сами себя?» И голос их — очевидная истина. Итак, Ты, Господи, сотворил их, Ты даровал им бытие. Они прекрасны, ибо прекрасен Ты; они благи, ибо Ты — Благо; они существуют только потому, что Ты — Сущий (Исх. III, 14). Но они не столь прекрасны, не столь благи, и нет в них той полноты бытия, которая есть в Тебе, их Творце; в них есть только отблеск, отражение Твоих совершенств. Мы знаем это и благодарим Тебя, хотя наше знание по сравнению с Твоим — неведение.

Глава V

«В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. I, 1). Как сотворил? Какие орудия, какие механизмы использовал для столь великого дела? Ты ведь не действовал как мастер, делающий одну вещь при помощи другой, придающий ей ту форму, какую он видит в своем уме. Но откуда в душе его такая способность, как не от Тебя, его Творца? Притом он оформляет уже существующую материю, например землю, камень, дерево, золото и т. п. Откуда все это, кто дал им их бытие, если не Ты? Ты дал мастеру тело и душу, управляющую членами его; Ты дал ему материал для работы; Ты дал и способность уму его постигать тайны искусства и заранее видеть то, что он хочет произвести; Ты же наделил его и телесными чувствами, посредниками между телом его и душою. Все это говорит о том, что Ты — Творец всего. Но как Ты творишь все это, как, всемогущий, сотворил Ты небо и землю? Конечно, Ты сотворил их не на небе и не на земле; не в воздухе и не в водах, ибо они относятся к небу и земле; не во вселенной сотворил Ты вселенную, ибо до сотворения не было и ее. А из чего сотворил? Из материи?

Но до своего сотворения не было и материи; в противном случае она ограничивала бы Твое всемогущество. Если же материя была сотворена Тобою прежде, то из чего: из чего-то, что было сотворено до материи, или же это «что-то» существовало само по себе, опять-таки ограничивая Твое всемогущество? Выходит, до творения не было ничего, кроме Тебя, и все существующее зависит только от Твоего бытия. «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их. Ибо Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось» (Пс. XXXII, 6, 9).

Глава VI

А каким образом Ты повелел? Неужто голосом, каким некогда сказал с неба: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. III, 17)? Не думаю. Этот голос похож был на наш, когда слоги возникали один за другим и исчезали, и сам он, отзвучав, исчез. Понятно, что Ты говорил через временную тварь, служившую вечной воле Твоей. И эти раздававшиеся во времени слова Твои воспринимались внешним слухом тела и передавались внутреннему слуху души, которая соотносила услышанное с вечным Словом Твоим. Сравнив эти отзвучавшие слова с вечным Словом Твоим, пребывающим в безмолвной тишине, душа сказала себе: «Нет, эти слова и Слово Твое — не одно и то же. Прозвучавшие слова ниже меня, их даже нельзя назвать сущими, ибо они бегут и исчезают. Слово же Господа моего бесконечно выше меня, пребывая вовеки». Итак, если такими телесными звуками Ты повелел сотвориться земле и небу, то еще прежде них Ты должен был создать телесную тварь, чей голос должен был прозвучать во времени. Но до сотворения неба и земли не было никакой твари, а

если бы и была, то не мимолетным же словом Ты создал мимолетное слово, которым бы повелел сотвориться небу и земле, и ведь никто другой, помимо Тебя, не мог сотворить его. Так что же это было за слово Твое, что за орган высочайшей воли Твоей, которым создавал Ты эту тварь?

Глава VII

Словами бытописателя о сотворении мира и размышлением над ними Ты призываешь нас к пониманию того, что есть Слово Твое, совечное Тебе, Которое у Бога и Которое — Бог (Ин. I, 1). Оно изрекается Тобою в вечности, и Им же все в вечности изрекается; в Нем нет ни тени перемены, нет ни начала, ни конца, но все вместе и всегда. В противном случае в Тебе было бы время и изменяемость, в Том, Кто вечен и неизменен! Я постигаю это, Господи, и благодарю Тебя за это; и каждый, кто постигает непреложную истину, благодарит и благословляет Тебя. Видим, Господи, видим и знаем, что всякий переход от бытия к небытию — смерть того, что было, а переход от небытия к бытию — рождение того, чего не было. Но в Слове Твоем ничего не умирает и не рождается, ибо Оно бессмертно и вечно. И поэтому Словом Своим, совечным Тебе, Ты говоришь все одновременно и вечно; и все, что обретает бытие, Ты вызываешь к бытию этим Словом, хотя возникающее возникает не вдруг и не одновременно в вечности, а постепенно и во времени.

Глава VIII

Как же это так, умоляю Тебя, ответь мне, почему я вижу это, а выразить не могу? Могу лишь сказать одно: все, что начинает существовать и перестает, начинает и перестает тогда, когда надлежит ему начаться и перестать, и так определено ему вечным Умом, Который не начинается и не перестает. И этот Ум — Слово Твое, Которое и есть Начало, как и было сказано (Ин. VIII, 25). Слово сие, воплотившись, благовествует нам в Евангелии, прозвучавшем в мире для человеческих ушей; Им все призывались уверовать в Него, искать Его в себе и обрести Его в вечной Истине, которой один Он, благой наш Учитель, учит всех учеников Своих. В себе, в сердце своем слышу я голос Твой, Господи, взывающий ко мне: «Кто учит вас, Тот вам и говорит, а кто не учит, тот не вам говорит». Но кто же учит нас, как не Истина? И если от творений видимых мы восходим к невидимому и от преходящих — к неизменному, то стоя, так сказать, пред вечною Истиною и внимая Ей, мы учимся истинно, «радостью радуемся, слыша голос жениха» (Ин. III, 29) и возвращаемся туда, откуда мы сами. И это вечное Начало —

Слово Твое, без Которого мы, как без путеводной звезды, заблудившись, не смогли бы вернуться. А возвращаемся мы от заблуждений, познавая истину, истине же учит нас Тот, Кто есть Начало истины и Слово истины.

Глава IX

Этим-то Началом и сотворил Ты, Боже, небо и землю, дивным образом говоря и действуя. И это Начало — Слово Твое, Сын Твой, сила Твоя, премудрость Твоя, истина Твоя. Кто постигнет это, чей язык выскажет? Что за сила поражает ум мой, сотрясает сердце? Трепещу и страшусь, и все же устремляюсь к ней. Трепещу, ибо вижу, сколь далек я от нее, стремлюсь, ибо в себе самом вижу отблеск и образ ее, потрясающей меня и поражающей. Сама Премудрость озаряет меня, разгоняя тьму, которая всякий раз обнимает меня, когда удаляюсь я от неизреченного света и «изнемогает от грехов моих сила моя» (Пс. XXX, 11). Но Ты, Господь, многомилостивый к неправдам моим, всякий раз исцеляешь недуги мои. Ты «прощаешь все беззакония мои, исцеляешь все недуги мои; избавляешь от могилы жизнь мою, венчаешь меня милостию и щедротами; насыщаешь благами желание мое, обновляя, подобно орлу, юность мою» (Пс. CII, 3–5); «ибо мы спасены в надежде, но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим. VIII, 24, 25). Имеющий уши, да слышит в сердце своем

слова Твои; я же, внимая пророчеству Твоему, воззову: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро» (Пс. CIII, 24). И премудрость Твоя — Начало, и этим Началом сотворил Ты небо и землю.

Глава X

Не осуетствовали ли, не возгордились ли древностью рода своего те, которые говорят нам: «Что делал Бог до того, как сотворил небо и землю? Если Он пребывал в покое, то почему не остался в нем и далее? Если же в Нем возникло новое желание нечто сотворить, то в чем же тогда заключается неизменность Его воли: ведь необходимо было изменение в Нем, коль скоро возникло новое желание. Воля Божия присуща Богу и предваряет всякое творение: ничего бы и не могло быть сотворено, не предшествуй этому воля творить. Воля Божия, далее, принадлежит к божественной субстанции, если же предположить, что в ней возникает нечто новое, чего прежде в ней не было, то тогда эту субстанцию нельзя назвать в прямом смысле слова вечной. Если же, наконец, воля Божия от вечности желала творить, то почему само творение не вечно?»

Глава XI

Как далеки такие от истины! Говорящие это не знают Тебя, Премудрость Божия, не понимают, как совершаются дела Твои в Тебе и через Тебя. И при этом силятся постигнуть непостижимое, мудрствуя о вечном! Их душа, блуждая в преходящем, мечась между прошлым и будущим, теряется в суетности помыслов своих. Кто может застыть хоть на минуту, чтобы проникнуться светом неизменяющейся вечности и сравнить ее с нашими временами, не знающими постоянства, чей свет — только мерцание? Что есть протяженность времени, как не последовательный ряд исчезающих и сменяющих друг друга мгновений? В вечности же этого нет: там все здесь и сейчас, там одно настоящее, тогда как невозможно найти то время, которое действительно было бы в настоящем. Все прошедшее наше было некогда будущим, все будущее зависит от прошедшего; но все прошедшее и все будущее творится из настоящего, вечно сущего, для которого нет ни прошедшего, ни будущего; и это-то мы и называем вечностью. Но кто в состоянии понять эту неизменно пребывающую в настоящем вечность,

которая, не зная ни прошедшего, ни будущего, творит из своего «сейчас» и прошедшее, и будущее? Чей язык, чей стиль разрешит эту великую загадку?

Глава XII

Как же ответить мне тем, кто вопрошает: «Что делал Бог до того, как сотворил небо и землю?» Не стану отделываться той известной шуткой, что, дескать, Бог уготовлял преисподнюю тем, кто дерзнет допытываться о высоком. Одно дело рассуждать, совсем другое — высмеивать. Лучше уж честно признаться в незнании, чем изводить всех своими остротами. Я положительно утверждаю только одно: Ты, Господи Боже наш, один Творец вселенной; и если под именем неба и земли разумеются все твари, созданные Тобой, то я смело говорю: до сотворения неба и земли Бог не делал ничего, ибо делать для Бога — значит творить. О, если бы я знал все, что мне нужно знать, так же ясно, как то, что прежде сотворения мира не было никакого мира!

Глава XIII

Если же чей-то ум, увлекаясь летучим воображением, блуждает мыслью в беспредельных просторах времен, как бы предшествовавших творению, и удивляется, как это всемогущий Бог, Творец всего, высочайший Создатель неба и земли в продолжение бесчисленных веков оставался в бездействии, такой пусть остудит свое воображение, отрезвит ум, поразмыслит здраво и поймет тогда, сколь суетно его удивление. В самом деле, как могли протекать те бесчисленные века до творения, если Господь еще не сотворил их, ибо Он — Творец всех веков и времен. Что могло проходить, если и проходить-то было нечему? Как вообще Господь мог какое-то время ничего не делать до творения, если само это время еще не было сотворено? Кто сотворил это время, как не Он? Как могло проходить оно, если не было сотворено? А так как до сотворения неба и земли времени не было, то зачем спрашивать, что Бог делал «тогда»? Не было времени, не было и «тогда».

Нет, не во времени Ты предварял времена, иначе бы и не предварял. Ты предшествуешь им

Своей безначальной вечностью, возвышаешься надо всем будущим. Оно придет и уйдет, но «Ты — тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс. CI, 28). Годы Твои не приходят и не уходят, наши же, чтобы прийти им всем, приходят и уходят. Все годы Твои одновременны и постоянны, наши же исполнятся только тогда, когда их уже не станет. «У Господа один день» (II Петр. III, 8), и день этот не наступает ежедневно, а суть вечное «сегодня», которое не сменяется «завтра» и не вытесняет «вчера». Твое «сегодня» — вечность, а потому вечен и Сын Твой, коему Ты сказал: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя» (Пс. II, 7). Всякое время — от Тебя, Ты же — до всяких времен; не было времени, Ты же — был.

Глава XIV

Не было такого времени, когда Ты еще ничего не создал, ибо и время — творение Твое. Нет времени вечного, подобного Тебе: Ты пребываешь, время же пребывать не может. Что же это — время? Кто может объяснить это доходчиво и кратко? Кто может помыслить, чтобы затем объяснить? И, однако же, о чем так часто и так обыденно вспоминаем мы в беседах, как не о времени? И когда говорим о нем, то понимаем, о чем говорим, и когда о нем говорит кто-либо другой, то и тут понимаем, что он имеет в виду. Так что же такое время? Если никто меня о нем не спрашивает, то я знаю — что, но как объяснить вопрошающему — не знаю. Твердо же знаю я только одно: если бы ничего не проходило, не было бы прошедшего; если бы ничего не приходило, не было бы будущего; если бы ничего не было, не было бы настоящего. Но как может быть прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? А если бы настоящее не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность. Настоящее именно потому и время, что оно уходит в прошлое. Как же можно тогда

говорить о том, что оно есть, если оно потому и есть, что его не будет. Итак, время существует лишь потому, что стремится исчезнуть.

Глава XV

Однако мы говорим о длительном времени или о времени кратком, причем говорим это применительно только к прошлому и будущему. Например, о сотне лет, прошедшей или будущей, мы говорим как о времени длительном, о десяти же минутах, прошлых или будущих, как о времени кратком. Но как может быть длительным или кратким то, чего нет? Прошлого уже нет, будущего еще нет. Мы же не скажем о прошлом «долго», но «было долго»; о будущем же — «будет долго». Господи мой, Свет мой, не посмеется ли и здесь истина Твоя над гордыми? Долгое прошлое стало долгим тогда, когда его уже не стало, а не тогда, когда оно еще было настоящим. Но как может быть долгим то, чего нет? Поэтому правильно говорить не «долгое прошлое», а «долгим было это настоящее», ибо оно тогда только и было, когда оно было настоящим.

Но погляди, душа, может ли быть настоящее долгим: тебе ведь дано наблюдать сроки и измерять их. Что ты ответишь? Сто лет настоящего — долго ли это или нет? Но могут ли все сто лет быть в настоящем? Если идет первый год, то он

— в настоящем, остальные же девяносто девять — только в будущем. Во второй же год — первый уже будет в прошедшем, а остальные — в будущем. Возьмем середину: половина — в прошлом, половина — в будущем. Поэтому сто лет в настоящем быть не могут. Но ведь и тот год, который идет, — отнюдь не в настоящем. Идет его первый месяц: он — в настоящем, одиннадцать же других — в будущем, идет второй: первый — в прошедшем, десять — в будущем и т. д. Но и текущий месяц не весь в настоящем. В настоящем — один из его дней: все его дни до текущего — в прошлом, все дни после текущего — в будущем. Выходит, долгим можно назвать лишь настоящее, да и то сведенное до одного дня. Но расчленить-то можно и день. Он состоит из ночных и дневных часов, и всего их — двадцать четыре. По отношению к первому часу все остальные — будущие, по отношению же к последнему — прошедшие. Но даже и настоящий час состоит из более мелких и быстро исчезающих частей: исчезнувшие — в прошлом, все прочие — в будущем. Настоящим можно назвать только миг, который уже не делится на части; но как ухватить его?

Ведь он потому-то и неделим, что у него нечего делить: у него нет никакой длительности. Если

бы у него была хоть какая-нибудь длительность, ее можно было бы разделить на «до» и «после», на прошлое и будущее. Настоящее же не продолжается.

Так где же то время, которое мы называем долгим? В будущем? Но мы не говорим о нем: «Оно долгое», ибо его еще нет. Поэтому и говорится: «Оно будет долгим». Когда же оно будет? Если в будущем, то как может быть долгим то, чего еще нет? Если же оно станет долгим тогда, когда начнет возникать и становиться настоящим, то настоящее, как показано выше, долгим быть не может.

Глава XVI

И однако, Боже праведный, мы понимаем, что такое промежутки времени, сравниваем их и говорим, что одни длиннее, а другие — короче. Мы даже можем измерить, насколько одно время короче или длиннее другого, и указать, что то длиннее этого в два раза, это — короче того в три раза, а эти два — равны. Измеряем же мы время только тогда, когда оно идет, ибо мы его чувствуем; как нам измерить прошлое, которого уже нет, или будущее, которого еще нет? Кто осмелится утверждать, что может измерить несуществующее? Пока время идет, его можно чувствовать и измерять, когда прошло — как измерить его, то, чего уже нет?

Глава XVII

Я только исследую, Отче, я ничего не утверждаю. Господи, помоги мне, направляй меня. Кто решился бы сказать, что трех времен, как учили мы в детстве, а затем и сами учили детей, что их, прошлого, настоящего и будущего, нет, а есть одно только настоящее? Или же все-таки есть и они? Возможно, будущее прячется в каком-то тайнике, выходя из которого становится настоящим, а затем вновь прячется и называется прошедшим? Иначе как бы прозревали будущее предсказатели, как могли бы люди правдиво повествовать о прошлом, если бы то и другое не представало перед их умственным взором? А можно ли видеть несуществующее? Таким образом, прошлое и будущее существуют.

Глава XVIII

Дозволь мне, Господи, упование мое, спрашивать и дальше, да не смутят меня поиски мои. Если будущее и прошлое существуют, то где? Твердо могу сказать одно: где бы они ни были, там они — настоящее, ибо если и там будущее — только будущее, то и там его еще нет, прошлого же, если и там оно прошлое, — там уже нет. Так что где бы и как бы они ни были, там, где они есть, там они — настоящее. И правдиво повествуя о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события (они прошли), а слова, навеянные образами этих событий, которые, проходя, оставили в душе как бы свои отпечатки. Детства моего, например, уже нет, ибо оно в прошлом, которого нет, но, вспоминая о нем, я вижу его образ, живущий в памяти моей в настоящем.

Не в том ли и причина правдивых предсказаний: по существующим образам прозревать те, которых еще нет? Признаюсь, Господи, этого я не знаю. Знаю, однако, что мы часто обдумываем будущие действия, и само это обдумывание происходит в настоящем, хотя предмета обдумывания еще нет, он — в будущем. Но как

происходит это таинственное предчувствие будущего? Ведь увидеть можно только то, что есть, а то, что есть, — в настоящем. И когда говорят о том, что видят будущее, то видят, собственно, не его, а те его признаки и причины, которые уже существуют в настоящем. Не будущее, таким образом, видится провидцам, а настоящее, и по нему они предрекают то, что должно произойти. Представления о будущем уже живут в душе, и всматриваясь в них, говорят о будущем. Вот один из многочисленных примеров: я вижу зарю и говорю о том, что скоро взойдет солнце. Я вижу настоящее, говорю же о будущем; не солнце в будущем (оно уже есть), а его восход (которого еще нет). Если бы в душе моей не было представления о восходе, я не смог бы его предсказать; ни заря, которую я вижу, ни представление о восходе, которое живет в душе (то и другое — в настоящем), — не есть сам восход, однако они позволяют мне сказать о том, что скоро взойдет солнце. Будущего еще нет, а раз нет, то и вообще нет и увидеть его никак нельзя, но его можно предсказать исходя из того настоящего, которое есть и которое можно увидеть.

Глава XIX

Как же Ты, Создатель и Управитель мира, являешь душам грядущее? А ведь Ты являешь его пророкам Своим. Как же являешь его Ты, для Которого нет никакого будущего? Через настоящее? Ибо как можно явить то, чего нет. Слабы глаза мои, как увидеть им промышление Твое? Где взять мне сил, которых у меня самого нет? Укрепи меня, Боже, и помоги, и тогда постигну я все благодаря Тебе, сладостный свет внутреннего взора моего.

Глава XX

Ясно одно: будущего и прошлого нет, а потому неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы сказать, что есть настоящее прошедшего, просто настоящее и настоящее будущего. Эти три времени существуют в нашей душе, и нигде более: настоящее прошедшего — это память; просто настоящее — созерцание; настоящее будущего — ожидание. Если это так, то времени действительно три, хотя бы их и называли, как принято: прошедшее, настоящее и будущее. Я озабочен не тем, чтобы спорить о словах; лишь бы люди понимали, о чем они говорят, и знали, что прошедшего и будущего нет. Слова ведь нечасто употребляются в их собственном смысле, и однако же, выражаясь неточно, мы прекрасно понимаем, о чем идет речь.

Глава XXI

Я уже говорил о том, что мы можем измерять время только в процессе его прохождения, и только благодаря этому можем говорить о том, что тот промежуток был больше того, этот — меньше этого, а те и вовсе были равны. Мы измеряем текущее время, и если бы кто-либо спросил меня, откуда я это знаю, я бы ответил, что знаю благодаря самому измерению, ибо измерить можно только существующее, прошлого же и будущего не существует. Но как измерить настоящее, если у него нет длины? И откуда, как и куда идет время? Откуда, как не из будущего? Как? Через настоящее, у которого нет длины. Куда? В прошедшее. Из того, чего еще нет, через то, у чего нет длины, в то, чего уже нет. Что же мы измеряем? А ведь мы измеряем, коль скоро говорим: двойной срок, тройной или равный. В каком же промежутке измеряется время: в будущем его нет, и измерить его нельзя; в настоящем оно есть, но не имеет того, что можно бы было измерить; в прошлом же его опять нет, и опять-таки его не измерить.

Глава XXII

Томится душа моя перед этой загадкой. Открой мне ее, Господи Боже мой. Отец милостивый, открой Христа ради; дозволь проникнуть в нее, столь таинственную и обыденную, освети мне ее светом милосердия Твоего. Кого расспросить мне, кому, как не Тебе, явить мне все невежество мое? Дай мне то, что я люблю, то же, что я люблю — это от Тебя, Боже. Дай, любящий Отче, «дающий блага просящим у Тебя» (Мф. VII, 11). Дай узнать то, над чем трудится душа моя, ибо «это трудно в глазах моих» (Пс. LXXII, 16), пока Ты не откроешь их мне. Молю Тебя ради Христа, во имя Его, Святого среди святых. Я верю, потому и говорю, и живу надеждой «созерцать красоту Господню и посещать храм Его» (Пс. XXVI, 4). «Ты дал мне дни, как пяди» (Пс. XXXVI, 6), и они проходят, а как, я не знаю.

Мы все твердим: «Время, время; времена, времена; как долго такой-то говорил то-то; как долго он делал; как долго я тебя не видел; чтобы произнести этот слог, требуется вдвое больше времени, чем для произнесения того, краткого». Мы говорим это и слышим; нас понимают, и мы понимаем. Это так ясно, так обыденно, но кто это

постиг, кому оно открылось?

Глава XXIII

Мне довелось слышать от одного весьма ученого мужа, что время — это движение солнца, луны и звезд. Но почему же тогда не считать временем движение вообще всех тел? Остановись вдруг светила, что помешало бы вращению гончарного круга? И как бы мы сочли его обороты, если бы времени не стало? Неужто же, наблюдая за его вращением, мы не смогли бы сказать, видя, что в тот раз он повернулся быстрее, чем в этот, что тот оборот занял меньший промежуток времени, чем этот? И как говорили бы это? Неужто вне времени? И не было бы в наших словах коротких и длинных слогов? Господи, позволь нам в малом увидеть законы, общие и для малого, и для большого. Есть звезды, «светила на тверди небесной для знамений, и времен, и дней, и годов» (Быт. I, 14), и я не скажу, что оборот деревянного колеса есть день, но и тот ученый муж не может сказать, что тут нет времени.

Я хочу узнать природу и сущность времени, которым мы измеряем движение тел и говорим: «Это движение вдвое длиннее того». Меня интересует вот что: днем называется не только светлое

время, когда солнце находится над землей, но и время, за которое оно совершает свой оборот от восхода до восхода, почему мы и говорим, что прошло столько-то дней, включая в это время и ночи. Таким образом, полный день определяется полным кругооборотом солнца, и я спрашиваю, что же такое этот день: само движение, срок его совершения или же то и другое разом? В первом случае днем мог бы быть и час, если бы солнце смогло обернуться столь быстро; во втором дня бы вообще не было, а был бы только час; в третьем нельзя было бы назвать днем ни сам промежуток времени, необходимый для полного оборота, ни, если допустить, что солнце может остановиться, такое количество времени, за какое оно обычно совершает свой оборот от утра до утра. Итак, оставим в стороне вопрос о дне и спросим: что такое время, измеряя которым движение солнца мы могли бы сказать: солнце совершило свой оборот за промежуток вдвое меньший, чем обычно (если бы оно совершило его за двенадцать часов). Сравнивая оба промежутка, мы бы сказали тогда, что солнце порою совершает оборот за одно время, а порою — за другое, двойное. Если же кто возразит, что подобного не бывает, пусть такой прочтет о том человеке, который сумел молитвой

остановить солнце, дабы битва была завершена победой: солнце стояло, а время — шло. Итак, я вижу, что время — это некая протяженность. Вижу ли? Открой мне это, Свет и Истина.

Глава XXIV

Хочешь ли, чтобы я признал, что время — движение тел? Нет, не хочешь. То, что всякое движение — во времени, это я понимаю: Ты говоришь это мне. А что само это движение — время, этого я не понимаю: не Ты это говоришь. Когда тело движется, я временем измеряю, сколь долго оно движется. Но если я не видел начала движения и его завершения, то ничего не могу сказать о его длительности, кроме того, сколь долго я сам его наблюдал. Если я долго наблюдал, то могу сказать, что оно движется долго, хотя и не могу сказать, как именно долго; длительность ведь определяется сравнением, и о ней можно говорить, даже не зная ее точного значения. Можно же, например, сказать: «Долго, как и то», или: «Дольше того», и т. п. Если же нами был замечен момент начала движения и момент его окончания, то в этом случае мы можем уже сказать, сколько времени длилось это движение. Коль скоро движение — это одно, а мерило его — нечто другое, то разве не ясно, что скорее должно быть названо временем? И если иное тело когда движется, а когда и стоит на месте, то разве не

можем мы также измерить время его покоя и сказать: «Оно покоилось столько-то, а двигалось — столько-то», или: «Стояло вдвое больше, чем двигалось»; или: «Больше стояло, чем двигалось» — в зависимости от того, насколько точны наши наблюдения? Выходит, время не есть движение тел.

Глава XXV

Признаюсь, Господи: я и сейчас не знаю, что есть время; зато я знаю, что говорю об этом во времени, что долго уже говорю и что это «долго» — некий промежуток времени. Как же так выходит, что это я знаю, а что такое само время — не знаю? А может быть, знаю, но не знаю, как рассказать об этом? Увы мне! Я даже не знаю, что я знаю! Вот, Господи, я не осмелюсь солгать пред лицом Твоим: что думаю, то и говорю. «Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою» (Пс. XVII, 29).

Глава XXVI

Ведь не лжет же душа моя, говоря Тебе, что она измеряет время. Да, Господи, я измеряю, хотя и не знаю, что измеряю. Я измеряю движение временем, но разве я не измеряю само время? Когда я измеряю, сколь долго движется тело отсюда туда, то что я измеряю, как не время, в течение которого тело движется? А чем измеряется время, как не временем же: более длинное более коротким, как мы измеряем балку локтем. Так, длительность долгого слога измеряется длительностью более короткого: о нем говорится, что он вдвое длиннее. Длительность произведения вымеряется числом стихов, длина стиха — числом стоп, длина стопы — числом слогов и длительность долгих слогов — длительностью коротких. Счет этот не зависит от числа страниц, иначе бы мы измеряли не время, а место, и по мере того, как произносятся слова, мы говорим о том, сколь длинно произведение, из скольких стихов оно состоит, сколь длинны сами стихи, состоящие из стольких-то стоп, и т. д. Но точной меры времени здесь нет, ибо и короткий стих можно произносить протяжно, и длинный — очень быстро. Выходит, ясно: время есть некая

протяженность, но не совсем ясно, протяженность чего. Может быть, души? Что же, Господи, я измеряю. Время? Но я не могу измерить будущего, ибо его еще нет, не могу измерить настоящего, ибо у него нет длительности, не могу измерить и прошедшего — его уже нет. Что же я измеряю? Время, которое проходит, но еще не прошло?

Глава XXVII

Не уставай искать, душа моя, сильнее напрягай мысль свою. Господь — прибежище наше, «Он сотворил нас, и мы — Его, Его народ и овцы паствы Его» (Пс. XCIX, 3). Взгляни туда, где забрезжила уже заря истины. Представь: зазвучал человеческий голос; он звучит еще и еще и, наконец, умолкает. Замолк он, звук растаял, и наступила тишина. Пока он не зазвучал, он был в будущем и его нельзя было измерить; также нельзя его измерить и сейчас: его уже нет. Можно было тогда, когда он звучал, ибо тогда было что мерить. Но ведь и тогда он не застывал, но приходил и уходил. Но, может быть, потому его и можно было измерить? Проходя, он тянулся, и это протяжение, в отличие от настоящего, имело длину и подлежало измерению. А коли так, то смотри: начинает звучать некий звук; измерим его, пока он звучит, ибо, отзвучав, он уйдет и измерять будет нечего. Измерим и скажем, какова его длительность. Измерим с того момента, как он возник, и до того, как он прекратился. Мы, значит, измеряем промежуток между каким-то началом и каким-то концом. Поэтому еще звучащий звук нельзя измерить и

сказать, насколько он длиннее или короче другого. Но когда он смолкнет, его уже не будет; как же тогда его мерить? И все же мы измеряем время, не то, которого еще нет, и не то, которого уже нет, и не то, которое не длится, и не то, что еще не закончилось. Таким образом, мы измеряем не будущее время, не настоящее и не прошедшее, и даже не то, которое проходит; и все же мы его измеряем.

«Господь, всего Создатель» (Deus creator omnium); этот стих состоит из восьми чередующихся слогов, коротких и долгих; есть четыре коротких: первый, третий, пятый и седьмой; они однократны по отношению к четырем долгим: второму, четвертому, шестому и восьмому. Каждый долгий вдвое длинней короткого. Я, произнося их, слышу это, а потому и утверждаю. Таким образом, если в этом вопросе полагаться на слух, то выходит: я вымеряю долгие слоги краткими и чувствую, что долгий вдвое длиннее краткого. Но когда долгий звучит после краткого, как удержать мне краткий, чтобы вымерить им долгий? Долгий ведь не зазвучит раньше, чем отзвучит краткий, да и сам он может быть измерен только после того, как отзвучит. Однако, отзвучав, он исчезает. Что же тогда я меряю? Где

тот краткий, мое мерило? Где долгий, объект измерения? Оба, отзвучав, растаяли в воздухе, их уже нет, а меж тем я измеряю и, насколько могу довериться слуху, уверенно заявляю, что долгий слог вдвое длиннее короткого. И сделать это я могу лишь потому, что оба слога уже отзвучали. Я, следовательно, измеряю не их, а что-то, что прочно закрепилось в памяти моей.

В тебе, душа моя, измеряю я время. Не возражай ни мне, ни себе; отвлекись от сумятицы впечатлений. Не где-либо еще, а именно в тебе я измеряю время. Впечатление от преходящего закрепляется в тебе, и оно-то, существующее в настоящем, и поддается измерению, а не то, что уже прошло и его нет. И это запечатлевшееся в тебе я и измеряю, измеряя время. Таким образом, вот где находится время, в противном же случае я его вообще не измеряю. Ну, а когда мы измеряем молчание и говорим, что это-де молчание длилось столько же, сколько и этот вот звук, то разве мысленно мы не измеряем этот звук, хотя бы он и не раздавался в воздухе, и таким образом определяем, сколь долго длилось молчание? Молча мы произносим в уме стихотворение или любую другую речь; мы сообщаем об их размерах, о занятых ими промежутках времени, как если бы мы их произносили

вслух. Допустим, кто-либо захотел издать некий звук и при этом пожелал заранее узнать, сколь долгим он будет. Он мысленно издает его, определяет длительность и затем уже издает вслух, дабы он прозвучал до положенного ему срока. В процессе же его звучания происходит вот что: то, что уже раздалось, отзвучало; то, что осталось, еще прозвучит. Внимание, существующее в настоящем, переправляет будущее в прошлое; уменьшается будущее — растет прошлое, исчезает будущее — и все уже становится прошлым.

Глава XXVIII

Но как уменьшается и исчезает будущее, которого еще нет? Как растет прошлое, которого уже нет? Да так, что все это существует только в душе, и только в ней есть все три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит: то, что она ждет, проходит через то, что она внимает, и становится тем, что она помнит. Будущего еще нет, но в душе живет ожидание будущего. Прошлого уже нет, но в душе живут воспоминания о прошлом. Настоящее лишено длительности, но внимание — протяженно. У будущего нет длительности, ибо нет и самого будущего; длительность будущего — это длительность его ожидания. У прошлого нет длительности, ибо нет и самого прошлого; длительность прошлого — это длительность памяти о нем.

Я собираюсь пропеть; пока я не начал, ожидание мое устремлено к этой песне, причем к ней всей; когда же я начну петь, то по мере того, как ожидание будет истаивать вместе с пропетым и вместе с ним уходить в прошлое, туда же вслед за ними устремится и память. Сила, вложенная в мое действие, распределена между памятью

о том, что я уже сделал, и ожиданием того, что я еще сделаю. Внимание же сосредоточено на настоящем, через которое будущее переходит в прошедшее. Чем далее продвигается действие, тем короче становится ожидание и тем длительнее память; в конце концов ожидание исчезнет, и действие завершится, целиком поместившись в памяти. То, что происходит с целой песней, то же происходит и с каждой ее частью; то же происходит и со всем представлением, частью которого является эта песня; то же происходит и со всей нашей жизнью, складывающейся из своих частей — действий. То же и со всеми веками, прожитыми сынами человеческими, ибо все жизни наши — только части этих веков.

Глава XXIX

Поскольку «милость Твоя лучше, нежели жизнь» (Пс. LXII, 4), то вот она, жизнь моя: она разбросана во многом, но «десница Твоя поддерживает меня» (Пс. XVII, 36) в Господе моем, истинном Посреднике между Тобой, Единым, и нами, множественными, живущими многим и во многом, а потому и чаю я достигнуть Его, «как достиг меня Христос Иисус» (Флп. III, 12). Уйдя от ветхого человека и собрав себя, да последую за одним. Не блуждая в прошлом, не рассеиваясь в мыслях о будущем и преходящем, но сосредоточившись на том, что предо мною, пойду к Тому, Кто свыше, не уставая воздавать хвалы, дабы «созерцать красоту Господню и посещать храм Его» (Пс. XXVI, 4), вечный и неизменный. Теперь же «истощилась в печали жизнь моя и лета мои в стенаниях» (Пс. XXX, 11), и одно утешение мое в Тебе, Господи. Ты — вечный Отец мой, я же пребываю во времени; мысли мои, сердцевина души, раздираются шумной толпой преходящего, и так будет дотоле, доколе не прильну я к Тебе, не сольюсь с Тобою, очищенный и расплавленный в горниле Твоей любви.

Глава XXX

Тогда я встану, утвержусь в Тебе, в образе своем, в истине Твоей. Я не претерплю более вопросов от людей, наказанных болезненной жаждой, которым хочется выпить больше, чем они в силах вместить. Они вопрошают: «Что делал Бог до сотворения мира?», или: «Почему Он решил что-то сделать, если прежде Он ничего не делал?» Дай им, Господи, уразуметь, что они говорят, открой им, что там, где нет времени, нет никакого «до» и «прежде». Прежде не делать, значит не делать во времени. Пусть увидят они, что без сотворенного нету и времени, и пусть прекратят свое пустословие. Пусть обратятся к Тебе, Сущему до всякого времени, вечному Творцу всех времен, всего, что во времени и даже до него.

Глава XXXI

Господи Боже мой, сколь глубоки тайны Твои, как далеки мы от них из-за наших грехов. Исцели глаза мои: пусть порадуются свету Твоему. Есть ли в мире душа, столь великая знанием своим, что ведомо ей и прошлое, и будущее, ведомо настолько, насколько ведома мне иная песня? Тогда удивительна и достохвальна она: ведь ей настолько же открыто и то, что прошло, и то, что еще наступит в грядущих веках, как и мне открыто, когда я пою эту песню, сколько уже мною спето и сколько еще остается до ее конца. Но и тогда пусть не чудится мне, будто Ты, Творец вселенной и Устроитель душ и тел, знаешь прошедшее и будущее таким же образом. Нет, Ты постигаешь все куда таинственнее и куда прекрасней. У поющего и слушающего, при ожидании будущих звуков и воспоминании о прошедших, что-то может изменяться в уме, да и чувства рождаются разные. Ты же — неизменен вовек, ибо Ты — воистину вечный Создатель умов. Как знал Ты в начале небо и землю неизменным и вечным знанием Своим, так и сотворил их в начале единым Своим действием. Кто понимает это, пусть восхваляет

Тебя, и кто не понимает, пусть восхваляет Тебя. В сердце смиренном — дом Твой; Ты «восстанавливаешь согбенных» (Пс. CXLV, 8), и не падают возвышенные Тобой.

Книга двенадцатая

Глава I

Сильной скорбью скорбит мое сердце в нищете этой жизни моей, когда стучатся в него слова Писания Твоего. Сколь часто речистость — одежда, в которую рядится скудоумие; искание красноречивее открытия, просьба пространнее ее исполнения, стучащая рука более трудится, нежели рука получающая. Мы чаем исполнения Твоих обещаний — кто отнимет это у нас? «Если Бог за нас, кто против нас» (Рим. VIII, 31)? «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. VII, 7, 8). Таковы обещания Твои, и кто побоится обмана, когда обещает сама Истина?

Глава II

Исповедую высоте Твоей ничтожество языка моего. Ты сотворил небо и землю: небо, которое я вижу, землю, по которой хожу и чей прах ношу на себе. Ты сотворил это. Но где, Господи, то Твое небо, о котором поется в псалме: «Небо — небо Господу, а землю Он дал сынам человеческим» (Пс. CX II, 1, 24)? Где это невидимое нами небо, пред которым все видимое — земля? Наш чувственный мир в целом (хотя он и не целостен) прекрасен даже в самых последних созданиях своих, и, однако, что он по сравнению с Твоим небом, пред которым и наше небо — земля? Эти наши две гигантские массы — только земля пред неведомым мне небом Господа моего.

Глава III

Земля эта «была безвидна и пуста»; что это была за великая бездна, Господи, над которою не было света? Она была лишена всяческой формы, почему Ты и велел прибавить: «И тьма над бездною» (Быт. I, 2). Как разуметь это, как не отсутствие света? Ибо где был бы свет, если бы был? Конечно же, надо всем, озаряя пространства. Тьма же — отсутствие света, а значит, света еще не было. Таким образом, над бездною была тьма, ибо и под нею не было света. Это подобно тому, что происходит со звуком: где нет никакого звука, там — молчание; молчание — это отсутствие звука.

Это Ты, Господи, наставил душу мою, исповедующуюся Тебе, это Ты внушил ей, что прежде чем Ты оформил и разукрасил эту безвидную материю, не было ничего: ни цвета, ни формы, ни тела, ни духа. И все-таки то нечто, что уже было, не было абсолютным «ничто»: оно было, хотя и было безвидным.

Глава IV

Как же нужно было назвать это нечто, чтобы дать о нем представление нашим умам, не всегда проницательным? Конечно, каким-нибудь привычным для нас словом. А что можно найти такого, что было бы наиболее близким к представлению о полном отсутствии формы, как не земля и бездна? Самые нижние пределы творения Твоего, они далеко не столь прекрасны, как сверкающие и светящиеся тела вверху. Потому-то для обозначения безвидной материи, которую Ты сотворил в начале, дабы затем создать из нее мир, столь оформленный и прекрасный, и были использованы такие знакомые людям слова: «Земля же была безвидна и пуста».

Глава V

Когда же мысль ищет в этой материи то, что может быть ей доступным, то говорит сама себе: «О ней нельзя рассуждать отвлеченно: это не справедливость и не жизнь. Это телесная материя, но она недоступна и чувствам, ибо она неоформлена и невидима: ее нельзя ни увидеть, ни воспринять». И когда она говорит так, то застывает в недоумении: как познать ее, не понимая, и как понять, не познав?

Глава VI

Как исповедать Тебе, Боже, устами моими и стилем то, чему научил Ты меня об этой материи? Я и прежде слышал о ней и не понимал, а если кто-либо пытался разъяснить мне это, то и он ничего не понимал. Я представлял ее в бесчисленном разнообразии видов и форм, а значит, представлял не ее. Душа блуждала среди беспорядочного и отвратительного, но все же и оно было как-то оформлено. Я полагал бесформенным не полную лишенность формы, а нечто такое, что было непривычным или нелепым, от чего бы я пришел в замешательство и от чего отвернулись бы все чувства мои. То, что представало моему воображению, было не бесформенным и лишенным всякого образа: просто форма его была безобразна. Здравый разум убеждал меня отвлечься от всех форм, если я хочу представить себе бесформенное и неопределенное, но я не

мог[40]. Я скорее готов был признать, что лишенное формы не имеет бытия, чем представить себе нечто, находящееся между формой и «ничто».

Тогда ум мой отвлекся от воображения, которое было полно всевозможными образами тел, всячески изменяя их и разнообразя. Я сосредоточился на самих телах, наблюдая их изменчивость: исчезает то, чем они были, и возникает то, чем они не были. Я стал догадываться, что сам этот переход от формы к форме совершается через нечто бесформенное[41], которое, однако, не может вообще не быть, и захотел об этом не только догадываться, но и знать.

Если бы я стал исповедоваться Тебе обо всем том, что Ты открыл моему уму, то у кого из читающих исповедь мою хватило бы сил и терпения

---

[40] Примечания: 40

«Нужно признать, что само понятие неопределенности может приобрести определенный характер, но исходный пункт, от которого мы должны отправляться, чтобы достичь этой определенности, остается, тем не менее, неопределенным. И так как все познается с помощью понятия и мышления, а в нашем случае понятие устанавливает только общий признак неопределенности, мышление же остается лишенным всякого содержания, являясь по существу как бы полным отсутствием мысли, то представление неопределенности есть не настоящее представление, ибо к нему примешивается момент иного, неистинного бытия, с отражающим это бытие понятием. И, возможно, Платон имел в виду именно это, когда утверждал, что неопределенность может быть понята только своего рода ублюдочным разумом». Плотин. Эннеады. «О двух видах материи» (II, 4, 9).

[41] Примечания: 41

«Материя нужна только там, где происходит процесс становления, где из одного явления возникает другое, — именно этот процесс и дал повод к образованию понятия материи, опирающемуся на существование предметов чувственно воспринимаемого мира. Все, что пребывает неизменным, не нуждается в материи». Плотин. Эннеады. «О двух видах материи» (II, 4, 2).

это осмыслить? Но сердце мое не устанет благодарить Тебя за то, о чем оно не в состоянии поведать. Итак, изменчивое потому и изменчиво, что оно может воспринять все формы, через которые оно проходит[42]. Что же это? Душа? Тело? Некое соединение души и тела? Если бы о нем можно было сказать, что это нечто, которое есть ничто, или же что это то, чего нет, я бы, пожалуй, так и сказал. Но все же это было то, что как-то было, и из него-то и возникало все видимое и устроенное.

[42] Примечания: 42

«Все исследователи, выработавшие общее представление о так называемой материи, согласны в том, что она является субстратом и местом пребывания единичных форм». Плотин. Эннеады. «О двух видах материи» (II, 4, 1).

Глава VII

Откуда же «это», которое «было», как не от Тебя, от Которого все, что начало быть? Только чем более сотворенное отличается от Тебя, тем оно от Тебя и дальше; дальше, разумеется, не в смысле пространства. Ты, Господи, не бываешь то одним, то другим, то тем, то этим: Ты всегда и неизменно есть один и тот же, истинно Сущий, святой и всемогущий Господь, создавший все из «ничего». Началом, Которое от Тебя, Премудростью Своею, с Которой Ты субстанциально — одно. Небо же и землю Ты сотворил не из Своей субстанции, иначе творение Твое было бы равно единородному Сыну Твоему, а через Него и Тебе. Помыслить же подобное никак нельзя, ибо все это от Тебя, но не из Тебя. Но кроме Тебя, Боже, единая Троица и троичное Единство, не было ничего, из чего бы Ты мог создать мир. Ты создал небо и землю из «ничего», великое небо и малую землю, и так как Ты — всемогущее Благо, то Ты и сотворил все благим. Был только Ты и это «ничто», и из него-то Ты и создал небо и землю, два тела, одно из которых ближе к Тебе, другое же — ближе к «ничто»; одно, над которым — Ты, другое, под

которым — ничего.

Глава VIII

Небо — Тебе, Господи, земля же, предназначенная для сынов человеческих, которую ныне мы можем видеть и щупать, в начале была не такой. Она была безвидна и пуста; она была бездной, над которой не было света, ибо была «тьма над бездною», т. е. тьма была даже большей, чем сейчас бывает в безднах. Даже в глубочайших водных безднах есть какой-то свет, ощущаемый рыбами и гадами, ползающими по дну; тогда же все было почти «ничто», ибо было безвидным, однако оно уже было готово обрести свой вид.

Ты, Господи, сотворил мир из бесформенной материи, из почти «ничто», которую создал из ничего, дабы сотворить из этого то великое и прекрасное, коему не устаем дивиться мы, сыны человеческие. Так изумительно это видимое небо, эта твердь между водой и водой, которую Ты создал на второй день после создания света, сказав: «Да будет», и стало так. Эту твердь Ты назвал небом, но небом для этих земли и морей, которые Ты сотворил в третий день, оформив безвидную материю, созданную Тобою прежде всех дней. И небо Ты создал прежде всех дней,

но только то, Твое небо, ибо в начале Ты создал небо и землю. Земля же эта и была бесформенной материей, ибо была «безвидна и пуста, и тьма над бездною». Из этой безвидной и пустой земли, из этого неоформленного почти «ничто» Ты и создал все то, из чего состоит наш изменчивый мир. Оно-то, почти «ничто», и позволяет нам чувствовать время, ибо время творится становлением вещей; то же, материалом чему послужила «безвидная земля», находится в непрестанном становлении.

Глава IX

Поэтому-то Дух, направлявший слугу Твоего, сообщив ему, что в начале Ты сотворил небо и землю, ничего не говорит о времени, молчит о днях. Действительно, то высшее небо, которое Ты сотворил в начале, суть духовный мир. Он не предвечен, как Ты, но все же причастен вечности Твоей. Он неизменен в своем блаженстве непрестанно созерцать Тебя. Прилепившись к Тебе от начала сотворения своего, он не знает падений, не знает печалей всегда ускользающих времен. И это неоформленное почти «ничто», эта пустая и безвидная земля также была вне времени. В том, что лишено порядка и вида, что ничего не приемлет и ничего не теряет, в том нет, конечно, ни дней, ни смены времен.

Глава X

О, Истина, Свет сердца моего! Пусть не мешает мне темнота моя. Я барахтался в ней, был охвачен тьмою, но и там я не переставал любить Тебя. Я скитался, и в скитаниях вспомнил Тебя. Я слышал слово, говорящее позади меня: «вот путь, идите по нему» (Ис. XXX, 21), но слабо звучало оно сквозь шум и грохот мирских заблуждений. И только теперь я, запыхавшись и устав, возвращаюсь к источнику Твоему. Пусть никто не отгонит меня от него: из него буду пить, им буду жить. Пусть не ищу я более жизни в себе: я плохо жил собой, был сам себе могилой; только в Тебе оживаю. Говори со мной, наставляй меня. Я доверился книгам Твоим, но слова их — великая тайна.

Глава XI

Ты сказал мне, Господи, громким гласом в духовное ухо мое, что Ты вечный и «единый, имеющий бессмертие» (I Тим. VI, 16), ибо Ты постоянен в облике, недвижим и воля Твоя неизменна. Воля, водящая сейчас одно, а затем — другое, преходяща. Это ясно мне пред лицом Твоим, да пребуду я в откровении этом смиренно под крылами Твоими. Еще сказал Ты мне, Господи, громким гласом в духовное ухо мое, что все вещи и все субстанции, которые не есть то же, что Ты, но которые имеют свое бытие, сотворены Тобою. Не от Тебя лишь то, чего нет. Не от Тебя также и то уклонение воли от Тебя, полноты бытия, к тому, чье бытие ущербно; оно есть проступок и грех, но и грех не вредит Тебе, не нарушает порядка ни на небесах, ни на земле. И это мне ясно пред лицом Твоим, да пребуду я в откровении этом смиренно под крылами Твоими. И еще сказал Ты мне, Господи, громким гласом в духовное ухо мое, что не предвечны и те творения Твои, для которых лишь Ты один — радость. Наслаждаясь Тобою в неизменной своей чистоте, не вставая на путь изменений, всегда рядом с Тобою в своей

любви, не ожидая будущего, не блуждая памятью в прошлом, они не испытывают перемен и не рассеиваются во времени. Блаженны они, причастные блаженству Твоему, блаженны потому, что вечно пребывают с Тобою, просвещаемые Тобой. Что же еще можно назвать «небом Господу», как не эту обитель Твою, эти чистые умы, единые и согласные, в нерушимом и святом духовном мире созерцающие сладость Твою, этих верных жителей града Твоего на горних небесах, которые выше всех небес?

Да постигнет душа, уставшая от бесплодных странствий; если жаждет она Тебя, если слышит звучащее в ней: «Где Бог Твой?» (Пс. XLI, 11), если одного просит она у Господа — пребывать в доме Господнем во все дни жизни ее (Пс. XXVI, 4), ибо что есть жизнь ее, как не Ты, что есть дни Твои, как не вечность, поскольку «Ты — тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс. CI, 28), — да постигнет она, сколь высок Ты в вечности Своей, коль скоро и не предвечное в обители Твоей не знает смен времен, пребывая с Тобою неизменно и нерасторжимо. Это ясно мне пред лицом Твоим, да пребуду я в откровении этом смиренно под крылами Твоими.

Но как возникает неоформленная материя

при изменениях в самом последнем и низком? Я этого не знаю. Но знаю, что только тот, чье сердце блуждает во мраке своих пустых фантазий, осмелится утверждать, что даже при последнем уничижении и даже полном исчезновении форм, когда остается одно неоформленное «нечто», возможна смена времен. Как такое может быть, если вне разнообразия движений нет времени, а при отсутствии форм нет и разнообразия?

Глава XII

Ты, Господи, дозволяешь мне вопрошать Тебя, Ты понуждаешь стучаться и открываешь стучащему. Я искал и постиг: Ты, Боже, создал два мира, не знающих времен, хотя они и не предвечны, как Ты. Один из них живет в неослабном созерцании и потому, способный к изменениям, пребывает неизменным, неизменно наслаждаясь Твоею вечностью и неизменностью. Другой же был бесформенным и пустым, в нем не было ничего, что, переходя от одного движения к другому или же от одного движения к покою и далее к другому движению, могло быть подчинено течению времени. Итак, прежде всех времен, до всякого дня Ты сотворил «в начале небо и землю», эти два мира, о которых я сказал.

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». В этих словах дается представление о бесформенности, дабы люди могли постепенно постигать смысл того, что недоступно их воображению, не способному представить себе что-либо при отсутствии какой бы то ни было формы. И из этой-то бесформенной материи и возникли наши небо и земля, уже оформленные и наполненные

всем тем, о чем в дальнейшем говорится при рассказе об устроении мира за шесть дней. Все это уже было подчинено смене времен в силу упорядоченных изменений в их движениях и формах.

Глава XIII

Вот что открылось мне, Боже, когда я читал в Писании Твоем: «В начале Бог сотворил небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною»; причем там не было сказано, в какой день Ты сотворил все это. Я понял, что речь здесь идет о Твоем, умопостигаемом небе, где разуму открывается все целокупно, а не частично, не как «сквозь тусклое стекло, гадательно, а лицом к лицу» (I Кор. XIII, 12). Там не познается все так, как у нас: сначала одно, потом другое; там нет никаких форм, а потому и нет ни «того», ни «другого».

Потому-то, понял я, Писание и не упоминает ни о каких днях, ибо говорит оно, с одной стороны, о чем-то изначально организованном, т. е. о Твоем небе, с другой, — о совершенно бесформенном, т. е. о безвидной и пустой земле. Поэтому и сказано: «В начале Бог сотворил небо и землю», а затем, не говоря когда, сразу сообщается о том, какой была эта земля. Когда же говорится о том, что во второй день была создана твердь, названная небом, то этим дается понять, о каком небе, без указания дня творения, шла речь выше.

Глава XIV

Сколь глубоки слова Твои, Боже! Вот перед нами поверхность: ее чистая гладь улыбается детям Твоим; но какая под ней глубина! С почтительным трепетом вглядываешься в нее, с дрожью великой любви. Как ненавистны мне враги Писания Твоего, ибо стали они врагами самим себе: обнажи на них меч Свой обоюдоострый, пусть погибнут они для себя, чтобы жить с Тобой.

Есть и другие, которые не нападают на книгу Бытия, а, как бы восхваляя ее, говорят: «Дух Божий, написавший книгу сию через раба Своего Моисея, имел в виду не то, о чем говоришь ты, а то, о чем говорим мы». Таким я отвечу, Господи, помоги мне в этом и наставь.

Глава XV

Как возразите вы? Ужели скажете, что ложным было сказанное мне громким гласом в духовное ухо мое, что вечен Творец, что сущность Его неизменна, что воля Его и субстанция Его — одно? И что поэтому Он не желает сперва одного, а затем — другого, но все, что Он желает, желает сразу и навсегда, а не так, что сейчас то, а потом, глядишь, что-то тому противоположное. Подобная воля изменчива, а значит, не вечна. А Господь наш «есть Бог наш на веки и веки» (Пс. XLVII, 15). Ужели сочтете ложью сказанное мне Истиной в духовное ухо мое, что ожидание грядущего становится созерцанием настоящего, а затем, когда настоящее уходит в прошлое, оно становится воспоминанием? Столь многообразная деятельность ума изменчива, а значит, не вечна. А Господь наш «есть Бог наш на веки и веки». Собрав все это вместе, я говорю: Бог мой, Бог вечный, сотворил мир не по какому-то вдруг возникшему желанию, которого раньше не было; и еще говорю, что в знании Его нет ничего преходящего.

Что скажете? Что это ложь? «Нет», — говорят они. Что же еще? Неужели то, что все вещи,

принявшие форму, равно как и неоформленная материя, получили свое бытие только от Него, истинного Блага, ибо Он один — истинно Сущий? «И этого не отрицаем». А что же тогда? Возможно, вы станете отрицать, что есть такие высшие духовные твари, которые соединены чистой любовью с истинным и вечным Богом? Они не предвечны, как Он, но, покоясь в чистейшем созерцании Его, Единого, любя Его так, как Он заповедает любить и нам, они не скатываются в пеструю суету времен, не уклоняются от Него к себе. Это дом Божий, не наш, земной, состоящий из плотной массы, а духовный, причастный вечности Божией. Ты «поставил его на веки и веки, дал устав, который не прейдет» (Пс. CXLVIII, 6). Он, однако, не предвечен, ибо сотворен. Но есть ли время до его сотворения? Нет, ибо прежде всего была создана мудрость, — не та Премудрость, Которая совечна Тебе, Отцу Своему, и равна Тебе, и Которой сотворено все; Она и есть то Начало, Которым Ты сотворил небо и землю, — но мудрость сотворенная, т. е. духовная и умная природа, ставшая светом от созерцания Света. И она, сотворенная, суть мудрость, но как свет от источника света отличается от света отраженного, так и Мудрость творящая отличается от мудрости сотворенной,

созерцающей творение. Так и оправдывающая правда отличается от правды, восстановленной оправданием, — ведь и о нас сказано, что мы оправданы Тобой. Так говорит раб Твой: «Чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (II Кор. V, 21).

Итак, прежде всего была создана мудрость, т. е. духовный и разумный мир, чистый град Твой, мать наша — вышний Иерусалим (Гал. IV, 26). И где, на каких небесах, как не на тех, что восхваляют Тебя, на небе Твоем, Боже? И этой мудрости не предшествовало время, ибо прежде всего, прежде всех времен была сотворена она. И только сам Творец предшествовал ей, сотворив ее не во времени, так как времени еще не было. Он от Тебя, Господи, этот дивный мир, но он — не Ты, и существует лишь благодаря Тебе и Тобою. И времени не было не только до него, но нет его в нем, ибо он вечно и неотрывно созерцает лице Твое. В нем нет изменения и тени перемены, но не потому, что он по природе своей неизменен: ему свойственна изменчивость, которая тотчас бы окутала его своим мраком, если бы не просветлялся он непрестанно Твоею любовью, сияющею над ним вечным полднем.

О, неизреченная красота, залитая неизречен-

ным светом! «Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей» (Пс. XXV, 8). О нем воздыхаю в дни странствий моих и говорю Устроителю его: владей там и мною, ибо и я — творение Твое. «Я заблудился, как овца потерянная» (Пс. CXVIII, 176), но чаю: придет Пастырь мой, Устроитель «жилища славы», и на плечах отнесет меня туда.

К вам обращаюсь, любители споров, которые, однако, признают, что книги Моисея, благочестивого раба Божия, продиктованы Духом Святым. Что вы можете мне возразить? Разве это — не обитель Божия, не совечная Богу, но в меру свою и вечная, в которой напрасно искать перемен и времен? Она возвышается над круговоротом веков, там всегда «благо приближаться к Богу» (Пс. LXXII, 28). «Да, это она». Так что же тогда из того, о чем возгласило сердце мое к Богу моему, «возвещая гласом хвалы» (Пс. XXV, 7), что же — неправда? То, что до времени была неоформленная и неупорядоченная материя? Но ведь именно при отсутствии какой бы то ни было упорядоченности и не могло быть смены времен. Но и это почти «ничто» было, конечно, от Того, от Которого все, ибо «без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. I, 3). «И с этим, — говорят

они, — мы согласны».

Глава XVI

Господи, пред лицом Твоим я хотел бы беседовать с теми, кто верит в истинность всего того, о чем не умолчала в сердце моем Истина Твоя. Что мне за дело до тех, кто в похотствованиях своих клевещет на нее? И все же я хочу убедить их, дабы успокоились они, открыли сердца свои слову Твоему. Если же они воспротивятся и оттолкнут меня, молю Тебя, Боже, «не будь безмолвен для меня» (Пс. XXVII, 1), да глаголет Истина Твоя в сердце моем, их же я изгоню: пусть, вздымая пыль, ослепляют ею глаза свои. Я приближусь к жилищу Твоему и воспою песнь любви: да ходатайствует за меня Дух «воздыханиями неизреченными» (Рим. VIII, 26). Помня о Тебе, я вознесусь к нему, вышнему Иерусалиму, отечеству моему, матери моей; вознесусь к Тебе, Царю его и просветителю его, его Отцу и Супругу; вознесусь к усладам его, чистым и верным, к радости неизбывной, к вечным его благам, ибо Ты — единое истинное Благо. Да не отвращусь от Тебя, пока не водворюсь в покое ее, дорогой матери моей, где начатки духа моего, откуда все, что мне ведомо неложно. Собери меня, рассеянного;

образуй меня, безобразного; утверди в вечности меня, милосердный Господь мой.

Вот, я готов продолжить беседу свою с теми, которые не спешат объявить все истины — ложью, которые почитают святые книги, написанные Моисеем, человеком святым, превознося их выше всех авторитетов, но которые, однако, не во всем и согласны со мною. Господи мой, молю, будь посредником между исповеданием моим и возражениями их.

Глава XVII

Они говорят: «Все сказанное Моисеем — истина, но не то он имел в виду, когда по откровению Духа сказал: „В начале сотворил Бог небо и землю“. Под именем неба он обозначил не тот духовный и умный мир, который всегда созерцает лик Божий, а под именем земли — отнюдь не бесформенную массу». «А что же?» «То, что под ними разумеем и мы». «А именно?» «Землею и небом назвал он весь видимый мир, назвал обобщенно и кратко; затем же, указывая дни, он рассказал о творении его по частям, ибо так было угодно Святому Духу. Народ, которому он все это поведал, был груб и привержен плоти, а потому он и вел свой рассказ лишь о телесных творениях Божьих».

Так говорят они, соглашаясь при этом, что не будет никакого противоречия, если безвидную и пустую землю и темную бездну, из коих последовательно в надлежащие дни было устроено все видимое и хорошо нам известное, считать неоформленной материей. «Прекрасно, — воскликнет кто-то, — так почему же тогда не признать, что само название „небо и земля“, столь нам привычное, которым нередко мы склонны

обозначать весь устроенный и видимый мир, именно по этой причине и было использовано для обозначения бесформенной массы, из коей и был затем сотворен этот мир?» Возможно, кто-то еще добавит, что земля и небо — подходящие названия для чувственной и умопостигаемой природ, которыми охватывается все, что Бог сотворил Премудростью, т. е. Началом. Сотворил, правда, не из Своей субстанции, а из ничего; творение не имеет, как Бог, самобытия, а потому ему присуща изменчивость, пребывает ли оно неизменно, как вечное Божие небо, или же постоянно меняется, как тело и душа человека. Что же мешает предположить, что как для чувственного, так и для сверхчувственного миров общей была бесформенная, но способная воспринять форму материя, названная «безвидной и пустой землей и тьмой над бездной», из коей впоследствии и было создано все видимое и невидимое? Разве что можно прибавить, что под «землей» надобно понимать материю, из которой сотворялось потом телесное, а под «тьмой над бездной» — материю духовного до того, как она была просветлена мудростью.

Можно еще, пожалуй, сказать, что «земля и небо» обозначают видимую и невидимую при-

роды до получения ими совершенной формы. Когда читаем: «В начале сотворил Бог небо и землю», то этими словами называется дообразный набросок мира, материя, способная оформиться и послужить надлежащим материалом для творения; мир уже пребывал в ней, но безвидный, без наличия свойственных ему качеств и форм. Упорядоченный же, он вновь называется небом, когда речь идет о мире духовном, и землей, когда — о телесном.

Глава XVIII

Выслушав все это и обдумав, я говорю, что не желаю «вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих» (II Тим. II, 14). «Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры. А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его» (I Тим. I, 5, 8). Учитель знал, к каким двум заповедям возводится все, что сказано в Законах и у пророков. И я исповедую их, Господи, свет очей моих во тьме, с просветленным Тобою сердцем. Что же за дело мне до того, что эти слова понимаются по-разному? Главное, что истина их несомненна. Одни разумеют их так, я — несколько иначе, но все мы, читая, силимся усвоить и уследить, что хотел передать бытописатель. Зная о праведности его, мы не осмеливаемся думать, что он написал нечто ложное. И если каждый из нас старается в Писании Твоем ухватить мысль писавшего, то что же плохого в том, что он увидит и поймет именно то, что Ты, Свет праведных, благоволишь открыть ему как истину, хотя бы и писавший имел в виду нечто иное? И он понимал, что есть истина, но

понимал по-своему.

Глава XIX

Истинно, Господи, что Ты создал небо и землю. Истинно, что Начало — Премудрость Твоя, коею Ты сотворил все. Истинно также и то, что чувственный мир состоит из двух больших частей: неба и земли; их именем мы часто обозначаем все видимое творение Твое. Истинно, что все изменяемое говорит о чем-то изначально бесформенном, что, однако, способно воспринимать формы, изменяться и разнообразиться. Истинно, что вне времени то, чья форма неизменна: неизменна не по природе, однако — не изменяется. Истинно, что для бесформенного, которое есть почти «ничто», также не может быть смены времен. Истинно, что вещество, из коего, как из первоосновы, творится то или иное, может носить название того, что из него творится, а потому «небом и землей» вполне может быть названо то, из чего созданы небо и земля. Истинно, что из всего оформленного ближе всего к неоформленному именно земля и бездна. Истинно, что не только то, что было сотворено и образовано, получило свое бытие от Тебя, от Которого все, но и то, из чего оно было сотворено и образовано. Истинно,

что все, получившее вид и образ из того, что было лишено вида и образа, само было прежде без вида и образа, пока не получило его.

Глава XX

Из всех этих истин, в которых не сомневается никто из тех, кому Ты даровал постигать их внутренним оком и кто непоколебимо верит, что верный слуга Твой Моисей говорил в Духе истины, — из всех этих истин один останавливается на одной, читая: «В начале сотворил Бог небо и землю», и толкует эти слова так: «Бог Словом Своим, совечным Ему, сотворил два мира: духовный и телесный, или невидимый и видимый». Другой, читая то же: «В начале сотворил Бог небо и землю», понимает иначе: «Бог Словом Своим, совечным Ему, сотворил дообразную материю, не имевшую ни вида, ни формы, из которой затем образовал все, что есть в мире телесном». Третий, прочитав: «В начале сотворил Бог небо и землю», придает этим словам такой смысл: «Бог Словом Своим, совечным Ему, сотворил всю громаду телесного мира, со всем, что в нем есть». Четвертый, читая: «В начале сотворил Бог небо и землю», рассудит так: «Бог Словом Своим, совечным Ему, сотворил лишь дообразную материю, не имевшую ни вида, ни формы, из которой затем образовал все, что есть видимого и невидимого».

Пятый же, говоря: «В начале сотворил Бог небо и землю», полагает так: «В самом начале творения не только все то, что было сотворено из ничего и образовано из бесформенной материи, но и все то, что только могло быть сотворено и образовано, получило бытие от всемогущего Творца, и все это и названо небом и землею».

Глава XXI

То же относится и к последующим словам: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». Из всех возможных толкований один выберет такое: «Эта телесность, которую сотворил Бог, была только безóбразной материей, неупорядоченной и неосвещенной, предназначенной для образования видимых вещей». Другой же в словах: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» увидит следующее: «То, что названо было небом и землей, представляло собою безобразную и темную материю, из которой впоследствии были созданы телесная земля и телесное же небо со всем, что в них есть». Третий те же слова: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» поймет так: «Под именем неба и земли обозначена мрачная масса, материя, из коей затем были созданы как небо духовное, небо Господу, так и все телесное: и чувственная земля, и чувственное небо». Найдутся и такие, которые, прочтя: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною», скажут: «Писание под именем неба и земли обозначает не творимую материю, а нечто бесформенное, что уже существовало

прежде, из чего, как было сказано выше, Бог и создал небо и землю, т. е. невидимое и видимое». Иные же, услышав: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною», предложат такое толкование: «Хотя эта материя, не имевшая ни вида, ни образа, существовала и прежде, и именно из нее, как было сказано, сотворил Бог небо и землю, но из этой материи был образован только мир телесный, т. е. чувственное небо и чувственная земля со всем, что в них есть».

Глава XXII

Допустим, что на два последние толкования кто-либо возразит так: «Если вы не хотите согласиться, что под именем неба и земли была обозначена изначальная материя, не имевшая ни вида, ни образа, то вам придется предположить, что прежде всякого творения Бога существовало нечто, что послужило Ему материей, из которой Он создал небо и землю». Впрочем, и Писание ничего не говорит о том, что Бог творил какую бы то ни было материю, и мы можем лишь предполагать, что именно ее следует разуметь или под общим именем неба и земли, или же под именем одной земли, когда говорится: «В начале сотворил Бог небо и землю», а вслед за тем: «Земля же была безвидна и пуста». И хотя эта материя и была бесформенной, но и ее сотворил Бог, что следует из вышеприведенных слов: «В начале сотворил Бог небо и землю».

На это возражение защитники двух последних мнений могут ответить; «Вы ошибаетесь. Мы нисколько не отвергаем того, что изначальная материя, пусть и бесформенная, была сотворена Богом, Которым все было создано „хорошо весь-

ма“ (Быт. I, 31). И хотя творение, получившее вид и образ, мы признаем более совершенным, чем творение, не получившее вида и образа, однако, так как и оно — творение Божие, то мы говорим и о нем, что оно — благо. Ну, а что до того, что в писании Моисея не сказано прямо о том, что эта бесформенная материя была сотворена Богом, то это ведь не единственный случай такого рода: Писание, например, умалчивает о том, как были созданы херувимы и серафимы, равно как и все те, кого перечисляет апостол: престолы, господства, начальства и власти (Кол. 1, 16), т. е. совершеннейшие существа мира духовного, кои, конечно же, были сотворены Богом. И еще: если словами „Сотворил небо и землю“, по вашему мнению, обнимается все творение, то что вы скажете о водах, над которыми носился Дух Божий (Быт. I, 2)? Ибо если под „землей“ понимаются и воды, то что общего между такою землей и бесформенной материей? Ведь в этом случае земля должна была заключать в себе и воду, в которой столько прозрачности, чистоты и света, что о ней никак нельзя сказать, что она — темная и безобразная масса. И, кроме того, как тогда понять то, что далее сказано о том, что Бог сотворил твердь, назвав ее небом, сотворил, конечно же, из той

же самой материи, и не сказано, что Им были сотворены воды? А между тем воды эти никак не напоминают бесформенной и мрачной массы, а, напротив, удивляют нас своею чистотой и прозрачностью. Или, если они образовались после того, как Бог сказал: „Да соберется вода, которая под небом, в одно место“, назвав собрание вод морями (Быт. I, 9, 10), то что нам сказать о тех водах, которые над твердью (Быт. I, 7)? Не будь они оформлены, они бы никогда не получили столь почетного места, а между тем нигде не сказано о том, как и когда они были оформлены.

Итак, Писание порою умалчивает о том, что было сотворено Богом; но в том, что все было сотворено именно Им, в этом нисколько не сомневается ни вера, ни здравый смысл. Так, ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что небесные воды совечны Богу, только на том основании, что хотя в Книге Бытия они и упоминаются, но нигде не говорится, когда и как они были сотворены. Поэтому-то нам и очевидно, что та бесформенная материя, которая в Писании названа безвидною и пустою землей и темной бездной, была сотворена Богом из ничего, и потому Ему не совечна, хотя бытописатель нигде не упомянул о том, когда она была сотворена».

Глава XXIII

Выслушав и обдумав все эти толкования и объяснения, по мере слабых сил своих (в чем исповедуюсь пред всеведением Твоим, Господи), я вижу здесь возможность для следующих разногласий: с одной стороны, они могут касаться истинности самих разъясняемых предметов, с другой — относиться к пониманию смысла сказанного писателем относительно этих предметов. Ибо одно дело — доискиваться истины в рассказе Моисея о самом творении, и совсем другое — узнавать, что этот верный раб Твой сам разумел и хотел в своем повествовании сообщить нам, читающим и слушающим. Что до сомнений первого рода, то я не хочу иметь дела ни с кем из тех, кто, полагая себя постигшим истину, выдает за нее собственную ложь, праздную фантазию своего воображения. То же касается и тех, кто, сомневаясь вторым родом сомнений, видит в словах Моисея неправду и следует тем мечтаниям и той лжи, которую проповедует сам. Даруй мне, Господи, пребывать в единении и радоваться о Тебе вместе с теми, которые питаются Твоею истиной на широкой пажити любви. Да последуем

все вместе за словами Твоими, поищем в них то, в чем заключалась воля Твоя, переданная Тобою через служителя Твоего, который сообщил нам ее словами, внушенными Тобой.

Глава XXIV

Но если столь много объяснений представляется ищущим истину Твою, объяснений, хотя видимо и не противоречащих друг другу, но вместе с тем и весьма несхожих, то кто из нас может утверждать, что обрел окончательную истину, кто уверенно может сказать, что именно это и имел в виду Моисей, что именно об этом и говорил? Кто, спрашиваю, может знать об этом столь же достоверно, сколь достоверно он знает, что сам рассказ Моисея правдив?

Вот и я, Господи, раб Твой, который дал обет принести Тебе жертву исповеди своей, молю о милосердии Твоем: даруй мне совершенно исполнить обет мой: вот, я смело говорю, что Ты сотворил все видимое и невидимое предвечным Словом Своим; могу ли я столь же уверенно утверждать, что Моисей, написав: «В начале сотворил Бог небо и землю», имел в виду именно это и ничего более? Будучи озарен светом Твоим, я вижу истинность слов моих в истине Твоей; но как мне увидеть, что мыслил сам Моисей, когда писал это, как мне прозреть его дух? Ибо под словами «в начале» он мог разуметь нача-

ло творения; под словами «небо и землю» — не устроенную и завершенную природу духовного и телесного миров, а только приуготовленную для их образования бесформенную, но способную воспринять форму материю. Я также вижу, что все приведенные выше воззрения не оскорбляют истины, но которое из них имел в виду Моисей — не вижу, и потому ничего не могу утверждать, хотя и нисколько не сомневаюсь в том, что этот великий муж, какого бы из высказанных или даже из неупомянутых взглядов он ни придерживался, прозревал передаваемую Тобою нам истину и подобающим образом выразил ее.

Глава XXV

Пусть же никто не докучает мне, говоря: «Моисей имел в виду совсем не то, что говоришь ты, а то, что говорим мы». Если бы они мне сказали: «Откуда тебе известно, что Моисей придавал словам своим тот же смысл, что и ты?», то я воспринял бы такое замечание спокойно, приведя в ответ то, что сказал выше, а возможно, дал бы и более пространный ответ. Но когда они твердят и твердят: «Моисей имел в виду совсем не то, что говоришь ты, а то, что говорим мы», хотя и не могут при этом отрицать, что сказанное мною не менее похоже на истину, чем сказанное ими… о, Боже, Боже, жизнь и дыхание наше, у Которого нет никаких разногласий: окропи бедное сердце мое кротостью и смирением, дабы мог я спокойно сносить бесстыдство подобных людей. Ведь подвигает таких не вдохновение свыше, по коему проникли они в помыслы раба Твоего Моисея, но гордыня; не мысли Моисея волнуют их, а свои собственные, и любят они их не потому, что они истинны, а потому, что они — их. Если бы было иначе, они бы уважали и мнения других, коль скоро эти мнения не противоречили бы истине,

как и я уважаю то, что говорят они, но не потому, что говорят именно они, а потому, что это не противоречит истине. Истина, она потому и истина, что принадлежит всем.

Если им дорога истина ради самой истины, тогда эта истина — общее достояние всех, кому дорога истина. Но если мне прямо заявляют, что Моисей имел в виду совсем не то, что говорю я, а то, что говорят они, то это возмущает меня: я с негодованием отвергаю подобные утверждения, ибо вижу в них не смелость знания, а дерзость невежества. Потому, Господи, нам и надлежит трепетать пред судом Твоим, что истина Твоя не принадлежит исключительно кому-либо из нас, но всем вместе, кого призываешь Ты к наследованию ее, предостерегая при этом, чтобы никто не дерзал присваивать ее себе одному, иначе мы все можем утратить ее, оставшись в неведении. В самом деле, всякий, требующий только себе то, что предназначено Тобою для всех, тем самым отделяется от общего достояния, ограничивая себя своею собственною нищетою. Он сам отделяет себя от истины, повергаясь в пучину лжи, ибо «когда говорит он ложь, говорит свое» (Ин. VIII, 44).

Внемли же, добрый Судия, Боже, в Котором вся

истина, что я отвечу этим спорщикам, внемли, ибо я хочу говорить пред лицом Твоим и пред братьями своими, которые законно употребляют закон, имея в виду, что цель его — любовь (I Тим. I, 5, 8). Внемли и увидь, угодно ли Тебе то, что я скажу. Ответ же свой я приведу в словах братских и мирных: «Если все мы видим, что есть истина и в моих словах, и в ваших, то скажите, прошу, где и как мы это видим? Конечно, ни я в вас, ни вы — во мне; видим мы это в одной высочайшей и неизменной Истине, которая выше всех измышлений нашего разума. Коль скоро никто из нас не намерен спорить о свете Господа нашего, который просвещает нас, то зачем же нам спорить о мыслях ближнего, кои куда более сокрыты и недоступны нам, чем сама неизменная Истина? Даже если бы сам Моисей явился вдруг и сказал: „Я имел в виду то-то и то-то“, то ведь и в этом случае мы не проникли бы в помыслы его, а просто поверили бы на слово. Итак, никто „да не мудрствует сверх того, что написано, и да не превозносится один перед другим“ (I Кор. IV, 6). „Возлюбим же Господа Бога нашего всем сердцем нашим, и всею душою нашею, и всем разумением нашим; возлюбим же ближнего нашего, как самих себя“ (Мф. XXII, 37, 39). Мы должны твердо

верить: что бы ни писал Моисей, что бы при этом ни думал, он во всем твердо следовал этим двум заповедям Господним; думать иначе — значит и Господу приписывать ложь, коль скоро в духе верного служителя Его усматривается нечто, несогласное с учением Его. Глядите же, как безрассудно при таком множестве православных и ни в чем не противоречащих истине воззрений упорно настаивать на каком-то одном из них и утверждать, что именно так и думал Моисей. Этими пагубными словопрениями мы оскорбляем самую любовь, ради которой бытописатель, чьи слова и потаенный их смысл мы пытаемся объяснить, и сообщил нам о миротворении».

Глава XXVI

И, однако, Боже мой, высота моя в смирении моем, покой мой в моей усталости, Ты, Который выслушиваешь исповедь мою и прощаешь мои грехи, Ты заповедал мне любить ближнего моего как самого себя; поэтому могу ли я помыслить, чтобы Моисей, преданнейший слуга Твой, получил от Тебя дар меньший, чем тот, о котором просил бы и я, если бы родился в его время и был определен Тобою на его место, дабы с помощью ума и слова — Твоих даров — начертать эти достоточтимые письмена, которым суждено в течение стольких веков служить во благо и спасение всем народам и повсеместно ниспровергать своим божественным авторитетом лживые и гордые измышления? А я пожелал бы, будь я тогда Моисеем (ибо все мы из праха, да и «что есть человек, что Ты помнишь его?» (Пс. VIII, 5)), я пожелал бы обрести от Тебя такую силу слова, чтобы и те, которым не дано понять, как творит Бог, не могли бы не принять слов моих, ссылаясь на то, что они превосходят их разумение; те же, которым это дано, находили бы в кратких словах раба Твоего любую верную мысль, до которой они дошли

собственными размышлениями. А если бы кто другой усмотрел в свете Истины другую мысль, то и ее он должен был бы найти в этих словах.

Глава XXVII

Как необширный источник, если из него вытекает много ручьев, орошающих обширные поля, куда обильнее каждого из потоков, выходящих из него, так и повествование бытописателя Твоего, служащее первоисточником для многочисленных толкований миротворения Твоего, в этих простых и немногих словах бьет, как неиссякающий родник, ключом чистой истины, который, разливаясь на всевозможные потоки, наполняет души жаждущих истины, так что каждый из нас черпает из него то, что доступно ему в меру разумения его.

Одни, читая или слушая слова о творении, рассуждают так: Бог, обладая беспредельным могуществом, как только явилось в Нем желание, решил, как это бывает и с человеком, сотворить вне Себя, в некоем отделенном от Него пространстве небо и землю, два великих тела: одно вверху, другое внизу, и под небом и землей тут следует понимать все творение в целом. А когда такие слышат: «И сказал Бог», а вслед за тем: «И стало так», то представляют себе, что эти слова действительно прозвучали, от первого начавшегося

слога и до последнего, пока тот не растаял; и по произнесении их тотчас же исполнялось сказанное. И во всем остальном они рассуждают таким же образом, слишком по-человечески и по-плотски, ибо иначе мыслить они еще не умеют. В этих простых душах, в этих немощных младенцах Твоих, которые в словах своих и в мыслях еще как бы не покидают своей колыбели, оставаясь в ней, как в материнских объятьях, в то время, как насаждается в них и укрепляется спасительная вера, живет тем не менее уверенность, что Бог — Творец всего того, что своим дивным многообразием удивляет их и пленяет.

Но горе тому из них, кто, презрев простоту слов Твоих, не будучи еще подготовленным к высшим воззрениям, вздумал бы в горделивом бессилии своем оставить ту колыбель, в которой Ты хранишь и лелеешь детство его. Несчастный, его падение неизбежно. Сжалься над ним, Господи, спаси от беды, чтобы его, неоперившегося птенца, не раздавили чьи-то равнодушные ноги! Пошли ангела Своего, который поднял бы его и вернул в гнездо; пусть остается там, пока не оперится и наберется сил для того, чтобы взлететь.

Глава XXVIII

Другие же, для которых эти слова уже не гнездо, а обширный сад с плодоносными деревьями, среди которых они свободно расхаживают, такие, напротив, видят тут под покровом слов, как под покровом листьев, плоды, которые они собирают. Они вникают, читая, в эти слова и видят в них, Боже, что Твоя неизменная вечность превыше всех времен, и прошлых, и будущих, хотя все временное получило свое бытие именно от Тебя. Они понимают, что воля Твоя совечна Тебе и неизменна: в ней не начинается то, чего не было прежде, и не заканчивается то, что было всегда; что Ты сотворил этот мир и все, что в нем, не потому, что вдруг у Тебя возникло желание сотворить, желание, которого прежде не было. Они видят, что Ты даровал всему сотворенному Тобою вид и образ, создав его не из Своей субстанции, а оформив бесформенную материю, сотворенную Тобою из ничего. И все твари Твои, смотря по тому, сколько каждой из них даровано совершенств, в большей или меньшей мере свидетельствуют о Тебе, своем Творце, видят, что все сотворил Ты «хорошо весьма», что все создания

Твои — благи: как те, которые пребывают всегда с Тобою, достигнув вечного блаженства, так и те, которые, удалившись от Тебя, во времени и пространстве стали участниками в прекрасном разнообразии дольнего мира. Они видят все это и радуются этому в свете истины Твоей, насколько им это доступно.

Но при этом одни из них, читая слова: «В начале сотворил Бог небо и землю», видят в этом «начале» Премудрость Твою, Начало всего; другие же понимают под этим указание на начало творения, т. е. понимают так: прежде всего Бог сотворил небо и землю. Далее, из тех, кто в «начале» усматривают Премудрость Твою, через Которую Ты сотворил небо и землю, одни понимают под небом и землею только бесформенную материю, то, из чего впоследствии были образованы наше небо и земля, другие — вполне оформленные и устроенные небо и землю, третьи же под небом понимают умопостигаемый и духовный мир, уже образованный и упорядоченный, под землею же — неоформленную материю. Что же до тех, которые под небом и землею понимают только первоначальную материю, то и они расходятся во мнениях: одни относят небо к материи мира духовного, а землю — к материи мира чувствен-

ного, другие же — только чувственного, понимая так, что из этой материи в целом были затем образованы как видимая земля, так и видимое небо. Равным образом не согласны между собою и те, которые думают, что небом и землею тут обозначены устроенные небо и земля: одни видят тут указание на все творение в целом, как видимое, так и невидимое, другие же говорят, что здесь идет речь только о видимом, т. е. о наших, телесных земле и небе и всем том, что в них содержится.

Глава XXIX

Те же, которые слова: «В начале сотворил Бог» понимают так, как если бы было сказано: «Прежде всего сотворил Бог», не могут, конечно, под небом и землею здесь понимать что-либо иное, кроме как изначальную материю, предназначенную для образования всех творений как мира духовного (неба), так и мира чувственного (земли). Ибо если бы они вздумали усмотреть здесь указание на уже устроенные творения, то можно бы было спросить: «Если все это Бог сотворил прежде всего, то что же Он делал после этого?» А так как ответить им будет нечего, то перед ними возникнет другой вопрос: «Как понимать это „прежде всего“, если после этого не было уже ничего?» Эти противоречия будут устранены, если они признают, что прежде всего Бог сотворил бесформенную материю, а уже после этого приступил к оформлению ее, т. е. творению видимых и невидимых вещей.

Но при этом им следует различать, что есть первенство по вечности, а что — по времени; что — по выбору, а что — по происхождению. Так, Бог предваряет все по вечности; цветок предва-

ряет плод по времени; по выбору плод лучше цветка; звук же предшествует пению по своему происхождению. Из этих четырех отношений первое и последнее — самые трудные для нашего понимания, два же средних — самые простые. В самом деле, что может быть для нас более трудным и более возвышенным, чем представление и созерцание вечности Твоей, Господи, которая, будучи неизменяемой, творит изменчивое и потому первенствует надо всем? Или кто может легко понять, как это звук предшествует пению по своему происхождению и потому удерживает за собою первенство над последним? Но ведь пение — это оформленный звук; может, конечно, существовать и неоформленное, но как может оформиться то, чего нет?

В этом-то смысле материя и первенствует над тем, что из нее образовано: она первенствует не потому, что образует сама (она ничего сама не образует), и не потому, что первенствует по времени — и звуки появляются по времени не прежде пения, но одновременно с ним: мы ведь поем не так, что сначала испускаем бесформенные звуки, а потом как бы ловим их в воздухе и лепим из них песню, как из глины лепят кувшин. Действительно, когда поют и мы слышим звуки,

то ведь не звучат же сперва одни бесформенные звуки, а потом, в процессе пения, как бы оформляются в саму песню. Звук прозвучал и растаял: как вернуть его и оформить в песню? Из этого ясно, что звуки — материя пения, материя, которую оформляют, дабы получить из нее пение. Поэтому я и говорю; материя пения предваряет форму пения, предваряет не потому, что она творит, а потому, что она — его материя, которая через тело подчинена душе поющего, так что не звук творит, а из него творится пение. Таким же образом звук не предшествует пению и по времени, ибо они одновременны; и по выбору, ибо звук не лучше пения: пение — это тоже звук, но только звук красивый. Он первенствует по происхождению: здесь оформляется не пение, чтобы стать пением, а звук.

Из этого примера пусть станет ясно: материя, сотворенная «в начале» и названная небом и землей, ибо из нее созданы небо и земля, сотворена «в начале» не по времени, ибо время появилось лишь тогда, когда появились оформленные вещи, чьи изменения и стало отражать время, тогда как в бесформенной материи не могло быть никаких изменений и сама она могла явиться во времени только вместе со всеми образованными

из нее творениями. Все это трудно понять, ибо на первый взгляд кажется, что материя имеет первенство именно по времени. Что же до первенства по выбору, то тут все очевидно: бесформенное, конечно же, хуже оформленного. Ясно также и то, что Бог предваряет ее своею вечностью, создав ее из «ничто», дабы затем сотворить из нее столь прекрасный мир и все то, что в нем.

Глава XXX

При таком разнообразии мнений, не противоречащих истине, да примирит их и водворит взаимное согласие сама Истина: да будет милостив к нам Господь наш, чтобы нам законно пользоваться законом, памятуя, что цель его — любовь. И поэтому, если спросят меня, что именно из всего этого имел в виду Моисей, верный слуга Твой, то я отвечу, что выносить такого рода суждения — не дело исповеди моей: чего не знаю, того не исповедую Богу моему. Знаю же я только одно: различия во мнениях — это еще не противоречие истине; и разные мнения могут быть истинными, если не содержат в себе явных нелепостей, навеянных плотью, о чем я уже говорил выше. Но и младенцев Твоих, подающих в вере Твоей благие надежды, не устрашают слова Писания Твоего, высокие в смирении и обильные в краткости своей.

Возлюбим же друг друга, а еще более возлюбим Тебя, Господа Бога нашего, Источник истины, если действительно мы жаждем ее, а не увлекаемся суетствованиями своими. Почтим и доверимся служителю Твоему, оставившему нам, по вдохно-

вению Твоему, описание миротворения Твоего; поверим, что писал он по откровению Твоему, имея в виду прежде всего свет истины и спасительную пользу.

Глава XXXI

Итак, если кто-либо скажет: «Моисей думал об этом, как я», другой же возразит: «Нет, как я», то я, как мне кажется, скажу благочестивее их, заметив: «А почему бы не так, как вы оба, коль скоро никто из вас не противоречит истине?» И если третий поймет еще как-то иначе, и четвертый рассудит по-своему, и при этом все они не станут высказывать что-либо, что противоречило бы истине, то почему бы не допустить, что и все это подразумевал боговдохновенный писатель, через которого Бог сообщил единую истину многим таким образом, чтобы каждый смог принять ее в доступном его пониманию виде?

Что до меня, то признаюсь от всей души: будь я на месте Моисея, то предпочел бы писать именно так, чтобы каждый в словах моих мог найти место для тех своих воззрений, которые не противоречат истине, а не так, чтобы настойчиво проводить только одну верную мысль, напрочь отвергая все другие, хотя бы они и не заключали в себе ничего ложного и не были оскорбительны для истины. Поэтому я и не хочу, Боже мой, допускать такое легкомысленное предположение,

что сей великий муж не удостоился получить от Тебя такого дара. Я убежден, что Моисей, когда он писал эти слова, думал о том, что истинного мы можем обрести в них, а также и о том, чего не можем или пока не можем, хотя и оно присутствует в них.

Глава XXXII

Напоследок, Господи, в Ком мы исповедуем Бога, а не плоть и не кровь, скажу так: если человеку и не дано понять всего того, что заключено под покровом этих слов, то, конечно же, невозможно, чтобы что-либо было укрыто от «Духа Твоего благого», Который «ведет меня в землю правды» (Пс. CXLII, 10). Ведь Ты сам пожелал открыть через Писание Твое людям то, что в нем содержится, дабы мы вместе со словами постигали и смысл их, хотя бы писавший их и имел в виду только одну свою мысль, мысль истинную, но одну из многих таких же. Если это так, то из всех возможных толкований преимущество имеет то, которое имел в виду сей святой человек. Даруй же нам, Господи, уразуметь или то, что разумел и он, или же то, что, пускай оно и другое, но все же во всем согласуется с истиною Твоею, дабы мы всегда вкушали спасительнейшую пищу и не служили игрушками пагубных заблуждений.

Вот, Господи, как много наговорил я о немногих словах Твоих! Сколько же сил понадобилось бы нам, сколько слов, чтобы рассмотреть все Писания Твои? Даруй мне способность короче

исповедаться Тебе о них и выбрать одно толкование, верное и доброе, которое Ты соблаговолишь мне внушить. Верую, что не внушишь мне худого, что если даруешь мне силы понять мысли слуги Твоего, то я смогу передать их и правильно, и верно. Если же не смогу, то все же скажу, что истина Твоя хотела сказать мне словами Моисея, в которых сказала ему то, что хотела.

Книга тринадцатая

Глава I

Тебя призываю, Боже мой, милосердствующий обо мне, к Тебе обращаюсь и взываю; к Тебе, Который сотворил меня и Чья любовь не забыла меня, тогда как я забыл Тебя, Творца моего, — Тебя призываю я в душу мою, которую Ты готовишь принять Тебя. Не оставь зовущего Тебя, ибо это Ты предупредил зов мой, часто и по-всякому говоря со мной. Да услышу Твой зов, да призову Тебя, призывающего меня. Ты, Господи, уничтожил зло мое, чтобы простить рукам моим, Ты предупредил добро мое, чтобы воздать рукам Твоим, создавшим меня. Ты ведь был тогда, когда меня еще не было, и стоил ли я того, чтобы Ты создал меня? И вот я есть по благости Твоей, существовавшей прежде меня и прежде того, из чего Ты создал меня. Ты не нуждался во мне: что я могу? Служба моя не избавит Тебя от усталости, ибо Ты никогда не устаешь, славословие мое не увеличит могущества, ибо что есть хвалы мои для чести Твоей? Я должен служить Тебе и славить Тебя ради себя, чтобы мне хорошо было с Тобой, от Которого и жизнь моя, и возможность чувствовать, что мне хорошо.

Глава II

От полноты благости Твоей, а не ради пользы Твоей, возникла вся тварь. Происходя от Тебя, она не равна Тебе, но и она суть благо, ибо — от Тебя. Какие заслуги пред Тобою имеют те «небо и земля», которые Ты сотворил «в начале»? Какие заслуги у всех тех духовных и чувственных тварей, которых «соделал Ты премудро» (Пс. CIII, 24)? Премудрость Твоя сотворила все благо, даже бесформенное и лишенное образа. Духовное, даже если оно и бесформенно, лучше телесного, имеющего форму; бесформенное телесное лучше, чем полное «ничто». Но Слово Твое призвало безобразное к Себе, и вот оно уже в образе, «хорошо весьма». За что же все это было даровано, за какие заслуги?

Чем заслужила телесность Твой дар, чтобы быть ей хотя бы бесформенной и неустроенной? Она не была бы и такой, не создай Ты ее. А ведь прежде ее не было вовсе: чем же могла заслужить она свое бытие? А каковы были заслуги пред Тобою у существ духовных, пускай еще и бесформенных, напоминающих темную бездну? Но вот прозвучал зов Слова Твоего, и они обратились к

Тебе и просветились Тобою, сами став светом. Но как для тела быть и быть красивым — не одно и то же, так и для духа не одно и то же жить и жить мудро. Благо ему прилепиться к Тебе, дабы всегда просветляться светом Твоим. Вот и мы, по душе своей духовные, отвратившись от Света своего, «были некогда тьма» (Еф. V, 8) и скитаемся во мраке, доколе в Сыне Твоем «не сделаемся праведными пред Богом» (II Кор. V, 21).

Глава III

Слова Твои, сказанные в начале творения: «Да будет свет» (Быт. I, 3), я отношу к существам духовным, уже имеющим какое-то бытие, а потому способным просветиться светом Твоим. Но ничем не заслужили они ни того, чтобы просто жить, ни того, чтобы жить просвещенно. Ты не хотел оставить их в безобразном состоянии, и они стали светом: не в силу своего бытия, а созерцая просвещающий их свет, сливаясь с ним. Это Твоя благодать сообщила им жизнь и блаженство, обратив их от худшего к лучшему и неизменному — к Тебе, Который есть Сущий, для Которого жить — значит жить блаженно, ибо блаженство Твое — Ты сам.

Глава IV

Разве Ты был бы менее блаженным, если бы не было ничего или если бы все оставалось бесформенной массой? Ты творил не для пользы Своей, а от полноты благодати, и оформил создания Твои не затем, чтобы радость Твоя приумножилась. Будучи совершенным, Ты возжелал совершенствовать и их, хотя сам Ты от этого не мог стать совершенней. «Дух Божий носился над водою» (Быт. I, 2), носился, а не отдыхал на ней. Когда говорят, что Дух Твой опочил на ком-то, это значит, что Он дал ему покой в Себе. Неизменная и самодостаточная воля Твоя носилась над тем, чему Ты даровал бытие: Ты оживил их, но одно дело жить, и другое — жить блаженно, и потому они мечутся во мраке своем. Пусть обратятся к Тебе, своему Творцу, пусть живут, припадая к Источнику жизни, пусть видят свет в свете Твоем, пусть совершенствуются, просвещаются и обретают блаженство.

Глава V

Вот предстает предо мною загадка: Троица; это Ты, Боже, Отец наш и начало мудрости нашей, это сама Премудрость, рожденная от Тебя и равная Тебе, это совечный Тебе Сын Твой, через Которого Ты создал небо и землю. Много сказал я о небе Твоем, о земле, безвидной и пустой, о темной бездне, о духовных тварях, которые остались бы бесформенными и ущербными, если бы Ты не обратил их к Себе, к Тому, от Которого всякая жизнь: просветившись, разукрасилась жизнь, и возникло то горнее небо, которое над нашим, что между водой и водой. Уже в слове «Бог» я узнал сотворившего это Отца; в Начале увидел я Сына, через Которого это создано. Веря в троичность Твою, я искал указания на нее в святых письменах Твоих. И вот: «Дух Божий носился над водою». Вот Она, Троица, Отец и Сын и Святой Дух, Творец всего сотворенного.

Глава VI

Но почему, Свет мой истинный, ответь: к Тебе приближаю я ухо сердца моего; рассей этот мрак, ответь, почему Писание говорит о Духе Твоем лишь после того, как сказало оно о безвидной земле, о небе и о тьме над бездной? Только ли потому, что надлежало сказать о Нем, что Он «носился над», а сказать это можно было только после упоминания о том, над чем Он носился? Он ведь носился не над Отцом и не над Сыном, и нельзя было сказать «носился над», если бы прежде не было сказано о том, над чем Он мог носиться. Но почему, однако, нельзя было познакомить с Ним иначе, но только как с Тем, Который «носился над»?

Глава VII

Последуем же за апостолом Твоим, сказавшим: «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. V, 5). Он учил о дарах духовных, обещая показать «путь еще превосходнейший» (I Кор. XII, 31), дабы уразумели мы «превосходящую разумение любовь Христову» (Еф. III, 19). Вот Она-то, «превосходнейшая» и «превосходящая», и «носилась над». Как рассказать мне о грузе страстей, увлекающем нас в бездонные пропасти, какими словами поведать об этой любви, поднимающей нас Духом Твоим, Который «носился над водою»? Что сказать — что тонем и всплываем? Но где это место, где тонем и всплываем? Сколь неточно это точное сравнение! Земные страсти, чувственная любовь, порочность духа — это они увлекают нас вниз, влюбляя в свои заботы. Ты же, Святый, поднимаешь нас вверх, где Дух Твой носится над водою, ибо мы любим неозабоченность. Да приидем к покою: «прошли бы над душою нашею воды бурные» (Пс. CXXIII, 5).

Глава VIII

Пал ангел, пала душа человеческая. Их падение являет всем нам, в какой глубокой и мрачной бездне находились бы все духовные твари, если бы Ты не сказал в начале: «Да будет свет». И вот прильнули к Тебе все умные духи небесного града Твоего, успокоившись в Духе Твоем, Который, будучи неизменным и вечным, носится над всем изменяемым и преходящим. Не случись этого — и небо Твое было бы бездной, теперь же оно — свет в Господе. А сколь жалки все отпавшие духи, непросвещенные, являющие всем мрак свой! И сколь велики все разумные твари Твои, обретшие в Тебе покой и блаженство! Освети, Господи, темноту нашу, одень нас светом Твоим, «и мрак наш будет как полдень» (Ис. LVIII, 10). Дай мне Тебя, Боже, верни мне Тебя, ибо я люблю Тебя; если же любовь моя недостаточна, даруй мне большую. Каким мерилом мне измерить любовь свою: я бросился в объятья Твои, укрылся «под покровом лица Твоего» (Пс. XXX, 21). Я знаю одно: плохо мне без Тебя, плохо и снаружи, и внутри; любое богатство мое — нищета, если нет в нем Господа моего.

Глава IX

А разве Отец и Сын не носились над водою? Если представлять Их телами в пространстве, то этого нельзя сказать и о Духе Святом, если же думать о вечном и неизменном величии Божием, пребывающем над всем изменяющимся, то и Отец и Сын и Дух Святой носились над водою. Почему же тогда так сказано только о Духе Твоем, как будто Он — некое место в пространстве? Почему о Нем одном сказано, что Он — Дар Твой? В Даре Твоем отдыхаем, наслаждаясь Тобой, и этот отдых наш — «место» наше.

Наша любовь возносит нас туда, Дух Твой поднимает нас, павших, избавляя от смерти. Покой Твой для нас — в нашей доброй воле. Тело отягощает нас, ищет место свое, тянет вниз, ибо у каждой тяжести — свое место. Огонь устремляется вверх, камень — вниз. Масло, налитое под воду, стремится на поверхность; вода, налитая на масло, — ко дну. Где нет порядка, царит беспокойство; упорядоченное успокаивается. Моя тяжесть — любовь моя: она движет мною, направляет меня. Ты даровал мне воспламениться, устремиться вверх. Я поднимаюсь, поднимаясь

сердцем, пою песнь восхождения своего. Пылая благим огнем Твоим, иду я к вышнему Иерусалиму. «Возрадовался я, когда сказали мне: „пойдем в дом Господень“» (Пс. CXXI, 1). Туда устремляет нас добрая воля наша, да пребудем там вовеки.

Глава X

Блаженны те, кто не знал другого! Они бы познали другое, когда бы не Дар Твой, носившийся над всем изменяющимся; Он тотчас же, в миг сотворения призвал их: «Да будет свет». И стал свет. Мы знаем то время, когда мы были тьмой, и знаем, когда стали светом. О них же нам сказано лишь, чем бы были они, не стань они светом; сказано о тьме и о бездне, сказано, чтобы знали мы, почему они стали другими: обратившись к нетленному Свету, они стали светом. Кто может, да поймет, кто не может, да обратится к Тебе, и Ты просветишь его, не мне просвещать приходящих в мир.

Глава XI

Кто поймет всемогущую Троицу? Но мы говорим о Ней, хоть и редкая душа, говоря о Ней, знает, о чем говорит. Мы спорим и спорим, но откроется это лишь тем, в чьих душах царит мир.

Я хотел бы, чтобы люди задумались о трех свойствах своих, которые, конечно, совсем не то, что Троица, но могут открыть нам путь, идя по которому мы сможем хотя бы понять, сколь далеки мы от понимания. Эти три свойства суть таковы: быть, знать и хотеть. Я есть, я знаю, я хочу; я есть знающий и водящий; я знаю, что я есть и что я хочу; я хочу быть и хочу знать. Эти три свойства составляют единство — жизнь, и, однако, каждое из них — нечто особенное и единственное: они нераздельны и различны. Пусть каждый, кто может, всмотрится в себя, увидит это и подтвердит. И если при этом он узрит нечто схожее с Троицей, пусть не спешит, пусть не подумает, что постиг неизменное Сущее, пребывающее надо всем. Неизменно Его бытие, неизменно знание, неизменна воля. Троичен ли Бог через эти свойства, или же в каждом Лице присутствуют все три, делая и Его троичным, но Троица, дивным обра-

зом простая и многообразная, всеобъемлющая и пребывающая в самой Себе, есть и знает Себя и неизменно преизобильна в Своем единстве. Как постигнуть это, какими словами поведать? Кто осмелится разъяснить нам эту тайну?

Глава XII

Продолжай свою исповедь, вера моя, скажи Господу Богу твоему: свят, свят, свят, Господи Боже мой, мы крещены во имя Твое, Отец, Сын и Дух Святый, и крестим во имя Твое, Отец, Сын и Дух Святый; ибо и в нас чрез Христа Твоего Ты создал «небо и землю», духовных и плотских в Церкви Твоей. И наша земля до принятия учения Твоего была «безвидна и пуста»; мы скитались во мраке неведения, ибо Ты обличил человека за преступления его (Пс. XXXVIII, 12), и «судьбы Твои — бездна великая» (Пс. XXXV, 7). Но Дух Твой «носился над водою», и не оставило нас милосердие Твое. Ты сказал: «Да будет свет», когда сказал раб Твой: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. III, 2). В смятении пребывала душа, но вспомнила о Тебе, Господи, на земле Иорданской, прозрела высоту Твою, умалившуюся ради нас; презрели мы тьму нашу, обратились к Тебе, чтобы стать светом; и вот, мы были «некогда тьма, а теперь — свет в Господе» (Еф. V, 8).

Глава XIII

Но пока «мы ходим верою, а не видением» (II Кор. V, 7), а потому «мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда» (Рим. VIII, 24). Пока еще «бездна бездну призывает», но уже «голосом водопадов Твоих» (Пс. XLI, 8). Пока еще говорит апостол: «Не могу говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими» (I Кор. III, 1), понимая, что и сам еще не все постиг: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели» (Флп. III, 13, 14). Душа его жаждет Бога живого, восклицая: «Когда приду?» Он хочет облечься в нетление и призывает бездну: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. XII, 2), и: «Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (I Кор. XIV, 20). Это уже не его голос, но Твой: Ты послал с небес Дух Твой через Того, Кто взошел на небо и открыл «речные потоки», которые «веселят град Божий» (Пс. XLV, 5).

Об этом граде возрадуется «друг жениха», уже обладающий «начатками духа». Поныне, однако,

стенает он в сердце своем, чая усыновления и искупления. Он воздыхает о нем, будучи членом Церкви Твоей, невесты Христовой; он ревнует о ней, ибо он — «друг жениха». Он ревнует о ней, и «голосом водопадов Твоих» взывает к другой бездне, страшась ее: «Боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (II Кор. XI, 3), от простоты в Супруге нашем. Сыне Твоем. Когда увижу я дивный Твой свет, осушатся слезы мои, которые стали «для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: „где Бог твой?“» (Пс. XLI, 4).

Глава XIV

Вот и я говорю: «Где Ты, Бог мой?» Недолог мой отдых в Тебе, когда веселится душа в хвалах Тебе, в звуках торжественных песнопений. Не оставляет ее печаль, ибо падает она, становится бездной. Вернее, в падении своем постигает она, что она — все еще бездна. К ней обращается вера моя, которую возжег Ты во тьме моей: «Не смущайся, душа, не печалься; возложи упование твое на Господа твоего. На пути твоем есть светильник — слово Его. Верь и терпи, и минует ночь, мать грешников, минует гнев Божий, чадами которого мы были, пока были тьмой. Остатки той тьмы мы влачим на себе, в теле, мертвом по причине греха, но скоро восход, он разгонит все тени». «Господи! рано услышь голос мой, — рано предстану пред Тобою, и буду ожидать» (Пс. V, 4). «Воскресивший Христа из мертвых оживит и наши смертные тела Духом Своим, живущим в нас» (Рим. VIII, 11), милосердно носящимся над мраком нашей неустроенной души. Он дал нам залог в нашем дольнем скитании, что мы станем светом; сейчас мы еще спасаемся надеждой, но мы уже сыны света и сыны Божии, а не сыны

ночи и мрака, какими мы некогда были. Ты, испытующий сердца наши, назвавший свет днем, а тьму — ночью, отличишь одних от других. И кто, как не Ты, способен на это? Да и что у нас нашего, кроме греха? Ведь «сосуды для почетного употребления» сделаны из той же глины, что и «сосуды для низкого» (Рим. IX, 21).

Глава XV

Кто же, как не Ты, Господи, сотворил над нами твердь авторитета Твоего — Писание Твое? Небо Твое, как кожа, простерлось над нами. Авторитет Писания Твоего еще более возрос, когда умерли те, через кого Ты его нам дал. Ты знаешь, Господи, зачем одел Ты людей кожами, когда, согрешив, они стали смертными. И тогда, как кожу, простер Ты твердь Писания Твоего, утвердил над нами слова Твои, действуя через смертных служителей Твоих. Самою смертью своей укрепили они авторитет речений Твоих: при жизни их слава их еще не распространилась столь величаво, еще не простер Ты тогда небо, как кожу, не поведал всему миру славу их смерти.

Дай, Господи, увидеть «небеса Твои, — дело Твоих перстов» (Пс. VIII, 4); отгони от очей наших туман, коим Ты их закрыл. В них свидетельство Твое подает мудрость детям Твоим. «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Пс. VIII, 3). Где, в какой еще книге так сокрушается гордость, так низвергается враг, противящийся примирению с Тобой и хвалящийся грехами своими? Где еще, Господи, найдутся такие слова,

чистые, склоняющие исповедаться Тебе, подставить шею под легкое ярмо Твое, бескорыстно Тебя почитать? Дай мне, стоящему внизу, постигнуть их, ибо для стоящих внизу Ты и утвердил их.

Верую: есть над этой твердью и другие воды, нетленные, недоступные земной порче. Да хвалят они имя Твое, да хвалят Тебя ангелы Твои, пребывающие выше небес. Им нет нужды вчитываться в эту твердь, по слогам различая слова Твои: они всегда пред лицом Твоим, в вечности постигая вечную волю Твою. Они читают ее, и никогда не преходит то, что они читают. Неизменна воля Твоя, вот о чем читают они, почитая се и предпочитая всему. Не закрывается книга их, ибо она — это Ты, пребывающий вовеки. Ты поставил их над твердью, Ты даровал им силу взирать на бессилие народов внизу; они познали милосердие Твое, возвещающее во времени о Тебе, сотворившем время. «Господи! милость Твоя до небес, истина Твоя до облаков!» (Пс. XXXV, 6). Тают облака, небо остается; уходят проповедники слова Твоего, Писание же Твое распростерто над всеми народами до скончания веков. «Небо и земля прейдут, но слова Твои не прейдут» (Мф. XXIV, 35). Сейчас они предстают перед нами, хотя и любимыми Сыном Твоим, как тайна, гадательно, в

зеркале неба, ибо нам еще не ясно, чем мы будем. Он взирал на нас сквозь тенета тела, приласкал нас, приблизил любовью, и мы спешим на запах благовоний Его. Но когда Он приидет, мы уподобимся Ему, ибо увидим Его таким, как Он есть.

Глава XVI

Абсолютно Твое бытие, абсолютно знание, абсолютна воля; неизменно Твое бытие, неизменно знание, неизменна воля. В бытии Твоем неизменны и знание, и воля; в воле Твоей неизменны и знание, и бытие. Не дано освещенному Тобою изменчивому существу познать Тебя так, как знает Тебя Твой неизменный свет. Поэтому «душа моя — к Тебе, как жаждущая земля» (Пс. CXLII, 6). Она не осветит саму себя, самою себя не насытит, «ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет» (Пс. XXXV, 10).

Глава XVII

К чему собирать эти горькие воды? Временно наше земное счастье, ради которого столь озабочен наш многозаботливый ум. Ты же сказал: «Да соберется вода в одно место» (Быт. I, 9), и явилась суша, жаждущая Тебя; «Его — море, и Он создал его, и сушу образовали руки Его» (Пс. XCIV, 5). Не горечь желаний, а собрание вод называется морем. Ты ставишь пределы водам, Ты одерживаешь злые страсти души. Так подчиняешь Ты море власти Своей, повсюду устанавливающей порядок. Ты удалил от союза с морем души, жаждущие Тебя; Ты орошаешь их из сладостного источника, дабы давала земля плод свой; так, подчиняясь велению Господа своего, растит душа дела милосердия «по роду своему», любит ближнего и помогает ему в нужде, памятуя о сходстве с ним: собственная наша немощь заставляет нас сострадать, оказывать нуждающимся такую помощь, которую хотели бы и мы сами, окажись мы в подобной нужде. И не только лишь помощь малую, траву полевую, но и большую и крепкую, подобную плодоносным деревьям. Так, вызволяем мы слабых из рук могущественных, простирая

над ними сень праведного суда.

Глава XVIII

Как, Господи, «истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес» (Пс. LXXXIV, 12), так и возникнут на тверди светила. Преломим же хлеб наш с голодным, введем под кров наш бездомного, оденем нагого, не будем превозноситься над братьями своими. Земля родила плоды — взгляни на них: каковы дела наши, таков и урожай наш. Обретя радость созерцать Слово жизни, явимся в мире, как светила, укрепленные на тверди Писания Твоего. Ты научишь нас различать между умопостигаемым и чувственным, как между днем и ночью, как между душами, обращенными к духовному и телесному. Ты уже не один, как до создания тверди, отделяешь свет от мрака: духовные создания Твои, размещенные по благости Твоей на тверди, сияют над землей, отделяя день от ночи, отмечая время: «древнее прошло, теперь все новое» (II Кор. V, 17). Ночь проходит, день приблизился, и Ты, благословляя венец года Твоего, «высылаешь делателей на жатву Свою» (Мф. IX, 38), на ниву Твою, которую засевали другие. Так исполняешь Ты молитвы просящего и благословляешь годы праведника. Ты — всегда

Тот же, и в годах Своих, которые не проходят, готовишь житницу для годов преходящих.

По вечному совету Твоему ниспосылаешь Ты Духом «одному — слово мудрости», великий светильник для тех, кто наслаждается светом истины; «другому слово знания тем же Духом», светильник меньший; «иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков», все это — звезды. «Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (I Кор. XII, 8–11), заставляя светила являться и сиять на пользу. Знание, обнимающее изменчивое, подобно луне, все же прочие дары — звездам; и только мудрость сияет, как солнце, отличаясь от них, как рассвет от сумерек. И те дары нужны, но нужны они тем, с которыми слуга Твой не мог говорить, как с духовными, но как с плотскими. Мудрость же он проповедовал между совершенными; ибо душевный человек — младенец во Христе, коего надо питать молоком, пока он не окрепнет настолько, что сможет вкушать твердую пищу (I Кор. III, 1; II, 6; III, 2). Пока же глаза его слабы и он не в силах взирать на солнце, пусть не считает себя

покинутым в ночи, ибо ему освещают путь луна и звезды. Вот чему учит нас, Боже, Книга Твоя, твердь Твоя; да научимся мы в созерцании ее различать все, пусть только и «в знамениях, и временах, и днях, и годах» (Быт. I, 14).

Глава XIX

«Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло», и явится суша. «Научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (Ис. 1, 16, 17), и произведет земля зелень, траву и дерево. Спросил богач у Учителя, что сделать ему доброго, чтобы иметь жизнь вечную. И Учитель Благий, Которого тот считал простым человеком, хотя Он потому и благ, что Он — Бог, сказал ему: «Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюдай заповеди: не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай», дабы явилась суша и произрастила бы уважение к отцу и матери, любовь к ближнему. «Все это, — сказал богач, — я делал». Тогда откуда же столько терний? Иди, выкорчуй разросшиеся кущи жадности твоей, продай имение твое, раздай нищим и получишь сокровище свое на небесах. Следуй за Господом, если хочешь быть совершенным (Мф. XIX, 16–22; Мрк X, 17–22; Лк XVIII, 18–23). Узнай слова мудрости, и они станут тебе светилами на тверди, но это случится тогда, когда будет там сердце твое.

Такие слова он услышал от Учителя благого, и омрачилась земля бесплодная, и тернии заглушили слова.

Вы же, «немощное мира, которых избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (I Кор. I, 27), которые оставили все, чтобы следовать за Господом, идите за Ним, посрамите сильных, светите в тверди, ибо «небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» (Пс. XVIII, 2, 3). Луна и звезды светят в ночи, и ночь не затемняет их — сами они в меру сил своих освещают ее. И так же, как сказал Господь; «Да будут светила на тверди небесной» (Быт. I, 14), «внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» (Деян. II, 2, 3). Так и появились светила на тверди небесной, имеющие Слово жизни. Разбредитесь повсюду, святые огни, «свет миру», который не под сосудом (Мф. V, 14, 15). Вознесся Тот, Кого вы возлюбили, и вознес вас. Разбредитесь же, станьте известны народам.

Глава XX

Да зачнет море, да родит дела ваши, «да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной» (Быт. I, 20). И вот, трудами святых Твоих, повсюду средь волн мирского соблазна возникают таинства Твои, дабы омыть народы крещением Твоим, данным во имя Твое. Свершилось великое и дивное: голоса вестников Твоих понеслись над землей под твердью Писания Твоего, защищавшего авторитетом своим полет их. «Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их. По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их» (Пс. XVIII, 4, 5): по благоволению Твоему, Господи, умножились они.

Разве я лгу, разве не различаю между тем, что на тверди небесной, и делами человеческими на бурных волнах под твердью? Есть знание прочное и завершенное, оно не умножается от поколения к поколению; это — свет мудрости и знания. О том же сообщает нам и множество разнообразных телесных действий, когда одни из них — следствия других, их умножение происходит по благоволению Твоему, Господи. Так

утешаешь Ты наши пресыщающиеся чувства: душа, познавая единую истину, может сказать о ней и выразить ее многими способами и средствами. Вот что произвели воды по слову Твоему. Нужда народов, отвратившихся от вечной истины Твоей, произвела это по Евангелию Твоему. Ибо сами воды выбросили это, и горькая слабость людская была причиной этого возникновения.

Все сотворенное Тобою — благо, и несказанно благ Ты, Творец всего. Если бы Адам не отпал от Тебя, не излилась бы из чрева его эта горечь морская — род людской, любопытный, надменный и шаткий. Тогда не пришлось бы служителям Твоим трудиться среди моря, сообщая о прикровенных делах и словах Твоих чувственным образом. Так видятся мне теперь «пресмыкающиеся» и «птицы», но люди, даже постигшие эти символы, недалеко бы ушли, если бы душа не оживала духовно, поднимаясь выше, и не стремилась бы от начальных слов к совершенству.

Глава XXI

И поэтому по слову Твоему не глубины морские, а суша произвела «душу живую». Она уже не нуждается в крещении, как нуждалась тогда, когда покрывали ее воды. Она не требует для веры своей чего-либо дивного, каких-нибудь знамений и чудес, ибо уже отделена она, верная, от горьких вод неверия, а «языки суть знамение не для верующих, а для неверующих» (I Кор. XIV, 22). Эта земля Твоя не нуждается более в тех пернатых творениях, которых, по слову Твоему, произвели воды. Она произвела души живые, вызвала дела их, как прежде море вызвало пресмыкающихся, рыб и птиц. Они не нужны земле, хотя порою и вкушает она рыбу, поднятую из глубин на трапезу верным. И птицы — порождения моря, но гнезда свои строят они на земле. Первые голоса евангельской проповеди раздались по причине людского неверия, но и верным своим подает она изо дня в день наставления и благословения.

Да трудятся слуги Твои на земле не так, как в водах неверия: там они возвещали невеждам чудесами и знамениями, пугая их этими непонятными знаками. Так приходят к вере сыны

Адамовы, отвратившиеся от Тебя. Здесь же, на суше, да служат они верным Твоим жизнью своею, да станет их жизнь для них мерилом и образцом, «и оживет сердце ваше, ищущие Бога» (Пс. LXVIII, 33). «Не сообразуйтесь с веком сим» (Рим. XII, 2), держитесь в стороне. Избегая его, живет душа, стремясь к нему — умирает. Бегите гордыни, «отвращайтесь негодного пустословия и пререканий лжеименного знания» (I Тим. VI, 20), и будут дикие звери приручены, домашняя скотина покорна, змеи безвредны. Все это иносказательно изображает спесивое превозношение, плотские радости, яд любопытства — чувства мертвой души. Смерть ведь ее — не в потере чувств, а в отстранении от Источника жизни: ее подхватывает вихрь преходящего, сообразуя с веком сим.

Слово же Твое, Господи, Источник жизни вечной: оно не проходит. Вот почему нельзя отходить от Него, вот почему сказано: «Не сообразуйтесь с веком сим». Да произведет земля от Источника жизни душу живую по слову Твоему, переданному евангелистами, душу, подражающую подражателям Христа Твоего. Это-то и значит «произвести душу живую по роду ее» (Быт. I, 24), ибо друг подражает другу своему. «Будьте, — сказал апостол, — как я, потому что

и я, как вы» (Гал. IV, 12). Итак, в душе живой и звери ее будут добрыми и кроткими: и скот будет покладист, даже и голодный, и змеи не повредят, исследуя преходящее лишь настолько, насколько это нужно для того, чтобы через постижение сотворенного прозревать вечность. Покорятся разуму эти животные, смирят норов свой, будут жить, и жить благо.

Глава XXII

Да обуздаем мы, Господи Боже наш, Творец наш, наши привязанности к веку сему, ибо мы умираем в них, живя плохо; да возникнет душа живая, живущая хорошо. Тогда исполнится слово Твое, сказанное через апостола Твоего: «Не сообразуйтесь с веком сим», тогда исполнятся и следующие слова Твои: «Преобразуйтесь обновлением ума вашего»: уже не по роду своему, не подражая предкам своим и даже не сообразуясь с примерами лучших людей. Ты ведь не сказал: «Да явится человек по роду своему», но сказал: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему».

Поэтому провозвестник слов Твоих, родивший сынов своих «во Христе Иисусе благовествованием» (I Кор. IV, 15), не желая иметь одних младенцев, коих надлежало бы весь век лелеять и питать молоком, как кормилице, говорит: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. XII, 2). Поэтому Ты не сказал: «Да явится человек», но: «Сотворим человека»; не

сказал: «По роду его», но: «По образу Нашему, по подобию Нашему». Тот, кто обновляется умом, кто видит и постигает истину Твою, тот уже не нуждается в человеке, дабы научиться у него, как подражать «роду своему». По указанию Твоему он сам познает, что есть воля Твоя, «благая, угодная и совершенная». Ты наставляешь его, и видит он, что есть единая Троица, троичное Единство. Поэтому после сказанного во множественном числе «сотворим человека», добавлено в единственном числе «и сотворил Бог человека»; поэтому после сказанного во множественном числе «по образу Нашему», добавлено в единственном числе «по образу Божию». Итак, человеку надлежит обновляться в познании Бога «по образу Создавшего его» (Кол. III, 10); обновившись же и став духовным, он «судит о всем, а о нем судить никто не может» (I Кор. II, 15).

Глава XXIII

Как разуметь слова: «Он судит обо всем», как не так, что он имеет власть и над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями земными, и над всем скотом, и над всей землей, и над всеми гадами, ползающими по земле. Он властвует над ними разумом своим, коим постигает, что от Духа Божия. Человек же, «который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают» (Пс. XLVIII, 21).

Потому-то в Церкви Твоей, Господи, по благодати Твоей, дарованной ей Тобою, ибо мы — Твое творение, «созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф. II, 10), и заведено так, что есть не только духовные наставники, но и те, которые духовно подчиняются им. Ты сотворил мужчину и женщину, но по духовной благодати Твоей «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского» (Гал. III, 28). Духовные же, начальствуют ли они, или повинуются, судят духовно. Но судят они не о духовных истинах, сияющих на тверди, не о Писании Твоем, хотя в нем есть и немало темного, ибо кто может

судить о Твоем: мы подчиняем ум наш Писанию Твоему, твердо веруя, что и то, что недоступно в нем духовному взору нашему, сказано истинно и правдиво. Человеку, пусть и духовному, обновленному в познании по образу Создавшего его, надлежит быть исполнителем закона, а не судьей его (Иак. IV, 11); не ему судить, которые духовные, а которые — плотские. Они ведомы Тебе, Господи, а пред нами еще не явились дела их, чтобы «по плодам их узнать их» (Мф. VII, 20).

Ты же, Господи, знал их и разделял, прикровенно призвал их еще прежде, чем была создана твердь. И человек Духовный не спешит судить о тех, кто еще в веке сем. Да и как судить ему, когда он даже не знает, уйдет ли он сам отсюда в сладостную благодать Твою или останется в горечи вечного нечестия? Поэтому-то человек, которого Ты создал по образу Твоему, и не получил власти ни над светилами, ни над самим небом, ни над днем и ночью, ни над собранием вод. Он получил власть над рыбами морскими, над птицами небесными, над зверями земными, над всем скотом, над всей землей и над всеми гадами, ползающими по земле. Он судит и одобряет хорошее, не одобряет плохого в том, что касается или совершения таинств, коими осве-

щаются те, кого милосердие Твое извлекло из водных глубин; или же трапезы, когда подается извлеченная из пучины рыба: вкушает ее благочестивая земля; или же знаков и слов, покорных авторитету Писания Твоего, порхающих, словно птицы, под твердью, когда толкуют, излагают, спорят, рассуждают, благословляют и призывают Тебя, и народ отвечает: «Аминь». Всем словам этим должно прозвучать, ибо век сей — бездна, а плоть слепа и не видит духовно, а потому надлежит стучаться к ней телесным звуком через слух. Птицы строят гнезда свои на земле, но сами они — из воды.

Духовный судит и одобряет хорошее, не одобряет плохого в том, что касается дел и нравов верных Твоих; он судит о душе живой, утвердившейся в целомудрии и воздержании, в благочестивых размышлениях о том, что она может воспринять телесными чувствами, дабы, познав это, понять, что она в силах исправить.

Глава XXIV

Но как понять? Не ответил ли Ты нам, Господи, сказав, благословляя: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. I, 28)? Ты ведь не дал такого благословения ни свету, названному днем, ни тверди небесной, ни светилам и звездам, ни земле и морю. Но, однако, нельзя же сказать, что Ты, сотворивший нас по образу Твоему, одарил благословением этим только лишь человека, ибо Ты сказал и тому, что произвела вода по слову Твоему: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле» (Быт. I, 22). Что мне сказать? Что Ты благословил все живое, что порождает потомков, продолжая в них род свой? Но Ты не благословил так ни деревьев, ни трав, ни зверей земных, ни гадов, хотя все они, как и птицы, и рыбы, и люди хранят и приумножают род свой, рождая потомство.

Что же сказать мне, Свет мой, Истина моя? Что все это сказано зря? Да не будет! Коль скоро смысл слов Твоих мне темен, пусть разъяснит их мне тот, кто лучше и умнее меня: ведь каждому, Господи, даешь Ты меру разумения его.

Прими, Господи, исповедь раба Твоего, да будет она угодной в очах Твоих. Верую, Боже мой, верую и исповедую веру свою, что сказанное Тобою было сказано не напрасно. Не умолчу о том, что мыслю я об этом месте Писания Твоего. Знаю, что постигаемое умом как нечто единое может быть выражено по-разному, а выраженное в единой фразе может многообразно истолковываться, причем истолковываться и иносказательно. Вот единая мысль о любви к Богу и ближнему: в каких бесчисленных символах, на каких бесчисленных языках, в каких бесчисленных фразах каждого языка выражена она! Так растут и умножаются порождения вод. Вот еще одна фраза из Писания: «В начале сотворил Бог небо и землю». Разве не многообразно понимают ее те, которые, тем не менее, понимают правильно? Так растут и умножаются поколения человеческие.

Если мы будем понимать все написанное буквально, то слова «плодитесь и размножайтесь» следует будет отнести ко всему, что рождается из семени. Если же будем судить о них иносказательно (думаю, что иносказание — главная цель

Писания[43], иначе как объяснить, что благословение получили только люди и порождения вод), то обнаружим, что под «небом и землей» можно понимать духовные и телесные существа; под «светом и тьмой» — праведников и грешников; святые писатели Твои, явившие нам свет, — это «твердь», которую Ты укрепил между горними и дольними водами; горечь общения с людьми — «море»; рвение благочестивых — «земля»; труды милосердия, исполняемые в этой жизни, — «трава, сеющая семя, и дерево, приносящее плод»; дары духовные — «светила небесные»; душа, обуздавшая страсти, — «душа живая».

Во всем этом можно обнаружить умножение и рост, но только в мире чувственных образов и умопостигаемых явлений можно об одном и том же рассказать по-разному и единственное положение трактовать так и этак. Итак, под порождением вод можно понимать чувственные образы, необходимые для людей плотских, под порождением же людским — умосозерцания, рожденные плодовитым разумом. Поэтому, по-

[43] Примечания: 43

Тринадцатая книга «Исповеди» почти полностью посвящена аллегорическому толкованию первых глав Книги Бытия. Позднее Августин осознает, какими опасностями чреват подобный подход, и напишет трактат «О Книге Бытия (буквально)».

лагаю, Ты и сказал тем и другим: «Плодитесь и размножайтесь». Я думаю, что этим благословением Ты даровал нам способность разнообразно выражать нечто одно, постигнутое нами, и единообразно выраженное многообразно толковать. Так наполнились воды в морях различными толкованиями, так наполнилась земля порождениями людей; сухость ее — стремление к знанию, и владычествует над нею разум.

Глава XXV

И еще хочу рассказать Тебе, Господи Боже мой, в чем убеждают меня слова Писания Твоего. Скажу как есть, ибо это Ты внушил Мне сказать то, что пожелал выразить моими словами. Знаю, что если говорю правду, то говорю ее по внушению Твоему, так как «Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. III, 4), и когда он говорит свое, говорит ложь (Ин. VIII, 44). Поэтому, чтобы сказать правду, надо говорить Твое.

Ты дал нам в пищу «всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя» (Быт. I, 29), и не только нам, но и всем птицам небесным, и животным земным, и пресмыкающимся, а рыбам и чудищам морским — не дал.

Я говорю: эти травы, эти плоды земные — иносказательные представления о делах милосердия, которые в житейских нуждах подает плодоносная земля. Такою землею был благочестивый Онисифор, дому которого Ты даровал милость многократно покоить апостола Павла, «не стыдяся уз его» (II Тим. 1, 16). То же делали и братья, взрастившие богатую жатву, пришедшие из

Македонии и восполнившие недостаток его (II Кор. XI, 9). На иные же деревья он жалуется: «При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им!» (II Тим. IV, 16). Эти плоды надлежит приносить тем, кто преподает нам разумное учение, помогая постигнуть тайны Божий, и тут приносить их следует им как людям; надлежит приносить им плоды и как душе живой, ибо они — пример для подражания во всякой воздержанности, и как птицам небесным — за их благословения, которые распространяются по всей земле, ибо «по всей земле проходит звук их» (Пс. XVIII, 5).

Глава XXVI

Питаются этою пищей те, кто радуется ей; те не радуются, «чей конец — погибель, чей бог — чрево, чья слава — в сраме» (Флп. III, 19). И у тех, кто предлагает плоды, они не в том, что они дают, а в чувстве, с которым дают. Я вижу, чему радуется тот, кто служит Богу, а не чреву, вижу и радуюсь за него. Он получил от филиппийцев то, что они послали через Епафродита, вижу, чему он рад (Флп. IV, 18). То же, чему он рад, и есть его пища, ибо правду он говорит: «Я весьма возрадовался, что вы уже вновь начали заботиться обо мне; вы и прежде заботились, но вам наскучило»[44] (Флп. IV, 10). Филиппийцы зачахли от длительной скуки, иссушившей плоды добрых дел их, и апостол рад, что пробились их новые ростки; рад не за себя, а за них, ибо он продолжает: «Говорю это не потому, что нуждаюсь; ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть; умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть

[44] Примечания: 44

Августин пользовался неточным переводом: не «наскучило», а «не благоприятствовали обстоятельства».

в обилии и недостатке; все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. IV, 11–13).

Чему же ты радуешься, великий Павел? Что питает тебя, человече, обновленный познанием Бога, создавшего тебя по образу Своему, душа живая, столь владеющая собой, окрыленный язык, вещающий о тайном? Что же питает тебя? Радость. Послушаем дальше: «Вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби» (Флп. IV, 14). Вот чему он радуется, вот что его питает: их добрые помыслы и дела, а не разрешение собственных затруднений. «Вы знаете, Филиппийцы, — продолжает он, — что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних; вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду» (Флп. IV, 15, 16). Он радуется, что они вновь вернулись к добрым делам своим, видя новые всходы на высохшей ниве. О своих ли потребностях печется он, говоря: «Присылали мне на нужду», этому ли рад? Никоим образом. Откуда это известно? Читайте дальше: «Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода» (Флп. IV, 17).

Я научился от Тебя, Боже мой, отличать даяние от плода. Даяние — это то, что уделяет нам вспо-

мествующий при нужде: деньги, пища, питье, одежда, кров, поддержка. Плод же — добрая воля дающего. И Учитель наш не сказал просто: «Кто принимает пророка», но добавил: «Во имя пророка»; не сказал просто: «Кто принимает праведника», но добавил: «Во имя праведника» (Мф. X, 41). Только тогда один получит награду от пророка, а другой — от праведника. Он не сказал просто: «Кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды», но добавил: «Во имя ученика», и присовокупил: «Истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. X, 42). Принять пророка или праведника, напоить жаждущего ученика холодной водой — это даяния, а плод — сделать это «во имя пророка», «во имя праведника», «во имя ученика». Такими плодами питался Илия у вдовы, знавшей, что он — человек Божий, и потому кормившей его, от ворона же он принимал даяние, кормясь им внешне, дабы не погибнуть телесно без такой пищи (III Цар. XVII, 6–16).

Глава XXVII

Я скажу то, что истинно в очах Твоих, Господи. Когда люди, не знающие и неверующие, которые приобщаются к вере и оберегаются в ней знамениями и чудесами (таковые и изображены, по нашему мнению, под именем рыб и чудищ морских), поддерживают и помогают в какой-либо житейской нужде слуг Твоих, не зная, зачем и почему делают это, то одни не дают настоящей пищи, а другие ее не получают: одни не поступают по святому и праведному намерению, другие же не радуются, ибо не видят еще плода. А душу питает лишь то, что радует ее. Поэтому рыбы и другие обитатели глубин и не едят пищи, которую растит земля, отделенная от горьких вод морских.

Глава XXVIII

«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. I, 31). И мы видим это, видим, что «хорошо весьма». При всех родах творений Твоих, вызываемых порознь от небытия к бытию, Ты обозревал их и произносил над ними суд Свой. Семь таких одобрений насчитал я в Писании Твоем, а это — восьмое, общее, выносимое обо всем. Рассматриваемое порознь, созданное было «хорошо», в совокупности же — «хорошо весьма». То же можно сказать и о красивой вещи: из каких бы красивых частей она ни состояла, она всегда красивее в целом, в стройном сочетании своих красивых частей, чем в своих частях, взятых по отдельности.

Глава XXIX

Я повторял слова Твои, стараясь понять, семь или восемь раз останавливался Ты над творениями Своими, как бы обозревая и одобряя их, и видел, что это так, но не находил при этом в образе действий Твоих тех временных актов мышления, из коих можно бы было заключить, сколько раз это могло происходить. И тогда я воскликнул в сердце своем: «Господи, неужто может быть неистинным Писание, если оно — от самой Истины? Почему же тогда Ты говоришь мне, что все происходило не во времени, а Писание — что день за днем Ты рассматривал сотворенное Тобою и одобрял, и даже говорит о том, сколько раз это было?» И Ты ответил мне, Бог мой, ответил рабу Твоему громким гласом в духовное ухо мое, разрешив глухоту мою: «Человече! Слова Писания Моего — Мои слова, хотя оно и говорит тебе во времени, а Я — вне его, ибо в Слове Моем, совечном Мне, времени нет. Таким образом, как то, что вы видите Духом Моим, Я вижу Сам, так и то, что вы говорите Духом Моим, Я говорю Сам, а потому то, что вы видите во времени, Я вижу вне его, и то, что вы говорите во времени, Я говорю

вне его».

Глава XXX

И я внял гласу Твоему, Господи Боже мой, и слово истины Твоей благодатной росою запало мне в душу, Я понял, сколь безрассудны те, которые осмеливаются порицать миротворение Твое, твердя, что многое сотворил Ты по необходимости, например небеса и светила. И еще говорят они, будто Ты произвел их не из созданной Тобою материи; будто она была создана кем-то другим, Ты же просто собрал ее и упорядочил, воздвиг твердыню мира против врагов Твоих, дабы впредь не могли они нападать на Тебя; будто многого Ты не только не сотворил, но даже не упорядочил, например плотские тела и растения, укорененные в земле: будто все это — от другого начала, враждебного Тебе, и от природы, чуждой Тебе. Так безумствуют те, у которых воззрения на созданное Тобою не по Духу Твоему, и потому они не познают Тебя в них.

Глава XXXI

Что же до тех, которые смотрят на творения Твои по внушению Духа Твоего, то они видят их так, как видишь Ты, ибо видят их через Тебя. И когда они видят, что творения Твои благи, то это потому, что Ты видишь их благими; и если любят они то же, что и Ты, то в этом, любимом ими, они любят Тебя. Все, что мы любим по внушению Духа Твоего, все это и Ты любишь в нас, любишь, как и нас самих. «Кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (I Кор. II, 11, 12). «Но как, — спрашиваю я сам себя, — каким образом можем мы знать и быть уверенными, что это даруется нам от Бога?» И внутренний голос отвечает: «Как истинно то, что никто не знает Божьего, кроме Духа Божия, так истинно и то, что мы приемлем этот дар от Бога по внушению Духа Божия». Поэтому правильно сказано тем, которые говорили в Духе Божием: «Не вы будете говорить, но Дух отца вашего будет говорить в вас» (Мф. X, 20; Мк. XIII, 11; Лк. XII, 12); таким же

образом будет правильно сказать тем, кто знает в Духе Божием: «Не вы знаете», и тем, кто видит в Духе Божием: «Не вы видите». Итак, которые видят что-то доброе в Духе Божием, видят это не сами: Бог видит, что это хорошо.

Одно дело, когда кто-то считает плохим то, что хорошо, как те безумцы, о которых мы только что говорили; другое — когда хорошее видят хорошим, но не видят Тебя в творениях Твоих, такие предпочитают наслаждаться в тварях, а не в их Творце; и совсем иное дело, когда человек, глядя на творения Твои и видя, что они прекрасны, сознает, что видит их так, как видишь Ты, ибо видит их через Тебя, точнее, Ты сам в нем видишь их, так что Сам, как Творец, становишься для таковых предметом любви в творениях Своих, и такая любовь рождается в сердцах наших только по внушению Духа Святого, «потому что любовь Божия изливается в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. V, 5). И этим-то Духом мы видим, что все существующее — благо, ибо оно — от Тебя, Сущего самодостаточно и абсолютно.

Глава XXXII

Благодарим Тебя, Господи! Мы видим небо и землю, мир горний и мир дольний; мы видим свет, отделенный от тьмы; видим твердь, отделяющую верхние, духовные воды, от нижних, телесных; видим воздушное пространство, также называемое небом, в котором летают птицы; видим красоту вод, собранных в моря; видим сушу, изначально пустую, теперь же устроенную, произрастившую деревья и травы; видим светила на тверди: большое светило (солнце) «для управления днем», светило меньшее (луну) «для управления ночью» и звезды: все они обозначают и время, и дни, и года. Мы видим: произвела вода рыб, населяющих ее, а также и птиц пернатых, летающих по ней, ибо от испарения вод плотность воздуха, в котором они летают. Мы видим, наконец, каким бесчисленным множеством земнородных тварей, «душ живых», украсил Ты лик земли, и выше их всех — человек, выше образом и подобием Твоим, т. е. разумом и духовностью. И как в духовной природе его одна сторона рассуждает и приказывает, другая же — повинуется ей, так и в телесной: жена повинуется

мужу; не потому, что природа ее неразумна, но по полу своему. Это подобно тому, как действие часто порождается желанием, но происходит под руководством разума, решающего, как это сделать лучше. Мы видим все это, Господи, видим и познаем: порознь все это — хорошо, вместе же — хорошо весьма.

Глава XXXIII

Да восхвалят Тебя, Господи, дела Твои, чтобы нам полюбить Тебя; да полюбим Тебя, чтобы восхвалили Тебя дела Твои, преходящие творения Твои, имеющие во времени начало и конец, восход и закат, рост и упадок, красоту и ущербность. Все имеет свое утро и свой вечер, когда явно, а когда и незаметно. Все создано Тобою из «ничто», не из субстанции Твоей, а из материи, также Тобою сотворенной, изначально бесформенной, но оформленной Тобою в тот же миг, когда она была создана. Материи неба и земли различны, различен и вид их. Материю Ты создал из ничего, мир — из бесформенной материи, но и бесформенное бытие свое, и оформленность она обрела сразу, без всякого промежутка времени.

Глава XXXIV

Вникали мы в иносказательный смысл миротворения Твоего и увидели, что каждое творение Твое само по себе хорошо, а все вместе — хорошо весьма; что через Слово, через Единородного Твоего сотворил Ты небо и землю, сотворил прежде всяких времен, ибо они были в предвечном предопределении Твоем: небо — как слава, земля — как тело Церкви Твоей. Но Ты стал являть во времени предвечное Твое, и тогда, дабы раскрыть сокровенные судьбы Твои и восстановить падшую нашу природу, уклонившуюся от Тебя и скатившуюся в мрачную бездну, стал Дух Твой носиться над водою, подавая нам помощь в благопотребное время. Ты оправдал нас, грешных, «ибо незнавшего греха сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (II Кор. V, 21). Ты отделил верных и раскаявшихся от грешников, утвердил авторитет Писаний Твоих среди начальствующих, покорных Тебе, и среди тех, кто подчиняется им, собрав всех верных Тебе воедино, собрав воедино и неверных. Да проявится рвение верных, да милосердствуют они, любя, да поделятся с братьями

земными благами, дабы стяжать блага небесные.

Тогда-то возжег Ты светильники на тверди, этих светлых мужей Твоих, сияющих духовными дарами, которые, содержа в себе Слово жизни, могли проливать свет богопознания своего и на других. Тогда же явил Ты тайны Твои и чудеса для обращения неверных народов, исполнил пророчества в соответствии с твердью Писаний Твоих. Наконец, Ты даровал верным образовать в себе душу живую, научив страсти побеждать воздержанием. Ум, подчинившийся Тебе, Ты обновил по образу и подобию Твоему, как мужу жену Ты подчинил все действия верных разуму их, пожелав, дабы слугам Твоим, кои нужны в этой жизни для усовершения верных, эти верные Церкви помогали в житейских их нуждах, и дела милосердия их в надлежащее время принесут им обильные плоды. Мы все это видим, Господи, видим, что все дела Твои хороши весьма, ибо Ты сам видишь их в нас, Ты, Который даровал нам Духа Святого, чтобы мы видели дела Твои и в них любили Тебя.

Глава XXXV

Даруй нам, Господи Боже наш, давший нам мир, даруй нам мир покоя, мир субботы Твоей, субботы вечной, которая не знает вечера своего. Ибо весь этот прекрасный порядок прекрасных творений Твоих, свершив свой путь, пройдет. Все они имели утро свое, значит, будет у них и вечер.

Глава XXXVI

Но день седьмой не имеет вечера, он вечен, ибо Ты благословил и освятил его, и слово Твое возвещает нам, что как Ты «почил в день седьмый от всех дел Своих» (Быт. II, 2), так дивно сотворенных Тобою, хотя Ты творил их, не нарушая покоя Своего, так и мы, по совершении дел наших, которые потому и хороши, что они — дар Твоей благодати, «войдем в покой Твой», успокоимся в Тебе в вечном субботстве (Евр. IV, 1–10).

Глава XXXVII

Тогда и Ты почиешь в нас, как ныне действуешь в нас; и этот покой Твой в нас, которым мы будем наслаждаться там, будет подобен делам Твоим, которые Ты совершаешь в нас здесь. Ты, Господи, как действуешь всегда, также всегда и покоишься. Ты созерцаешь вне времени, действуешь вне времени, покоишься вне времени, и, однако, творишь временное, творишь само время и покой по скончании времен.

Глава XXXVIII

Итак, мы видим творения Твои, Господи, ибо они существуют; они же существуют потому, что Ты видишь их. Мы видим их внешнее, ибо они есть, мы видим их внутреннее, ибо они благи. Ты же видел их и тогда, когда они еще не обрели во времени бытие свое. И теперь, когда Ты даровал нам Духа Святого и Дух Твой наставил нас на путь правый, мы обрели способность творить добро. Было время, когда, отпав от Тебя, мы творили злое, Ты же, Господи единый и благой, всегда творишь добро. И хотя мы по благодати Твоей можем творить и творим добро, но оно не вечно. Но мы веруем, что, окончив дела свои, обретем покой в Твоей святости и величии. Ты же, высочайшее Благо, не нуждаясь ни в каком благе, наслаждаешься безначальным и вечным покоем, ибо покой Твой — в Тебе.

Какой человек способен раскрыть людям неизъяснимую тайну Твою? Какой ангел раскроет ее пред ангелами или пред людьми? Тебя должны мы просить, в Тебе надлежит нам искать, к Тебе стучаться, Господи. Только так будет нам дано, только так — найдено, только так откроется

нам (Мф. VII, 7, 8). Аминь.